

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»

А.В. Безруков

АНТИЧНЫЙ МИР И ВАРВАРСКАЯ ПЕРИФЕРИЯ

*Утверждено Редакционно-издательским советом университета
в качестве учебного пособия*

Магнитогорск
2019

УДК 929.652 (075.8)
ББК 63.2 Я73(2)

Рецензенты:

кандидат исторических наук,
преподаватель истории и обществознания,
МАОУ «Академический лицей» г. Магнитогорск
Н.С. Фролова

кандидат социологических наук,
доцент кафедры социальной работы и психолого-педагогического образования,
ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова»
А.В. Томаров

Безруков А.В.

Античный мир и варварская периферия [Электронный ресурс] : учебное пособие / Безруков Андрей Викторович ; ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова». – Электрон. текстовые дан. (0,89 Мб). – Магнитогорск : ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова», 2019. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – Систем. требования : IBM PC, любой, более 1 GHz ; 512 Мб RAM ; 10 Мб HDD ; MS Windows XP и выше ; Adobe Reader 8.0 и выше ; CD/DVD-ROM дисковод ; мышь. – Загл. с титул. экрана.

ISBN 978-5-9967-1694-4

Пособие составлено в соответствии с типовой программой дисциплины «Античный мир и варварская периферия», содержит методические рекомендации и материал для практических занятий по курсу «Античный мир и варварская периферия», теоретический и терминологический минимумы, список рекомендуемой литературы. Пособие позволяет изучить курс «Античный мир и варварская периферия» и применять на практике полученные знания при подготовке к лекционным, практическим занятиям.

Пособие предназначено для студентов-магистров направлений подготовки 46.04.01 «Педагогическое образование», магистр истории (профиль «История России») и 44.04.01 «Педагогическое образование» (профиль «История»).

УДК 929.652 (075.8)
ББК 63.2 Я73(2)

ISBN 978-5-9967-1694-4 © Безруков А.В., 2019
© ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова», 2019

Содержание

1. МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПОДГОТОВКЕ К ПРАКТИЧЕСКИМ ЗАНЯТИЯМ ПО АНТИЧНОЙ НУМИЗМАТИКЕ.....	4
2. РЕКОМЕНДУЕМАЯ УЧЕБНАЯ И НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ДИСЦИПЛИНЕ «АНТИЧНЫЙ МИР И ВАРВАРСКАЯ ПЕРИФЕРИЯ».....	6
3. ТЕМАТИКА ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ ПО АНТИЧНОМУ МИРУ И ВАРВАРСКОЙ ПЕРИФЕРИИ	9
4. ВОПРОСЫ ДЛЯ КОНТРОЛЯ И ПОДГОТОВКИ К АТТЕСТАЦИИ.....	12
5. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ МИНИМУМ.....	13
История изучения проблемы греко-римско-варварских контактов в отечественной и зарубежной историографии	13
Античность и варвары: возможность, формы и принципы сопоставления культур	25
Понятие «варвары» по данным греческой и римской письменной традиции: общее и особенное	39
Концепции обмена в ранних обществах: переход от натуральных форм к товарным: причины и условия.....	52
Торгово-экономические, политические и культурные связи: общая характеристика	67
Эпоха Великого переселения народов: римско-варварские контакты.....	82
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ МИНИМУМ	102

1. МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПОДГОТОВКЕ К ПРАКТИЧЕСКИМ ЗАНЯТИЯМ ПО АНТИЧНОЙ НУМИЗМАТИКЕ

Представленное учебно-методическое пособие составлено для студентов-магистрантов 1 курса, обучающихся по направлению «Педагогическое образование», профиль: История России. Пособие помогает эффективно и с учётом современных требований, предъявляемым к организации учебного процесса организовать самостоятельную работу по подготовке к практическим занятиям по курсу «Античный мир и варварская периферия», содержит тематику практических занятий, список рекомендуемой литературы и справочные материалы по организации монетного дела в античную эпоху.

Практические занятия по указанной учебной дисциплине проводятся в форме семинаров. Семинар – особая форма учебно-теоретических занятий, которая служит дополнением к лекционному курсу и посвящена детальному изучению отдельного аспекта темы.

В пособии представлена тематика семинарских занятий, предполагающая раскрытие ряда основных тем и актуальных проблем данного раздела истории Древнего мира. Греко-римско-варварские контакты служат важным источником не только по экономике и политической истории Древней Греции и Древнего Рима, но и предоставляют информацию по идеологии, религиозной сфере, свидетельствуют о степени развития международных отношений в античную эпоху.

Семинар – особая форма учебно-теоретических занятий, которая служит дополнением к лекционному курсу и посвящена детальному изучению отдельной темы.

На семинаре от студента требуется активное участие в обсуждении вынесенных на рассмотрение проблем. Роль преподавателя на семинаре – помочь правильно построить обсуждение.

К семинарским занятиям необходимо тщательно готовиться. Студент заранее знакомится с планом семинарского занятия и литературой, рекомендуемой для изучения данной темы. При подготовке к традиционному семинару необходимо внимательно прочитать материал, данный преподавателем по этой теме на лекции; изучить рекомендованную литературу, делая при этом выписки (закладки), которые понадобятся при обсуждении на семинаре. После семинара рекомендуется резюмировать окончательный ответ на вопросы, которые были рассмотрены и проанализированы.

Студенты акцентируют свое внимание на сугубо описательном компоненте подготовки к семинарскому занятию и, как правило, полагают, что основная задача их работы – скопировать информацию и устно донести ее до преподавателя и одногруппников. Однако, основная цель семинарского занятия – это не только получение новой информации, но, прежде всего – формирование навыков научно-исследовательской работы, навыков публичного выступления с элементами дискуссии и полемики, а также устного сообщения.

При подготовке к семинарскому занятию, студенты-магистранты должны учитывать следующие рекомендации:

Подготовка к семинарскому занятию это индивидуальная, а не групповая форма работы.

Во-первых, необходимо сразу дать студенту-магистранту установку на то, что он должен подготовить ответы на все вопросы плана семинара самостоятельно. При этом необходимо делать конспект именно своего устного ответа на вопросы семинара, а не конспект-компиляцию из предложенной в плане семинара литературы.

При подготовке ответов на вопросы, целесообразно искать материал сначала в монографических исследованиях, а затем в научных статьях. Нужную информацию лучше выписывать на отдельные листы или карточки, на широких полях которых следует делать ссылку на страницу источника и сам источник полученной информации. И уже потом, на основе этих выписок, делать конспект своего семинарского ответа. Можно составлять планы-конспекты ответа в электронном виде, ментальные карты, упорядоченную базу заметок. Ссылки необходимо делать по библиографическим стандартам.

Ответы на вопросы семинара необходимо делать по существу проблемы, опуская лишние сведения и детали. Конспект ответа необходимо составить в научном стиле, ориентируясь при этом на стилистику научных статей, предложенных в списке литературы к семинарскому занятию.

Примите несколько советов и рекомендаций:

1. Необходимо уже в начальный период изучения курса завести специальную рабочую тетрадь для подготовки к зачету или ее электронный эквивалент, листы которой необходимо изначально разделить по количеству вопросов к экзамену. В начале каждого раздела напишите название вопроса.

2. Готовясь к ответу на конкретный вопрос, просмотрите соответствующий раздел учебного пособия, монографии или научной статьи. Постарайтесь выделить главные идеи, факты и термины, а также четкие географические рамки, относящиеся к этому вопросу, и составьте план ответа. План запишите в тетрадь.

3. В соответствии с планом составьте письменный ответ на вопрос. Он может быть представлен следующим образом:

а) как пространный (подробный) план, снабженный названиями, географическими указаниями, именами и терминами;

б) как связный текст.

4. Обратите особое внимание на географическую локализацию (размещение) конкретных монетных кладов и единичных находок, топографию.

2. РЕКОМЕНДУЕМАЯ УЧЕБНАЯ И НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ДИСЦИПЛИНЕ «АНТИЧНЫЙ МИР И ВАРВАРСКАЯ ПЕРИФЕРИЯ»

Учебная литература

Беляков А.С. Нумизматика // Введение в специальные исторические дисциплины. М., 1990.

Казаманова Л.Н. Введение в античную нумизматику: учеб. пособие. М., 1969; 2-е изд. М., 2013.

Потин В.М. Монеты. Клады. Коллекции. Очерки нумизматики. СПб., 1993.

Суриков, И.Е. Аристократия и демос: политическая элита архаических и классических Афин [Текст] / И.Е. Суриков. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. – 256 с. – ISBN 978-5-91244-011-3.

Фортунатов, В. В. История мировых цивилизаций [Текст] / В. В. Фортунатов. - СПб. [и др.]: Питер, 2011. - 528 с. – ISBN 978-5-459-00980-4.

Andrey Bezrukov. Trade and Economic Contacts Between the Volga and Kama Rivers Region and the Classical World// BAR (British Archaeological Reports), International Series 2727, Oxford, United Kingdom 2015. – 100 pages, ISBN: 9781407313825

Исследования

Абрамзон М.Г., Фролова Н.А. Античные золотые монеты в собрании Государственного исторического музея. М., 2010.

Абрамзон М.Г., Фролова Н.А. Денежное обращение Боспора в VI в. до н. э. – IV в. н. э. // Античное наследие Кубани / ред. В.Д. Кузнецов. М., 2011. Т. 2.

Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса IV в. до н.э. – XII в. н.э. Киев, 1977.

Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986.

Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. Киев, 1999.

Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.

Введение в античную нумизматику [Текст] / Учебное пособие / Л.Н. Казаманова; Отв. ред. Н.А. Фролова, Г.А. Кошеленко; Гос. Истор. музей. - 2-е изд. - М.: ИЦ РИОР: НИЦ ИНФРА-М, 2013. - 360 с. - ISBN 978-5-369-01165-2.

Журнал «Вестник древней истории».

Зварич В.В. Нумизматический словарь. Львов, 1976.

Зограф А.Н. Античные монеты // Материалы и исследования по археологии СССР. № 16. М.; Л., 1951.

Карышковский П.О. Монеты Ольвии. Очерк денежного обращения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху. Киев, 1988.

Карышковский П.О. Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н.э. – IV в. н.э.). Одесса, 2003.

Кропоткин В.В. Клады римских монет на территории СССР // Свод археологических источников. М., 1961. Вып. Г4-4.

Культурология [Электронный ресурс]: Учебное пособие / А. Л. Доброхотов, А. Т. Калинин. – М.: ИНФРА-М: ИД ФОРУМ, 2010. - 480 с. – Режим доступа: <http://znanium.com/catalog.php?bookinfo=187797> – ISBN 978-5-8199-0414-5.

Маяк, И. Л. Римские древности по Авлу Гелию: история, право [Электронный ресурс]: Монография / И. Л. Маяк. - М. : Аргамак, 2012. - 336 с. – Режим доступа: <http://znanium.com/bookread.php?book=3298574> – ISBN 978-5-16-005612-8.

Мельничук, Я. В. Рождение Римской цензуры: Исследование античной традиции в области истории гражданского управления Древнего Рима [Электронный ресурс]: Учебное пособие / Я. В. Мельничук. - М.: РГГУ, 2010. - 381 с. - Режим доступа: <http://znanium.com/catalog.php?bookinfo=444390> - ISBN 978-5-7281-1156-6.

Мэттингли Г. Монеты Рима с древнейших времен до падения Западной империи. М., 2005.

Розин, В.М. Предпосылки и особенности античной культуры [Текст] / В.М. Розин. — М., 2004. — 298 с. ISBN 5-201-02129-8.

Сапрыкин С.Ю. Денежное обращение на хоре Херсонеса Таврического в античную эпоху (историко-нумизматическое исследование). М., 2005.

Современный словарь по общественным наукам [Электронный ресурс] / Под общ. ред. О. Г. Данильяна. - М.: НИЦ Инфра-М, 2013. - 314 с. – Режим доступа: <http://znanium.com/bookread.php?book=329802> – ISBN 978-5-16-005612-8.

Суриков И.Е. Древнейшие афинские монеты (Warrenmünzen): проблемы интерпретации и датировки // Античный мир и археология. Саратов, 2006. Вып. 12.

Терешенко А.Е. Истоки экономического кризиса III в. до н.э. // Российская археология. 2010. № 4.

Туровский Е.Я. Монеты независимого Херсонеса IV–II вв. до н.э. Симферополь, 1997.

Туровский Е.Я., Ступко М.В. Монеты античных городов Крыма. Севастополь, 2008.

Фёдоров-Давыдов Г.А. Монеты – свидетели прошлого. Популярная нумизматика. М., 1985.

Фёдоров-Давыдов Г.А. Монеты рассказывают. М., 1990.

Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. Словарь нумизмата. М., 1993.

Фортуатов, В. В. История мировых цивилизаций [Текст] / В. В. Фортуатов. - СПб. [и др.]: Питер, 2011. - 528 с. – ISBN 978-5-459-00980-4.

Фролова Н.А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. – середина IV в. н.э.): в 2 ч. М., 1996.

Фролова Н.А., Абрамзон М.Г. Античные монеты и свинцовые тессеры Херсонеса Таврического в собрании Государственного исторического музея: Каталог. М., 2014.

Фролова Н.А., Абрамзон М.Г. Римские монеты в собрании Государственного исторического музея. Каталог монет античной Тире. Античные золотые монеты: в 6 кн. М., 2001–2010.

Фролова Н.А., Абрамзон М.Г. Монеты Ольвии в собрании Государственного исторического музея: каталог. М., 2005.

Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М., 1956.

Burnett A.M. Coinage in the Roman World. London, 1987.

Burnett A.M. Coins, Interpreting the Past. London, 1991.

Casey P.J. Understanding Ancient Coins. London, 1986.

Crawford M.H. Roman Republican Coinage. London, 1974.

Grierson Ph. Numismatics. London, 1975.

Duncan-Jones R. Money and Government in the Roman Empire. Cambridge, 1994.

Howgego Chr. Ancient History from Coins. London; New York, 1995.

3. ТЕМАТИКА ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ ПО АНТИЧНОМУ МИРУ И ВАРВАРСКОЙ ПЕРИФЕРИИ

Тема 1. История изучения проблемы греко-римско-варварских контактов в отечественной и зарубежной историографии

1. Начальные этапы формирования торгово-экономических связей между античными центрами и варварскими племенами.
2. Великая Греческая колонизация как один из факторов активизации греко-варварских контактов в Средиземноморье.
3. Разделение мира на «мастерские мира» и «мировую деревню».

Литература:

Андреев, Ю.В. Греки и варвары в Северном Причерноморье. М., 1996.

Виноградов, Ю. А. Греки и варвары на Боспоре Киммерийском в доримскую эпоху /автореф. на соиск. ученой степ. доктора ист. наук: 07.00.06 / Ю. А. Виноградов. – СПб., 2002.

Фролов, Э.Д. Рождение греческого полиса. Л.: «Наука», 1988.

Lepore, E. Per una fenomenologia storica del rapporto citta-territorio in Magna Grecia. Napoli, 1970.

Тема 2. Античность и варвары: возможность, формы и принципы сопоставления культур.

1. Характеристика основных форм и принципов организации торговых контактов
2. Греки и варвары: ports of trades (к вопросу об организации постоянных мест для обмена).
3. Варварский hinterland: сущность и содержание понятия.

Литература:

Абрамзон, М.Г. Экономические связи Боспора в VI в. до н.э.-III в. н.э.: греческие монеты в денежном обращении. Магнитогорск, 2010.

Болгов, Н.Н. Античные письменные источники. Греция. Белгород, Изд-во БГУ, 1999.

Bezrukov, A.V. Trade and economic contacts between Volga and Kama rivers region and the classical world. Oxf., 2015.

Boardman, J., Griffin J. Murray O. The Oxford history of Greece and the Hellenistic World. Oxf., 1996.

Тема 3. Понятие «варвары» по данным греческой и римской письменной традиции: общее и особенное.

1. Формирование термина «варвар» на примере характеристики античных источников.

2. Первые случаи упоминания термина «варвар» в античной письменной традиции.
3. «Варвар»: этническая, лингвистическая и культурная составляющие понятия.

Литература:

- Андреев, Ю.В. Греки и варвары в Северном Причерноморье [Текст] / Ю.В. Андреев // ВДИ. – 1996.
- Белох, Ю. Греческая история. в 2 т. Т. 1. М., 2009.
- Иванчик, А.И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII-VII вв. до н.э. в античной литературной традиции. Фольклор, литература и история. Москва-Берлин: «Палеограф», 2005. – 311 с.
- Яйленко, В.П. Архаическая Греция и Ближний Восток. М.: «Наука», 1990.

Тема 4. Концепции обмена в ранних обществах: переход от натуральных форм к товарным: причины и условия.

1. Использование монеты как средство обмена, платежа и стандарт ценности.
2. Общие тенденции в торгово-экономической сфере греко-римско-варварского мира.
3. Торговля и обмен по данным античной письменной традиции.

Литература:

- Зограф А.Н. Античные монеты // Материалы и исследования по археологии СССР. № 16. М.; Л., 1951.
- Иессен, А.А. Греческая колонизация Северного Причерноморья [Текст] / А.А. Иессен. – Л.: «Наука», 1994.
- Суриков И.Е. Древнейшие афинские монеты (Warrenmünzen): проблемы интерпретации и датировки // Античный мир и археология. Саратов, 2006. Вып. 12.
- Casey P.J. Understanding Ancient Coins. London, 1986.

Тема 5. Торгово-экономические, политические и культурные связи: общая характеристика

1. Основные тенденции в развитии торгово-экономических и культурных связей между античными центрами и варварскими племенами.
2. Греко-варварские взаимоотношения. Монетная техника.
3. Римско-варварские контакты: характер и содержание.

Литература:

- Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В. Клады античных монет на юге России (по материалам Краснодарского края). М., 2002.

Беляков А.С. Нумизматика // Введение в специальные исторические дисциплины. М., 1990.

Казаманова Л.Н. Введение в античную нумизматику: учеб. пособие. М., 1969; 2-е изд. М., 2013.

Колпинский Ю.Д. Великое наследие античной Эллады и его значение для современности. М.: «Изобразительное искусство», 1988.

Яйленко, В.П. Греческая колонизация VII – III вв. до н.э. М.: «Наука», 1982.

Burnett A.M. Coins, Interpreting the Past. London, 1991.

Тема 6. Эпоха Великого переселения народов: римско-варварские контакты

1. Данные письменных источников и археологические свидетельства.
2. Дискуссия о хронологии процесса и причинах.
3. Итоги и последствия.

Литература:

Абрамзон М.Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995.

Абрамзон М.Г., Фролова Н.А. Корпус боспорских кладов античных монет. Симферополь; Керчь, 2007–2008. Т. 1: 1834–2005.

Абрамзон М.Г., Фролова Н.А. Античные золотые монеты в собрании Государственного исторического музея. М., 2010.

Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986.

Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. Киев, 1999. Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.

Зварич В.В. Нумизматический словарь. Львов, 1976.

Карышковский П.О. Монеты Ольвии. Очерк денежного обращения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху. Киев, 1988.

Мэттингли Г. Монеты Рима с древнейших времен до падения Западной империи. М., 2005.

Петропулос, И. Эллинская колонизация Северного Причерноморья в VII - первой четверти VI вв. до н.э. Проблемы и дискуссии. М., 1999.

Поваляев, Н.Л. Ещё раз к вопросу о моделях греческой колонизации: Апойкия или Эмпорий. Археологическое сравнение. Магнитогорск, 2008.

Фролова Н.А., Абрамзон М.Г. Римские монеты в собрании Государственного исторического музея. Каталог монет античной Тире. Античные золотые монеты: в 6 кн. М., 2001–2010.

Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М., 1956.

Kraay C.M. Archaic and Classical Greek Coins Berkeley; London, 1976.

Kraay C.M. Greek Coins. London; New York, 1966.

4. ВОПРОСЫ ДЛЯ КОНТРОЛЯ И ПОДГОТОВКИ К АТТЕСТАЦИИ

1. Эволюция понятия «варвар» на примере характеристики античных источников.
2. Основные формы и принципы организации торговых контактов.
3. Начальные этапы формирования торгово-экономических связей между античными центрами и варварскими племенами.
4. Античность и варвары: возможность, формы и принципы сопоставления культур.
5. Торгово-экономические и культурные связи: общая характеристика.
6. Использование монеты как средство обмена, платежа и стандарт ценности.
7. История развития торгово-экономических и культурных связей между античными центрами и варварскими племенами.
8. Принципы взаимодействия обществ с различным уровнем развития (концепция К. Поланьи).
9. Возникновение и развитие центров обмена и распределения товаров: port of trade.
10. Археологические источники как основной вид источников.
11. Письменные и эпиграфические источники.
12. Роль варварской периферии в экономике античных центров.
13. Военные конфликты и их роль в формировании политических и культурных связей между античными центрами и варварскими племенами.
14. Современное состояние изученности проблемы в отечественной и зарубежной историографии.

5. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ МИНИМУМ

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ГРЕКО-РИМСКО-ВАРВАРСКИХ КОНТАКТОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

1. Начальные этапы формирования торгово-экономических связей между античными центрами и варварскими племенами.
2. Великая Греческая колонизация как один из факторов активизации греко-варварских контактов в Средиземноморье.
3. Разделение мира на «мастерские мира» и «мировую деревню».

1. Начальные этапы формирования торгово-экономических связей между античными центрами и варварскими племенами: предмет изучения, задачи и специфика. История Древней Греции и Древнего Рима, начиная с эпохи архаики, контакты эллинов с представителями других государств, племён и народов территорий Европы, Азии и Африки сыграли знаковую роль в социально-политической, экономической и культурной сферах жизни общества. В значительной степени активность контактов была обусловлена географическим фактором, а именно недостатком пригодной для обработки земли, стенохория уже в архаический период истории Эллады заставила политически силы греческих государств искать принципиально новые подходы в решении проблемы. Одним из самых известных и убедительных примеров является, вне всякого сомнения, феномен Великой греческой колонизации в её восточной, причерноморской колонизационной модели.

Несмотря на сравнительно немногочисленные коллективы греческих переселенцев, вынужденных покинуть метрополию в силу ряда причин, рассмотрение и анализ которых не служит предметом данной работы, сумели за сравнительно короткий период, начиная с VIII в. до н.э. по V в. до н. э. включительно освоить и заселить обширные прибрежные в ходе колонизации. Структура, политический, экономический и культурный уровень облик греческих апойкий и эмпориев во многом зависели от модели греко-варварских контактов, сформированных в ходе колонизации и обусловленных целым рядом причин социально-экономического, культурного, религиозного и этнического характера

Очевидно, что греческие поселения Северного Причерноморья дают яркий пример существования разнообразных форм государственного устройства в контексте сравнительно ограниченной территории и короткого хронологического периода, что обусловлено было появлением времени на политической арене нового субъекта – Римской империи. Ряд актуальных и по настоящий день вопросов истории греческих городов-государств Северного Причерноморья остаются дискуссионными, что связано, во-первых, с введением в научный оборот значительного количества новых данных,

полученных в ходе археологических исследований последних двух-трёх десятилетий, а во-вторых с пересмотром подходов в решении проблемы, ориентированной в большей степени на междисциплинарные связи.

Среди целого ряда задач и вопросов одной из важнейших проблем теоретического и методологического характера выступает проблема идентификации модели и статуса эллинских поселений в Северном Причерноморье на начальном этапе своего существования и связанные с ней социально-экономические, политические и культурные аспекты формирования полисной государственности.

Как известно, именно полис был ведущей формой экономической, социальной, политической и идеологической организации древнегреческого общества, что нашло своё отражение в колонизационной практике греков на территории Северного Причерноморья, начиная с финальной стадии архаической эпохи.

Не менее важной является проблема определения сущности возникновения и существования тиранических режимов в Ольвии и на Боспоре уже на раннем этапе формирования греческих поселений. Важность данной проблемы обусловлена тем обстоятельством, что для самих метрополий данный тип политического режима в целом был нехарактерен, и в данном случае перед нами история специфического и единичного явления в истории греческих государственных образований.

Одним из основополагающих моментов в исследовании различных аспектов данной проблемы можно назвать то обстоятельство, что, начиная с 60-х гг. XX в. как отечественной, так и зарубежной в исторической науке наметился поворот к комплексному изучению основных проблем истории античного мира и его варварской периферии в локальных вариантах.

На сегодняшний день очевидно, что поставленные цели и задачи необходимо решать с позиций комплексного подхода, в рамках которого обе стороны колонизационного процесса, как греки, так и варвары, анализируются как элементы единой системы взаимодействия этносов, находящихся на разных уровнях социально-политического, экономического и культурного развития. Предложенный подход, как нам представляется, требует объединения совместных усилий историков античности, археологов, нумизматов и лингвистов в контексте решения актуальных проблем античной истории.

В течение нескольких последних десятилетий непрерывное поступление археологического и особенно эпиграфического материалов на современном этапе состояния проблемы стимулирует новые цели и задачи исследований в области истории греческих полисов Северного Причерноморья и ближней варварской периферии. Тем более что, несмотря на обширную историографию вопроса, все они связаны предельно узкими территориальными и хронологическими рамками, ограниченными территориями Причерноморья в рамках истории античной эпохи.

В настоящее время исследователи всё больше признают очевидность того, что история эллинских колоний была, историей отношений и взаимодействий

античной цивилизации в лице греков-колонистов с окружающим эти колонии туземным населением. Именно в этом, основном своем значении ей, пожалуй, нет равных для изучения адаптационных механизмов, действовавших ранее и в том или ином виде продолжающих действовать и поныне в сфере межнациональных отношений социумов, находящихся на различных ступенях развития.

Следует принимать во внимание и тот факт, что современная история миграционных процессов, межэтнических и межнациональных конфликтов на Ближнем Востоке, в Северной Африке и Европе, динамика их развития демонстрирует нам актуальность изучения подобных процессов в античную эпоху, причины и условия их возникновения, а также методы и пути решения наиболее конфликтных вопросов, независимо от политической, этнической или религиозно принадлежности.

Нет сомнений, что греко-варварские и римско-варварские контакты вообще, особенно контакты с восточными регионами, сыграли едва ли не ведущую роль в истории становления греко-римской цивилизации.

Как видим, существующее положение оставляет желать много лучшего. Но дело не только в этом. При беглом взгляде и предварительном анализе очень сложно обозначить ключевые последствия данного рода контактов для судеб Древней Греции и Древнего Рима. В настоящее время исследователи всё больше признают очевидность того, что история эллинских колоний была, выражаясь словами Э. Лепоре, «пограничной историей», т. е. историей отношений и взаимодействий античной цивилизации в лице греков-колонистов с окружающим эти колонии туземным населением.

С одной стороны перед нами сравнительно немногочисленные в количественном отношении земледельцы, ремесленники и торговцы в лице жителей греческих апоекий северных берегов Черного моря, а с другой – представители автохтонного оседлого и полуоседлого населения лесостепной зоны региона: киммерийцы, скифы, синды, меоты, сарматы и др.

С учетом вышеизложенного данной проблемы в антиковедении и рамках учебной дисциплины определяется следующими факторами:

Во-первых, недостаточной, с точки зрения современного состояния истории антиковедения степенью анализа содержания письменных источников и памятников литературы по истории Северного Причерноморья в рассматриваемый период, который очень фрагментарен и подчас противоречив;

Во-вторых, возможностью сравнить различные аспекты экономики, государственного устройства, организации власти, социального и этнического состава населения: Боспора, Ольвии в указанный период, а также необходимостью практически-теоретического осмысления и научного анализа последствий разрешения конфликтов в аспекте, касающегося взаимодействия социумов, находящихся на различных уровнях социально-экономического, политического и культурного;

В-третьих, необходимостью тщательного анализа письменных, археологических и нумизматических источников по проблеме, представить

особенности взаимоотношений местного населения с эллинами в начальный период колонизации и определением степени процесса варваризации, либо эллинизации Боспора, Ольвии в контексте заявленных хронологических (период античности) и территориальных рамок (территория современных Юга России и Украины).

2. Великая Греческая колонизация как один из факторов активизации греко-варварских контактов в Средиземноморье. В процессе так называемой «Великой греческой колонизации» эллины заселили практически весь бассейн Средиземного и Черного морей. В разных частях этой ойкумены жили многочисленные племена и народы, находившиеся на самых разных ступенях социально-экономического и политического развития. Типы взаимоотношений между греческими переселенцами и автохтонным населением были самыми разнообразными – от мирного сосуществования до кровопролитных войн, не прекращавшихся на протяжении длительного времени. Принимая во внимание это обстоятельство, а также тот факт, что для столь раннего времени письменные источники крайне редки и исследователю приходится полагаться почти исключительно на данные археологии, становится понятным как трудно реконструировать процесс освоения эллинами новых земель и характер их взаимоотношений с местным населением. Поэтому в научной литературе существуют самые разнообразные точки зрения по этой проблеме. Тем не менее, в силу характера имеющихся источников можно говорить о том, что торговля является в глазах многих, если не большинства специалистов, главным двигателем налаживания контактов греков и варваров. Однако такой подход представляется далеко не однозначным.

Проблема взаимоотношений эллинов с окружающими их народами настолько сложна и многообразна, что мало может быть сомнений в невозможности не только ее решения в одной работе, но и даже прояснения наиболее существенных ее сторон. Неслучайно поэтому в научной литературе тема греко-варварских контактов и взаимовлияний является одной из самых актуальных и принципиально важных.

Как представляется, важна она не только для понимания смысла и значения распространения античной культуры в пределах Средиземноморского и Черноморского бассейнов, но и для самой эллинской цивилизации, которая не могла жить в изоляции от «варварской» периферии. Действительно, в любой точке ойкумены, будь то Великая Греция, юг Франции, Африка, Малая Азия или Причерноморье, греки оказывались лицом к лицу с теми племенами, которые издавна населяли все эти территории. Процесс знакомства с подчас удаленными от материковой Греции или Ионии землями особенно ускорился после начала Великой греческой колонизации. Начиная с этого момента, греки должны были вырабатывать *modus vivendi* в условиях окружения новой природы, незнакомых народов с их необычными, часто дикими, с эллинской точки зрения, нравами и обычаями. В такой обстановке созревало и этническое самосознание греков, понимание их обособленности и даже противоположности остальным народам, эллиноцентризм. Не случайно для

обозначения всех остальных людей, не-греков, был изобретен уничижительный термин *barbaros*.

Естественно, что в разных регионах ойкумены у греческих переселенцев взаимоотношения с местными племенами складывались по-разному. Это зависело от многих факторов, в том числе и от уровня развития аборигенного населения в конкретном месте. Например, отсталые таврские племена горного Крыма были настроены крайне враждебно по отношению к пришельцам из Средиземноморья. В этих условиях какие-либо контакты с ними были практически невозможны.

Более развитые народы быстрее находили возможности и способы вступать в те или иные формы контактов с греками. Одним из таких примеров может служить Навкратис, греческий город в Египте. Он был основан в результате договора между египтянами и греками, имел фиксированный статус, выступая в роли постоянного эмпория, т.е. места, где осуществлялась торговля.

Если в этих двух случаях мы не видим каких-либо особых трудностей под углом интересующей нас проблемы, то они немедленно возникают, когда речь заходит об основной массе местных племен, окружавших греческие апойкии: каким был характер взаимоотношений аборигенов с греческими переселенцами? Если он был враждебным, то почему? Если же нет, то чем можно объяснить толерантность местного населения к пришельцам? Оказало ли влияние на местные культуры появление более высокой эллинской культуры и в чем это сказывалось? Что дало грекам соприкосновение с незнакомым для них образом жизни, отличающимся от их собственной материальной культуры? Естественно, что перечисленными вопросами отнюдь не исчерпываются все проблемы, возникающие перед исследователем.

До недавнего времени в научной литературе господствующим был совершенно определенный взгляд на греко-варварские взаимоотношения. В соответствии с ним соприкосновение с эллинской культурой, как более высокой и привлекательной, автоматически вызывало неистребимое желание со стороны местных варварских племен приобщиться к ней, перенять ее достижения. Все, что было греческим, на несколько порядков превосходило негреческое, заставляло стремиться обладать им. Собственно основная идея исследований контактов греков и варваров сводилась к вопросу об уровне усвоения греческой культуры аборигенами.

Данная дихотомия нашла закономерное отражение в специальном термине, который широко используется исследователями, – «эллинизация». В данном контексте практически любое проявление греческого влияния в культуре местного населения давало и дает возможность говорить о его эллинизации. Такой взгляд а priori определял концепцию греко-варварских контактов, которые имели ярко выраженную торговую направленность. После основания греческих колоний местное население стремилось как можно быстрее установить тесные отношения с переселенцами, чтобы начать получать блага в виде различных статей греческого импорта.

Один из специалистов, посвятивших свою работу взаимоотношениям греков и варваров в Северном Причерноморье, так выразил эту идею: «При всей своей идиосинкразии ко всему чужому скифы и другие варвары не могли не поддаться обаянию гораздо более высокой и столь непохожей на их собственную греческой культуры». После этого фраза Л.В. Копейкиной о том, что «Березань служила своеобразным магнитом, который как бы стягивал к себе местное население из глубинных районов материка», кажется вполне логичной и естественной.

Еще более решительными выглядят умозаключения К.К. Марченко на основе анализа лепной керамики о том, что фракийцы специально переселялись за многие сотни километров в Нижнее Побужье с целью торговли с жителями Березани. Для подтверждения тезиса и безусловной притягательности эллинской культуры для аборигенного населения используются не только общеисторические рассуждения и археологические материалы, но и сведения письменных источников. В этом отношении наиболее ярким является известный рассказ Геродота о Скиле (Hdt. 4. 78-80). Ю.В. Андреев считает, что он демонстрирует «в одно и то же время и тяготение степняков к соблазнам греческой цивилизации, и их отталкивание от нее». И заключает: «... учитывая весьма значительный разрыв в уровнях культурного развития и бóльшую открытость греческой культуры, все же приходится признать, что именно греки выступали в этих контактах в роли активных культуртрегеров и доноров ...».

При этом для автора не имеет значения эксклюзивность случая со Скилом: этот пример не может служить подтверждением выдвигаемых положений хотя бы потому, что Скил наполовину был греком и был воспитан в греческих традициях. Не говоря уже о том, что, будучи царем, он имел возможность жить так, как считал нужным.

Вряд ли есть необходимость и дальше приводить примеры работ, написанных в таком же ключе. Правильнее будет задать себе вопрос о том, так ли однозначно выглядит процесс взаимодействия эллинской и многочисленных варварских культур на огромных пространствах Средиземноморья и Причерноморья. Следует отметить, что в последнее время, особенно начиная с 1980-х гг., в научной литературе растет неудовлетворенность как этим традиционным подходом к проблеме греко-варварских взаимоотношений, так и употреблением термина «эллинизация». Это объясняется, прежде всего, тем, что в научный оборот поступают все новые факты, вступающие в противоречие с привычным взглядом на проблему. Так, М. Дитлер пишет, что в течение многих лет термин «эллинизация» служил для объяснения внедрения греческой культуры в «варварские» общества, что само по себе было процессом естественным и неизбежным. Соответственно, целью исследований было объяснение самоочевидного процесса подготовки к последующей романизации варваров. Однако теперь появляются попытки понять культурные заимствования как активный, избирательный процесс со стороны местных племен, понять сложность взаимоотношений между культурами.

Одним из первых, кто поставил этот вопрос, был Ж.-П. Морель. Со своей стороны, Дж. Бордмэн замечает, что жизнь скифов мы видим глазами греков, тогда как их поселения и погребения свидетельствуют о невосприимчивости этими племенами средиземноморского образа жизни.

В свете сказанного мне представляется, что продолжение исследований проблемы греко-варварских взаимоотношений в традиционном русле теории «поступательной эллинизации» ойкумены малоперспективно. Трудно не согласиться со словами о том, что греческие переселенцы не были своего рода христианскими миссионерами, которые открывали истину «диким варварам».]

Видимо следует отказаться от бесконечных поисков дополнительных аргументов, в частности в виде новых археологических материалов, которые бы подтверждали победное шествие античных товаров, завоевывавших сердца отставших в своем развитии аборигенов. Такая постановка отнюдь не означает, что нужно вернуться назад, в те времена, когда греческих переселенцев рассматривали как беспринципных колонистов, стремившихся нажиться на местном варварском населении, безжалостно его эксплуатируя. Речь идет о другом. Необходимо попытаться подойти к проблеме греко-варварских взаимоотношений непредвзято, не рассматривая их а priori в русле эллинизации. Картина таких взаимоотношений была сложнее и многограннее. Для достижения этой цели нужно пересмотреть, хотя бы и кратко, данные, прежде всего, археологических исследований, которые используются для характеристики контактов разных культур. Это сделать крайне сложно. Причина, как известно, заключается в том, что интерпретация археологических источников является делом в высшей степени деликатным, поскольку она всегда многовариантна. Один и тот же комплекс археологических данных при использовании их в исторических реконструкциях может привести разных исследователей едва ли не к прямо противоположным выводам. Еще более реальной является опасность подгонки данных археологии под какие-либо сведения письменных источников. В связи с этим можно даже услышать призывы о необходимости отказа «от использования древних письменных источников для доказательства исследовательских археологических построений». В соответствии с этой точкой зрения археологи должны работать только с археологическими материалами, тогда как письменные источники должны изучаться специалистами, «работающими вне археологии».

Видимо это нужно для «чистоты эксперимента». Однако вряд ли можно согласиться с точкой зрения, в соответствии с которой историкам отказывают в знакомстве с данными археологии, а археологов «не подпускают» к письменной традиции. Хорошо известно, что в течение многих десятилетий в науке активно обсуждалась острая проблема именно оторванности историков от археологии, а археологов от нарративных данных. Работа историков и археологов в отрыве друг от друга не только обеднит историческую картину данного региона, но и приведет к созданию малообоснованных гипотез. Поэтому вполне можно согласиться в этой связи с одним из специалистов, который написал: «При всей их скудости и противоречивости только сведения

нарративных источников могут придать нашим археологическим реконструкциям более или менее определенную этническую окраску, а значит, и некую историческую конкретность. Не будь последних, этногеография Юга Восточной Европы, реконструируемая исключительно средствами археологии, выглядела бы совсем иной, во всяком случае, намного беднее, чем ее видели современники-греки».

Может быть первым и важнейшим шагом в продвижении вперед при решении проблемы греко-варварских взаимоотношений следует назвать критический подход к источникам, археологическим и письменным, неприятие на веру всех устоявшихся теорий и гипотез. Большое значение в этом отношении имеет отказ от упрощенного подхода при интерпретации источников. Приведем простой пример. Находка в хинтерланде нескольких десятков греческих черепков совершенно не обязательно является свидетельством торговых связей, установленных эллинскими переселенцами с аборигенами. Уже только такая констатация заставляет исследователя искать другие возможные варианты объяснения такого «импорта». Тем более не дает возможности согласиться с теориями, построенными на основе этой гипотезы (например, о торговой направленности греческой колонизации).

При решении проблем греко-варварских контактов важное значение имеет сравнение ситуаций в разных частях Средиземноморья и Причерноморья. Новые данные или гипотезы, полученные в одном регионе, могут помочь по-новому взглянуть или даже иначе понять характерные черты этого процесса в другом. В этом отношении наиболее близким и сравнимым с Северным Причерноморьем регионом является Западное Средиземноморье, и специально юг Франции. При всех своих различиях, эти два крайних предела известного мира были освоены греками довольно поздно. Они отличаются определенной схожестью ландшафтов и богатством земель, крупными реками, соединяющими хинтерланд с морским побережьем, и огромным количеством местных племен, окружавших греческие колонии. Неслучайно, специалисты, работающие в северном Понте и на морском побережье Галлии, сталкиваются с одними и теми же проблемами при анализе взаимоотношений варваров и греков.

Вопрос, который является важнейшим при рассмотрении проблем греко-варварских взаимоотношений, — это причины и движущие силы колонизации. Многие исследователи говорили и продолжают говорить о выводе колоний в северный Понт как об акте метрополии, преследующем цели получения местных товаров и сырья. Если согласиться с тем, что она имела торговую направленность (и тем более сырьевую), то мы должны будем признать, что греки прибыли в Северное Причерноморье, имея в виду как можно быстрее установить связи с местными племенами для налаживания механизма торговли с ними. Это предполагает, что на первом этапе эллинские купцы должны были получить надежную информацию о тех потенциальных богатствах местных территорий, которые впоследствии должны были приносить им доход. Соответственно, первыми греческими поселениями были торговые фактории

или эмпории. Любой греческий импорт в хинтерланде, даже если речь идет о нескольких черепках, должен рассматриваться как свидетельство торговых контактов с аборигенами. Безусловно, керамика не была единственной статьей греческого экспорта. Помимо нее вглубь континента привозили, как обычно считается, вино, оливковое масло, ткани, в том числе одежду, бронзовую посуду, ювелирные украшения и др. В ответ варвары поставляли рабов, шкуры, зерно, меха, мед и т.д. Таким образом, начавшись практически с основания колоний, греко-варварская торговля с течением времени расширялась и углублялась, став основой для эллинизации местного населения.

Этот подход, зародившийся более столетия назад, воплотился в известную теорию о трех этапах колонизации Северного Причерноморья с обязательным эмпориальным периодом.

Тем не менее, несмотря на многочисленные коррективы, внесенные в картину освоения греками северного побережья Понта, нужно признать, что идея важности и даже приоритета торговых связей в греко-варварских контактах, в том числе и на начальном этапе колонизации, вполне популярна среди исследователей. Популярность эта объясняется, прежде всего, устоявшейся за многие десятилетия позицией: если греки переселялись на северные берега Понта, следовательно, они преследовали определенные цели. Естественно, что для колонизационного процесса такие цели могли быть связаны с поисками материальных благ для метрополии, которая для этого, что само собой разумеется, и высылает колонию. При этом важное значение для обоснования такой точки зрения имеет кажущаяся легкость ее доказательства: греческий импорт, находимый в хинтерланде, служит археологическим аргументом, а использование слова «эмпорий» древними авторами применительно к той или иной северопонтийской колонии подтверждает существование торговых факторий. Так ли это?

3.Разделение мира на «мастерские мира» и «мировую деревню». Очевидно, что последние 5000 лет первобытные общества на земном шаре существовали бок о бок с классовыми. Следовательно, их функционирование и развитие было осложнено новым фактором, роль и значение которого еще далеко не выяснены. В сущности, от той или иной его оценки во многом зависит решение проблемы репрезентативности изучаемых этнографией отсталых племен и народов, едва ли не важнейшей для источниковедения истории первобытного общества. Нет недостатка в общих суждениях по этому поводу, к тому же весьма разнящихся между собой. Конкретных же исследований предпринималось значительно меньше, и это не случайно. Наличие или отсутствие первобытной периферии вокруг тех или иных классовых обществ в подавляющем большинстве случаев является очевидным фактом; как правило, сравнительно легко установить и наличие определенного воздействия со стороны этих классовых обществ на своих более отсталых соседей. Однако степень такого воздействия и тем более его результаты зачастую остаются более или менее гадательными. Фактического материала

обычно не хватает для окончательных выводов, а его возможные интерпретации не однозначны.

Между тем проблема взаимоотношений классовых обществ с первобытной периферией должна рассматриваться конкретно, и не только применительно к первобытным обществам, но и к самим классовым, потому что их структура, специфика и достигнутый уровень развития, очевидно, были для таких взаимоотношений отнюдь не нейтральными факторами. К тому же любое взаимодействие — процесс обоюдный, и его результаты не могли не сказываться на обеих сторонах. Вряд ли надо напоминать о том, какие трудности стоят перед исследователями контактов первобытных обществ с классовыми в эпоху великих географических открытий и последующее время. Значительное расхождение мнений относительно их последствий для социальной организации австралийцев, североамериканских индейцев и других говорит здесь само за себя. Но исследователи таких контактов в докапиталистические эпохи сталкиваются с еще большими трудностями, вытекающими из меньшего объема и специфики имеющихся источников.

По мере углубления в прошлое подробное свидетельство очевидца сменяется сообщением письменного источника, часто слишком лаконичным, или же данными археологии, несущими еще меньшую информацию. И все же такие исследования необходимы, даже в том случае, если они не приведут к окончательному решению проблемы, даже если выяснится, что имеющихся источников недостаточно, чтобы установить, насколько было искажено развитие тех или иных первобытных обществ под воздействием классовых и было ли оно искажено вообще. Негативный ответ — это тоже ответ. Во всяком случае он лучше гадательных и спекулятивных рассуждений.

Спонтанное развитие европейского континента было нарушено не позднее III–II тысячелетия до н. э. (если не считать происходившей, ранее неолитической революции, совершившейся здесь под очевидным влиянием передневозвосточного очага земледелия) когда он начал испытывать постоянное воздействие передневозвосточных цивилизаций, будь то прямое на юге или опосредствованное в более отдаленных районах. Важнейшими результатами такого воздействия были распространение металлургии и других технологических навыков (например, колесного транспорта), значительный рост обмена и торговли, ускорение темпов общественного развития, некоторые изменения в сфере идеологии. Там, где внешние стимулы сочетались с интенсивным внутренним развитием, отмечается быстрое разложение первобытнообщинного строя.

Первая, европейская государственность возникает на Крите и в материковой Греции, испытавших наиболее сильное влияние Переднего Востока, во II тысячелетии до н. э. А в конце II – начале I тысячелетия до н. э. местные очаги цивилизации (Этрурия, Лаций, Тартесс) возникают и в Западном Средиземноморье отчасти в результате спонтанного развития, ускоренного контактами с классовыми обществами, прежде всего эгейскими, отчасти под влиянием финикийской и греческой колонизации.

К началу I тысячелетия до н. э. по уровню социально-экономического развития всю Европу можно разделить на три части: юг (Средиземноморье), вступивший или вступавший в эпоху цивилизации и государственной жизни, среднюю полосу, занятую земледельческо-скотоводческими племенами, которые в той или иной мере уже подверглись южным влияниям и находились на различных стадиях разложения первобытно общинных отношений, и север, где в различных пропорциях сочетались производящее и присваивающее хозяйство, а южные импульсы, очевидно, не сказались существенным образом на традиционных социальных отношениях и институтах.

В данном контексте определяющими стали три события были важнейшими для взаимоотношений классовых обществ и первобытной периферии в Европе в I тысячелетии до н. э. – первой половине I тысячелетия н. э.: греческая и в меньшей степени финикийско-карфагенская колонизация, экспансия Рима и Великое переселение народов. В первой половине I тысячелетия до н. э. в Южной и Средней Европе наблюдается мощный подъем производительных сил: распространение железа, плужного земледелия, кочевых форм скотоводства. Все это позволяло племенам средней полосы Европы производить достаточно большой прибавочный продукт. В конкретных исторических условиях Европы I тысячелетия до н. э. его реализация оказалась в довольно сильной зависимости от колонизационной деятельности греков. Хотя причины греческой колонизации, а также отчасти предшествовавшей, отчасти сопутствовавшей ей финикийской были в основном внутренние, в ней была заинтересована и родо-племенная верхушка варварских обществ. Непосредственное соседство с форпостами цивилизации в лице новых колоний открывало для нее важные источники обогащения и влияния в обществе. Любопытно, что позднейшая традиция сохранила представление об основании многих колоний мирным путем без сопротивления племен, на территорию которых они выводились.

Можно сравнительно четко выделить основные последствия греческой колонизации для судеб первобытной периферии Европы. Периферия в целом заметно приблизилась к очагам цивилизации, и значительное число первобытных обществ стало непосредственными соседями классовых. Скифы, меоты и другие племена Северного Причерноморья и Кавказа, фракийцы на Балканах, племена Италии, кельты и иберы на территории современных Франции и Испании вступают теперь в постоянные контакты с античной цивилизацией.

Технические и культурные достижения греческого мира, а также его социальные отношения оказывают глубокое и всестороннее воздействие на ближнюю варварскую периферию. Так, в конце V–IV в. до н. э. под влиянием античного мира у кельтов появляется целый ряд технических новшеств, в их числе гончарный круг, вращающийся токарный станок, кирпичные сооружения, ручная мельница и т. д.

По словам Помпея Трога (Just., XLIII, 4, 1–2), от массалиотов «галлы переняли более культурный образ жизни, частью вообще покинули, частью

смягчили свои варварские обычаи, научились обработке полей и возведению стен вокруг городов. Тогда же они стали жить, (руководствуясь) законами, а не правом оружия, научились возделывать виноградники и сажать оливы. Одним словом, и жители, и условия жизни стали столь прекрасны, что казалось, будто не греки переселились в Галлию, а будто вся Галлия переселилась в Грецию». Страбон (VII, 3,7) в отношении скифов рисует не столь идиллическую картину, но также отмечает глубокие изменения, произошедшие в их обществе под греческим влиянием: «Надо сказать, что наш образ жизни почти у всех произвел перемену к худшему, внося роскошь, страсть к удовольствиям и для удовлетворения этих страстей множество безнравственных средств к обогащению. Такая испорченность нравов в значительной степени проникла и к варварам, между прочим, и кномадам. Последние со времени знакомства с морем сразу сделались хуже: стали разбойничать, убивать иностранцев и, вступая в сношения со многими народами, перенимают от них роскошь и торгашество; хотя это, по-видимому, и способствует смягчению дикости, однако портит нравы и на место простодушия... вводит коварство». 3. Часть прибавочного продукта, производимого первобытной периферией, реализуется теперь на греческих рынках.

Как известно, погребения скифской, меотской и кельтской знати переполнены греческими предметами роскоши, в том числе выполненными специально на заказ, приноравливаясь к варварским вкусам. Торговля способствует дальнейшему разложению первобытнообщинных отношений, углублению имущественной и социальной дифференциации, развитию товарного производства и т. д.

Скифы-пахари сеяли зерно на продажу (Herod., IV, 17). В Истрии местное население также стремится увеличить поставки зерна греческим купцам. В Причерноморье под влиянием спроса на хлеб наблюдается оседание скотоводческих племен и рост сельскохозяйственных поселений вокруг греческих городов: в IV в. до н. э. в Прикубанье, Восточном Крыму и Нижнем Побужье, в III в. до н. э. – в степном Крыму. Племена ближней периферии втягиваются также в посредническую торговлю. Аорсы «даже торговали индийскими и вавилонскими товарами, получая их от армян и мидян и перевозя на верблюдах. Благодаря богатству они носили золотые украшения» (Strabo, XI, 5,8). Кое-где начинается даже чеканка собственной монеты в подражание греческой, а затем и римской, в основном в интересах торговли. Сложные взаимоотношения с греками в некоторых случаях форсируют возникновение местной государственности: в V в. до н. э. у фракийцев (держава одрисов), в Синдике и, может быть, в Колхиде в IV и особенно в III в. до н. э. – у скифов. По меткому выражению Г. Чайлда, «более древняя цивилизация играет роль повивальной бабки, облегчающей родовые муки варварству».

В других случаях влияние греческих и других средиземноморских государств могло, наоборот, сказаться отрицательным образом на сложении местной государственности. Возможно, так случилось с кельтами, у которых тесные связи с различными центрами средиземноморской цивилизации привели

к раздроблению общества, к усилению аристократии и упадку королевской власти, что сознательно поощрялось в дальнейшем Римом, и в целом затормозило процесс формирования государства. Лишь у некоторых кельтских племен возникло некое подобие аристократических республик, походивших на ранний Рим. У Рима же главенствовавшая в них аристократия и искала поддержки. Во взаимоотношениях греческих колоний с окружающей их варварской периферией бросается в глаза еще одна особенность.

Таким образом, наиболее подверженными греческому влиянию оказывались те племена, у которых были для этого достаточные внутренние предпосылки, например, далеко зашедшее разложение первобытнообщинных отношений. Более отсталые племена оказались менее восприимчивыми к подобным влияниям. Неплохим примером служит сравнение двух соседних народов — скифов и тавров. В то время как скифы подверглись всестороннему воздействию греческой цивилизации, тавры, отстававшие от них в социально-экономическом развитии, оказались затронутыми таким воздействием лишь в небольшой мере». В свою очередь первобытная периферия оказывала значительное влияние на греческий мир. Греки оказались восприимчивыми к культурным, техническим и военным достижениям варваров и даже к их религиозным воззрениям.

АНТИЧНОСТЬ И ВАРВАРЫ: ВОЗМОЖНОСТЬ, ФОРМЫ И ПРИНЦИПЫ СОПОСТАВЛЕНИЯ КУЛЬТУР

1. Характеристика основных форм и принципов организации торговых контактов
2. Греки и варвары: ports of trades (к вопросу об организации постоянных мест для обмена).
3. Варварский hinterland: сущность и содержание понятия.

1. Характеристика основных форм и принципов организации торговых контактов. Восток - Запад: проблемы диалога и конфронтации греков и варваров. Взаимоотношения античного мира и мира варваров относятся к числу кардинальных проблем в познании античной эпохи. В настоящее время на первый план выходит системное изучение античных и варварских обществ и их взаимодействия, что позволило совершенно по-новому взглянуть на некоторые из фундаментальных проблем.

Иногда и, как кажется, справедливо утверждается, что греко-варварские контакты, особенно контакты с восточными странами, сыграли едва ли не ведущую роль в становлении и эволюции античной цивилизации. Вместе с тем не вызывает сомнения и значение окружавшего эллинов варварского мира, особенно народов Переднего Востока, для развития древнегреческой культуры.

Отношение греков к соседним народам, которых со временем они стали называть варварскими, выразилось в двух основных аспектах: осознание своей исключительности со всеми соответствующими проявлениями и последствиями; и в то же самое время открытость и несомненная готовность к позитивным контактам и к заимствованиям чужих достижений в культуре, науке, технике

Л.П. Маринович отмечает, что были высказаны четыре основные гипотезы относительно времени формирования этнического самосознания у греков и соответственно возникновения дихотомии «эллины» - «варвары»

Первая гипотеза: понятия «эллин» и «варвар» в их полярности были элементами архаической идеологии. В частности, И. Вейлер считает, что уже в эпоху архаики греки сознавали полярность своего и негреческого миров, имея в виду различия не только языков, но и других факторов - внешнего вида и особенно образования

Согласно мнению других ученых, они возникли одновременно в период между VIII и концом VI в. до н.э. Третья гипотеза: чувство всеэллинской идентичности и понятие «варвары» как выражение универсальных «других» породили греко-персидские войны. Ранние греки не осознавали различия между эллинским и неэллинским мирами. Против этого давно уже бытующего в науке представления о сравнительно позднем (не ранее войны с персами) возникновении греко-варварского антагонизма выступил Ю.В. Андреев, который в качестве примера сослался на Х. Швабля

Наконец, сторонники четвертой гипотезы полагают, что хотя чувство этнической общности греков уже существовало в эпоху архаики, только греко-персидские войны вызвали поляризацию греческого и варварского миров

Стимулирующую роль в формировании этнической идентичности, в отделении себя от других народов, отличных по языку и культуре, сыграла Великая греческая колонизация, в результате которой эллины оказались на чужбине, в окружении иных народов, нередко к тому же враждебных им. Возможно, это обстоятельство способствовало агрессивному характеру еще только складывающейся эллинской цивилизации. Свою роль в выработке определенного стереотипа отношения греков к не эллинам сыграла торговля. Нельзя не отметить также влияния на вызревание чувства национального самосознания общегреческих праздников, восходящих к VIII в. до н.э.

Однако И.Е. Суриков считает, что встреча с «иными» – это не столько стимул к конфликтам, сколько стимул к контактам. «И действительно, в архаическую эпоху принципиальной враждебности между «эллинским» и «варварским» мирами мы еще ни в коей мере не находим»

Но известно, что для грека классической эпохи все люди уже делились на «эллинов» и «варваров». Под варварами понимались все остальные этносы, являющиеся не-греками. Сама лексема «варвар» (barbaros) появляется в древнегреческом языке довольно рано. Уже у Гомера встречается прилагательное barbarophonos («говорящий по-варварски»), применительно к карийцам, народу, обитавшему на юго-западе Малой Азии (Гомер, Ил., II, 867).

Собственно термин «варвар» начинает интенсивно появляться у авторов VI-V вв. до н.э. – Гекатея Милетского, Гераклита Эфесского, Симонида Кеосского.

Фукидид (II. 68), судя по контексту, слово «варвары» употребляет в лингвистическом смысле, тогда как Исократ отдает приоритет культурному фактору. Исократ считает, что «самое имя эллина становится уже обозначением не происхождения, но культуры. Эллинами чаще называют получивших одинаковое с нами образование, чем людей одного и того же происхождения»

Как отмечает И.Е. Суриков, дихотомия «эллин-варвар» включает в себя «два процесса и два феномена: представление об «эллинах» и «варварах» - далеко не то же самое, что противопоставление «эллинов» и «варваров», причем противопоставление тотальное и, самое главное, ценностно окрашенное»

Первый из этих двух феноменов весьма распространен. Насколько можно судить, у многих этнических коллективов на определенном этапе истории возникает понимание того, что окружающие этнические коллективы – «другие», «иные», «чужие». Чаще всего это обусловлено языковыми различиями. Слово *barbaros*, как однозначно признается всеми, имеет звукоподражательную этимологию П. Видаль-Накэ, в частности, считает, что «противопоставление грек-варвар отчасти вытекает из противопоставления культурный человек-дикарь. Варвар – это не грек или тот, кто не может говорить по-гречески

Вместе с тем усвоение обычаев восточных народов, в том числе религиозных установлений, свидетельствует об отсутствии у греков этого времени чувства национальной исключительности

И.Е. Суриков подчеркивает, что «данный круг представлений еще не предполагает обязательно какой-то ксенофобии, шовинизма, идеи неоспоримого превосходства «своих» над «чужими». Перед нами проявление обычной диалектики мифологического мышления, которое преимущественно оперирует бинарными оппозициями»

Другими словами, в архаическую эпоху «Восток» и «Запад» противопоставляются друг другу как географическое, а не цивилизационное понятие. Картина резко меняется в V в. до н.э., в эпоху Греко-персидских войн. По мнению И.Е. Сурикова, именно исторический миф о Греко-персидских войнах стал ключевым для оформления греческой этноцивилизационной идентичности. Об этом же пишет и Л.П. Маринович. Она отмечает, что переломным этапом в истории отношений греков с другими народами стали именно Греко-персидские войны. Угроза персидского нашествия сплотила эллинов, вызвав национальный подъем и ненависть к варварам, которых олицетворяли персы. Создав четкую полярность между эллинами и варварами, война стала мощным стимулом для консолидации греков и оформления этнического самосознания, их идентичности.

Оппозиция «эллин - варвар» превращается в конфронтацию, причем с заметным расширением и углублением, оппозиция «мы - они» переходит на абстрактный уровень противопоставления, т.е. «грек – не грек»

Во многих произведениях того времени, а иногда и у одного и того же автора мы находим две упомянутые выше тенденции: ксенофобию и дух открытости навстречу другим, зачинателями которого явились ионийцы - Гекатей, Геродот, Гиппократ, а продолжателями - софисты. Возможно, не случайно никто из них не был афинянином. Несмотря ни на что, в общем представлении об иноземце, распространенном в V-IV вв. до н.э., можно все больше и больше различить одновременно и приятие даже самых странных обычаев, и отказ от ценностей, не являющихся греческими: это относится, в частности, к политическим концепциям, поскольку эллины, по крайней мере, до завоеваний Александра, сохраняют приверженность своему идеалу, включающему жизнь в полисе, демократическое правление, вкус к свободе

Особое внимание следует уделить отношениям к иноземцам «интеллектуалов». Оно могло, разумеется, либо влиять на мнение среднего грека, либо отражать более или менее четко выраженные тенденции, как в случае с театром или политическими и юридическими речами. И уж особенно, если мы ведем речь о мировоззренческих концепциях и религиозных установках.

Другими словами, дихотомия «грек-варвар», будучи культурной и социальной, не обязательно совпадает с противопоставлением Европа–Азия. Кроме того, она не обязательно накладывает некие табу на восприятие определенных элементов, особенно религиозного характера, которые, находясь в тесном взаимодействии и взаимовлиянии, вырабатывают новые ценностные установки.

Таким образом, по крайней мере, до V в. до н.э., до эпохи Греко-персидских войн, восточный мир не рассматривался греками в качестве угрозы, а наоборот, выступал ареной новых идей и стимулом культурного развития, способствовал формированию античной цивилизации и греческого самосознания с позиций диалога, а не конфронтации.

2. Греки и варвары: ports of trades (к вопросу об организации постоянных мест для обмена). В исторической литературе большое внимание уделялось и уделяется анализу письменных, археологических и нумизматических источников, касающихся самых разных аспектов греческой колонизации, но только в последние одно-два десятилетия исследователи, в первую очередь, отечественные обратили внимание на важный, но ускользнувший от внимания исследователей, природно-географический и ландшафтно-климатический фактор.

На данном этапе анализа проблема наибольшую важность и интерес в плане решения проблемы представляют работы отечественных исследователей, например, Ю.В. Андреева и И.Е. Сурикова, в которых представлен подробный сравнительно-сопоставительный анализ природно-климатических условий Древней Греции, юга Франции и территории современной России.

В письменных источниках это нашло своё фрагментарное отражение. Например, подробные сведения о климате страны скифов и сарматов

содержатся в трактате «О воздухе, водах и местностях» [3, I], написанного, как установлено в последней четверти V в. до н.э. одним из учеников знаменитого врача Гиппократом, но в рамках заявленной темы представленная информация носит чересчур общий характер.

Вернёмся к вопросу о природно-климатическом и географическом факторе в контексте северопонтийского направления колонизации.

Если большая часть Древней Греции в её материковом, Балканском варианте времени начала колонизации – это типичные сухие субтропики средиземноморского типа, то Северопонтийский регион представлял (и представляет) собой юг умеренной климатической зоны.

Единственное исключение – узкая полоска Южного берега Крыма (ЮБК), являющаяся, если не ошибаемся, самым северным в Евразии «кусочком субтропиков». Именно эта часть северопрichernоморского региона резко, принципиально отличалась по климатическим условиям (да и в целом по типу ландшафта) от всех остальных, но греками, напротив, явно видевишиеся как некая копия их родных ландшафтов, расположенных в подавляющем своём большинстве в субтропической зоне.

Судя по тому, каким образом расположились греческие колонии на северном побережье Чёрного моря, ландшафтный фактор не играл ведущей роли в колонизации региона, по крайней мере, в начальный этап миграционного процесса. Приведённые данные позволяют провести корреляцию данных письменных и археологических источников.

Среди письменных источников, конечно, наиболее подробным и надёжным источником является рассказ Геродота и его личные наблюдения, а именно «скифский логос» «Истории», скудность информации которого и противоречивость объяснима [Herod., IV]. Важную роль представляют сведения, касающиеся не столько социально-экономической и политической истории скифов, сколько сведений, пусть и фрагментарных о греческих колониях Северного Причерноморья греко-варварских контактах.

Наибольшую значимость данные Геродота приобретают в контексте греко-варварских взаимоотношений и упоминаний о формах и сущности контактах с варварскими племенами, обитавшими на территории современного Урало-Поволжья. С другой стороны, данные Геродота, особенно, что касается математических выкладок в отношении площадей городов, высоты оборонительных стен не выдерживают никакой критики. Следовательно, в этом аспекте особую важность приобретают не только данные письменных источников, но и данные археологии, эпиграфики и нумизматики.

Поскольку письменные источники практически ничего не сообщают о местных жителях и очень сложно представить, на что рассчитывали древние греки, отправляясь в далёкие и опасные путешествия на новое место жительства, если только не были уверены в том, что окрестности будущего полиса необитаемы.

В таком случае не очень становится понятной сама цель подобной экспедиции и каковы были в принципе перспективы просто выживания

небольшого числа колонистов, решивших основать колонию в безлюдном месте, и в данном случае объяснение только из соображений безопасности не дают исчерпывающего ответа. Объективности ради следует заметить, что и в отношении западного и южного направления колонизации данные письменной традиции в плане информативности оставляют желать лучшего.

Наиболее информативны и потому представляющие особый интерес являются практические руководства для мореплавателей, например, периплы и перизгесы, которые представляют собой прототип лоций как практическое руководство для мореплавателей, в которых отправляющиеся в плавание торговцы, поскольку путешественников, либо учёных в нашем представлении тогда не существовало.

В них содержалось максимально известное количество практически полезной информации, исходя из маршрута торгового корабля: населенные пункты, устья рек, острова, принадлежащие тем или иным народам, в том порядке, в каком названные пункты встречались на пути следования корабля. Многие эллинские колонии известны исключительно из периплов.

По данным письменных источников, подтверждаемых археологическими материалами известно, что на территории Восточной Европы греки избегали пользоваться речными путями, несмотря на великолепные навыки морского судоходства, так как самые крупные реки Восточной Европы текут с севера на юг, характеризуются наличием системы порогов, что делало их чрезвычайно неудобными и даже опасными в плане установления коммуникаций со степными и лесостепными варварскими племенами территории современной Украины и России.

Записи о расстояниях между населенными пунктами помогают восстановить палеогеографию северного побережья Эвксинского Понта и локализацию древних поселений.

Самое раннее, но чрезвычайно фрагментарное упоминание об интересующем нас регионе встречаем в фрагменте Гесиода из «Теогонии» [Hes., 347-345]. Одним из авторов, либо составителей древнейшего из дошедших до нас периплов еще в древности считали Скилака Кариандского (VI в. до н.э.), но анализ текста убедительно продемонстрировал лингвистам, что перипл был составлен в IV в. до н.э. но более точно время его составления определить не представляется возможным.

Одним из самых информативных источников в данном контексте является перипл Псевдо-Арриана, полное название которого звучит как Полное его название «Перипл моря, прилегающего к населенной Европе, Азии и Ливии». Два других, известных нам, перипла посвящены в основном описанию Черного моря: «Перипл Понта Эвксинского» Арриана, который жил во II в. н.э. и перипл с таким же названием анонимного автора V или VI в. н.э. Арриан, как известно, был прекрасно осведомлён о южном и восточном побережьях Чёрного моря, где он побывал во время поездки по римским гарнизонам в качестве римского чиновника. Северное побережье описано им менее детально на основании каких-то более ранних периплов. Большая часть «Перипла Понта Эвксинского»

анонимного автора состоит из соединения трех авторов: Псевдо-Скимна, Мениппа и Псевдо-Арриана.

Анализ текста показал, что значительную часть сведений он позаимствовал у Псевдо-Скилака и других, неизвестных нам писателей. Отрывки из сочинений разных авторов вставлены в перипл, как правило, без всяких изменений. Так, в частях, заимствованных у Арриана, сохранились обращения к римскому императору Адриану, благодаря чему долгое время перипл считался более подробным изложением перипла Арриана. Позднее он получил наименование перипла Псевдо-Арриана. Данная информация представляет несомненный интерес для мореплавателей, но для историков информация периплов и перизгес имеет только практический результат в плане локализации античных памятников, но не информации о социально-экономическом и политическом уровне развития колоний.

Более того, следует обратить внимание на следующее обстоятельство: первоначальное поселение теосцев, приплывших на Таманский полуостров, находилось на укрепленном природой холме, а не на ровной площадке, например, на берегу моря. Очевидно, что переселенцы не просто опасались нападений потенциальных врагов, но и знали о такой возможности. В такой ситуации древнее ядро города, расположенное на холме, должно было быть укреплено сырцовыми стенами сразу же после появления первой группы колонистов.

Древние авторы сообщают нам, что Фанагория находилась на территории местного племени синдов. Но какие-либо археологические следы синдов или иных местных племен в окрестностях города до сих пор не зафиксированы. Соответственно, нет возможности говорить о прямых контактах и о характере отношений между вновь прибывшими переселенцами и аборигенами на первоначальном этапе освоения греками Таманского полуострова и близлежащих земель. Складывается ощущение, исходя из данных историко-лингвистического анализа, что греки не очень-то и были заинтересованы в информации об этом регионе, кроме как мифологической и рационально-практической стороны.

К вышеперечисленным трем периплам близка по жанру «Перизгеса» (землеописание) Псевдо-Скимна, который жил во II в. до н.э. Цель такого рода сочинений, в отличие от периплов, была гораздо шире и информативнее: в них давалась характеристика всем известным в древности землям с перечислением народов и уровня их развития по отношению к греческой экономике. Источниковедческий анализ названных периплов и перизгес дан М.И. Скржинской.

В данном отношении самым важным для нас представляется то обстоятельство, что именно периплы и перизгесы дают нам практическую информацию, поскольку письменные источники, точнее их авторы, решали другие задачи, оторванные от реалий, в то время как периплы и перизгесы могли обеспечить решение практических задач торговцев и мореплавателей.

Важное значение имеют сочинения позднеантичных и ранневизантийских писателей, нередко пользовавшихся через вторые и третьи руки более древними трудами, которые позволяют нам представить картину начального этапа колонизации Северного Причерноморья, начиная с середины VII в. до н.э.

Помимо уже упоминавшегося «Перипла Понта Эвксинского» анонимного автора раннего средневековья, определённый интерес представляет словарь этнических названий Стефана Византийского, сохранившего множество важных данных о народах Северного Причерноморья, и «Хроника» Евсевия, где помещены даты основания многих эллинских апойкий, а именно Березани, одного из первых греческих поселений на территории Северного Причерноморья, нашедшего отражение в письменных источниках.

В числе древнегреческих авторов, писавших о Северном Причерноморье, следует назвать Клавдия Птолемея, оставившего нам самое монументальное сочинение по географии, ни один из античных трудов не может сравниться с «Географическим руководством» Птолемея по качеству и уровню его информативности, точности и детальности описания.

Как представляется, во многом это объясняется источниками его информативности, так как большая часть сведений была получена из римских военных отчетов, карт и «*itinerarii*», для которых характерны большая полнота и точность, поскольку они составлялись, в том числе, для правительства римской республики, принимая во внимание военные цели и задачи безопасного прохождения римских военных отрядов, а также торговцев на варварские земли.

Надо принимать во внимание и то обстоятельство, что в различные периоды античной истории, в связи с расширением географического кругозора древних, степень интереса к греческой колонизации у античных могла снижаться, в этом аспекте далеко не последнюю роль играла тогдашняя политическая конъюнктура, уровень образования и внешнеполитическая ситуация.

В результате, несмотря ни на что греческая колонизация оставила обширный след в античной истории и географии, заняв достойное место среди самых важных событий политической, культурной, экономической и научной жизни античной эпохи, чего не скажешь, к примеру, о финикийской, либо римской колонизации, один из процессов которых предшествовал греческой, а второй – наступил хронологически позже.

Поэтому вполне закономерно, что в римской нарративной традиции интерес к греческой колонизации был на несколько порядков ниже, чем интерес к греческому языку и культуре в целом. Показательно и совершенно в духе античной письменной традиции первые достоверные сведения встречаем не у историков, не у географов, а в поэтических произведениях, например, в творчестве Публия Овидия Назона.

Особо следует отметить географический очерк в четвертой книге «Естественной истории» Плиния, которая существенно дополняет и уточняет современные представления, восстанавливающих древнюю береговую линию

Чёрного моря с учётом известных трансгрессий и регрессий уровня Чёрного моря.

В данной ситуации это именно тот редкий и даже в каком-то смысле уникальный случай, когда письменные источники представляют нам точное, детальное и подробное описание Крымского полуострова с скрупулезным перечислением греческих городов, поселений, а также населенных пунктов, находившихся под юрисдикцией варварских племён [Plin., 4, 17]. Данный пассаж – одно из первых упоминаний о факте попадания под влияние, уровень которого нам неизвестен от варваров греческих колонистов.

Когда возникает вопрос о греко-варварских контактах, то традиционно пытаются сводить всё исключительно к отношениям в торговой, либо культурной сферах жизни греков и варваров, тогда как на самом деле спектр их взаимоотношений был гораздо сложнее и разнообразнее, так уже с самого раннего этапа колонизации отношения между местным населением и колонистами не всегда носили мирный характер, нам известны периодически возникавшие конфликты, а население горной части Крыма – тавры, так и не смогли наладить отношения с греческими поселенцами, а военные конфликты также подпадают под категорию контактов между греками и варварами.

Кроме этого свидетельства, можно указать и на существование целого ряда мифологических сюжетов, связанных своим действием с акваторией Чёрного моря, например, мифы об Ахилле, Ифигении, Поликсены, а также острова Левка, считавшегося островом Блаженных; создание этих мифов могло быть в какой-то степени продуктом именно ранних посещений на Понт, подтверждением чему служит грандиозная коллекция монет, происходящая из различных собраний, но локализованная с островом Левка [18, С. 52-87].

Возможна ли была их доставка морским путем или же они были привезены по суше? Последний вариант представляется нам вполне вероятным, если вспомнить сообщение Геродота о способе доставки священных даров из далекой страны гипербореев на святилище острова Делос: путем передачи от одного народа к другому до Адриатического моря и оттуда подобным же образом к югу до острова [Herod, IV, 33].

Таким образом, после всего вышеизложенного, можно предположить, что древние не просто были знакомы с Черным морем, но достаточно хорошо представляли себе его размеры, специфику течений, ветров в зависимости от времени года, независимо от мифологических представлений Гомера, поскольку его произведения являются единственным источником, позволяющим наметить тенденции в сфере расширения географического кругозора древних греков накануне колонизации.

При этом, несмотря на скудность информации античные авторы едины во мнении о неизбежности и даже необходимости колонизации данного региона, ассоциируемого у древних греков в первую очередь со скифами и киммерийцами, а также целым рядом легендарных народов, среди которых наиболее известными были колхи и гипербореи, исходя из мифологической традиции.

Таким образом, в настоящее время можно с уверенностью говорить о том, что, начиная с VIII в. до н.э. древние греки получали непосредственно информацию не только из разного рода литературных или устных преданий, но и видели его своими глазами во время кратковременных морских плаваний, правда, с не всегда установленной целью.

Поскольку письменные источники практически ничего не сообщают о местных жителях и очень сложно представить, на что рассчитывали древние греки, отправляясь в далёкие и опасные путешествия на новое место жительства, если только не были уверены в том, что окрестности будущего полиса необитаемы.

В таком случае не очень становится понятной сама цель подобной экспедиции и каковы были в принципе перспективы просто выживания небольшого числа колонистов, решивших основать колонию в безлюдном месте, и в данном случае объяснение только из соображений безопасности не дают исчерпывающего ответа.

Объективности ради следует заметить, что и в отношении западного и южного направления колонизации данные письменной традиции в плане информативности оставляют желать лучшего.

3. Варварский hinterland: сущность и содержание понятия. Термин «варвары» – «бородатые», имеющий греческое происхождение, претерпел в научном и обыденном сознании определенную эволюцию. Греки классической эпохи называли так все иные народы. Такое противопоставление «своего» – «чужому» имеется в любых культурах (китайцы и ху, зороастрийцы и дэвопоклонники, христиане и язычники, мусульмане и «неверные»). Следовательно, греки включали в понятие «варвары» и представителей высокоразвитых древневосточных цивилизаций: египтян, вавилонян, лидийцев, финикийцев. С точки зрения древнегреческих мыслителей, например, Аристотеля, такое деление существовало и будет существовать всегда.

Данную терминологию восприняли римляне, бывшие учениками и преемниками греков. Но они проводили обширную колонизаторскую политику, прежде всего в Европе (Иберии, Галлии, Иллирии, Фракии, Британии), втягивая в орбиту своей деятельности и образа жизни независимые народы. Те, принимая римский порядок, «Рах Романа», как бы переставали быть «варварами», становясь, по современному выражению «цивилизованными людьми», (как, например, галло-римляне). Следовательно, «варвары», с точки зрения Рима есть народы и племена Европы, еще не успевшие приобщиться к античной культуре (либо активно противодействующие этому).

При этом, римляне воспринимали «Варварскую Европу» – «Барбарикум» как некую этно-культурную целостность. Данному противопоставлению способствовало и то, что римский мир и Барбарикум принадлежали к различным типам культуры: первый – к типу культуры античного полиса, второй – к типу культуры скотоводов-кочевников.

Хотя традиционно кочевниками называют тюрко-монгольские народы Центральной Азии, надо признать, что расширенное понимание термина,

включающее многочисленные бродячие народы позволяет увидеть кочевой мир как глобальное историко-культурное явление. Народы Варварской Европы могут рассматриваться как часть этого мира, проявляя характерные для него три доминанты: «скотоводство, кочевой образ жизни и агрессивность». Даже в 12 веке в ирландских и шотландских королевствах именно скот играл роль основного богатства.

Римское понимание в какой-то мере унаследовало и возникшее в недрах империи христианство. Но когда оно стало господствующим, в число необходимых атрибутов принадлежности к цивилизации было включено и исповедание христианского учения. Последователь новой веры стал называться гордым именем «ромей», противопоставляя себя «паганусу» – язычнику, под которым мог пониматься и уроженец империи и иноземец. Позже паганусом называли просто деревенского жителя (и не случайно – именно в сельской местности дольше всего держались языческие обряды).

Затем, наполовину христианизированные и романизированные германцы разрушили обветшавший Рим и основали средневековый мир. Но элементы римской идеологии сохранились. Правда, новый, феодальный уклад не выводим ни из античного социума, ни из христианской общины, а представляет порождение «варварского» общества (например, феодальная турнирная зрелищность, возможно, происходит от любви варваров к показному блеску и тщеславию). В какой-то степени, он есть способ для племени завоевателей, сменившего к тому же ландшафт обитания, господствовать над покоренной массой населения бывшей Римской империи. С другой стороны, европейский феодализм имеет, вероятно, и более глубокие корни, о чем говорят особенности организации кельтской общности, контролировавшей Западную Европу еще в доримское время.

Несмотря на привнесенные новшества, представление об универсальной империи как о некоем идеале сохранилось. Отсюда и коронация Карла Великого, и «Священная римская империя германской нации», и даже императорский титул Наполеона. «Варварами» в понимании средневековых западных европейцев являлись народы, не признававшие религиозный авторитет римских пап и политический (пусть даже фиктивный) сюзеренитет новых императоров. Преимущественно под это понятие подпадали народы Восточной Европы.

После Реформации, в связи с секуляризацией культуры Западной Европы, последняя, утратив название «Христианский мир», к эпохе Просвещения стала именоваться миром «цивилизованным». Постепенно принадлежность к христианской религии (не только в ее западном варианте, но и в целом) перестала играть роль индикатора для вхождения в данную культурно-историческую общность. Решающее значение, как и в римскую эпоху, получило противопоставление «варварства» и «цивилизации». С подобной точки зрения, усвоение такой экзотической страной как Япония ряда политических, технологических, юридических стандартов приобщило ее к Западному, «цивилизованному» миру.

В научной же области закрепилось римское понимание “варваров”, как народов древней Европы, не охваченных античной цивилизацией. Но существует и параллельная тенденция трактовать термин как определенную стадию развития. Например, Маркс, говоря о предшествующих государственному развитию периодах «варварства» и «дикости» следовал за Морганом. Данный подход имеет кроме недостатков и определенные достоинства. Ведь сами греки осознали свое размежевание с соседними народами начиная с определенного периода. Как пишет Н. Никулина «...разделение на греков и негреков – «варваров» возникло, по существу, только в классический период греческой истории, после знаменитых греко-персидских войн, в которых эллины одержали блестящую победу».

А если мы заглянем вглубь их истории, то увидим, что предки спартанцев дорийцы пришли на Балканский полуостров в 12 в. до н. э. из Центральной Европы, где жили бок о бок с предками кельтов, иллирийцев, германцев, балтов и прочих, ничем не выделяясь среди них. Да и другие прагреческие племена (ахейцы, ионийцы и т. д.) явились из разных мест Европы, где никак не превосходили по своему цивилизационному уровню прочие ее народы. Значит, они были тогда варварами, подобно своим соседям. Не будем же мы утверждать, что «варварами» окружающие народы стали тогда, когда греки их таковыми посчитали. Причем обращение к «цивилизации» происходило постепенно. Македоняне, например, третировались как «варвары» даже после Пелопонесской войны. Еще позднее «цивилизованным народом» осознали себя римляне и италики в целом.

Стадиальное понимание «варварства» имеет немаловажное значение для настоящего исследования. Наиболее вероятно, что мифопоэтическая традиция есть продукт устного творчества народов, находящихся на героической, «варварской» ступени развития. Индийские риши, кельтские барды, скандинавские скальды и даже греческие аэды воспевали богов и храбрых вождей с такой силой образов, потому что их сердца были молоды. По словам Леви-Строса, в «... те прошлые времена творцы были такого формата, какой теперь кажется за пределами достижимого».

А гениальный итальянец Джамбатиста Вико, разработавший в 18 веке циклическую концепцию истории (на материале Европы и Ближнего Востока) писал о двух круговоротах развития. Первый охватывал Древний мир. Начало его теряется в глубине веков, когда правили цари-жрецы. В их эру торжествовали «религиозные времена». Затем наступила гомеровская эпоха, которую Вико назвал «героическими» или «щепетильными» временами. Их увенчала Римская империя с утвердившимся в ней монархическим принципом. Каждое время, по Вико, характеризовалось своим типом юридических норм: «божественное право», «героическое право», «человеческое право». Новый цикл истории начался со «второго варварства» (мы говорим – период Великого переселения народов). Тогда вновь воцарилось «божественное право» (вспомним «божий суд» в юридической практике). Божественные времена сменились временами героическими (аристократическими) с их феодальными

войнами и крестовыми походами. И, наконец, в Новое время наступила эпоха гражданских времен. Из теории итальянского мыслителя следует, между прочим, что «человеческие времена» на исходе, и мы стоим на пороге «третьего варварства».

Необходимо отметить, что Варварская Европа, как культурно-историческое единство, была образована почти исключительно «индоевропейскими европейцами». Народы, находящиеся за пределами означенной индоевропейской языковой семьи (иберы, пикты и др.) превратившиеся в реликты ко времени начала интересующего нас периода, оставили весьма ограниченное языческое наследие.

В основу общепринятого в науке выделения той или иной мифологической традиции положен языковой критерий. Это связано с именами немецких ученых А. Куна, В. Манхарда, английского М. Мюллера, русских Ф. И. Буслаева, А. Н. Афанасьева и других, опиравшихся на достижения сравнительно-исторического языкознания и нацеленных на реконструкцию индоевропейской мифологии как исходной системы мифологических представлений предков современных народов этой языковой семьи. «Под индоевропейской мифологией понимают также совокупность хеттской мифологии (и других анатолийских – лувийской, палайской и более поздних – лидийской, ликийской), арийской (включающей индийскую мифологию, иранскую мифологию, дардскую и нуристанскую (кафирскую), ближневосточную митаннийскую, арийскую мифологии), армянской мифологии, греческой мифологии, италийской мифологии, кельтской мифологии, германо-скандинавской мифологии, балтийской мифологии, славянской мифологии, тохарской мифологии, а также фрагменты мифологий относящихся к албанской, фракийской, иллирийской, фригийской, венетской и некоторым другим традициям, известным в неполной передаче».

Вторым критерием для выделения той или иной традиции являются данные археологии. Происхождение индоевропейцев часто связывают с археологической культурой боевых топоров или шнуровой керамики (хотя по данному поводу имеются серьезные возражения). Эта культура простиралась в начале 3 тыс. до н. э. от Ютландии до Волги. Говорить о каких-либо представителях ныне существующих языковых групп, в свете полного отсутствия письменных свидетельств не приходится. В период с позднего бронзового до раннего железного веков (14 – 7 вв. до н. э.) значительную часть Западной и Центральной Европы занимала так называемая культура полей погребений. Параллельно существовали культуры в Скандинавии и Восточной Европе. Вероятно, тогда уже шел процесс формирования известных нам европейских народов. Тем не менее, мрак вокруг их истории развеивается позже (латенский период – с 5. в. до н. э.), когда они попадают в поле зрения греческих авторов.

Применительно к этому времени, используя в совокупности лингвистический и археологический критерии, специалисты выделяют крупные культурные общности. Например, в Европе на рубеже старой и новой эр М. Б.

Щукин насчитывает 7 таких общностей, назвав их “культурными мирами”. “Все эти миры не моноэтничны и не монокультурны, а представляют собой конгломераты различных археологических культур, различных племен и народов (при том, что культуры и этносы не обязательно совпадают друг с другом). Но, составляющие каждого мира обладают и определенным сходством, обусловленным рядом причин – аналогичными формами хозяйственной деятельности, социальной организации, природными условиями, а также вытекающими отсюда и сходством структуры большинства культур каждого “мира”, а, возможно, в какой-то мере и психического склада подавляющей части населения, что наиболее адекватно отражается в искусстве, но также в общем облике культуры.” (Щукин, 1994, с. 12 – 13). Щукин условно именуется эти миры 1, 2, 3, 4, 5, 6, и 7, но признает, что за данной нумерацией скрываются соответственно, греки и италики, кельты, прагерманцы, балты, финно-угры, скифо-сарматы, фрако-дакийцы, хотя и считает, что в данные миры могли входить и народы иных языковых групп. Данного определения понятия «культурного мира» настоящее исследование и будет в целом придерживаться. Однако античный мир находится за рамками Варварской Европы. Он представлял, скорее, иной полюс существования, образывавший вместе с «полюсом варваров» более обширную систему. Оба этих полюса находились в тесном взаимодействии. Не входят в круг Варварской Европы и финно-угры, которые не являются индоевропейцами и, находясь на далекой периферии Европы, практически не контактировали с античным миром и имели особую историческую судьбу. С другой стороны, поскольку в настоящем исследовании затрагивается более широкий временной интервал, нежели в работе Щукина, к числу культурных миров рассматриваемого региона следует отнести также славян (которые не учтены Щукиным, ибо он полагает, что они еще не сформировались к 1 веку н. э.) и иллирийцев (последние с точки зрения Щукина уже сошли к рубежу эр с исторической сцены). Итак, мы имеем семь культурных миров Варварской Европы: кельтский, германо-скандинавский, балтский, скифо-сарматский, фрако-дакийский, иллирийский, славянский. Кроме них и античного мира данное исследование неоднократно обращается к некоторым другим родственным индоевропейским культурным мирам: этрусскому, хетто-лувийскому, древнеиранскому и индийскому, предоставляющими важную дополнительную информацию.

Хронологически материал маркируется следующим образом. В массовом объеме, произведения искусства, могущие содержать в себе мифологические образы и сюжеты, коррелирующиеся с литературными источниками, начинают появляться в Варварской Европе с начала железного века (так называемого гальштата С – 7 в. до н. э., и особенно со следующего за ним латенского периода – с 5 в. до н. э.). К этому времени возникли кельтский и скифский, фрако-дакийский и иллирийский культурные миры (относительно столь раннего происхождения германо-скандинавов, балтов и славян нет такой уверенности). И, что важно, в этот же период культурно обособилась,

противопоставив себя "варварам" античная Греция, (факт, имевший далеко идущие последствия).

Верхняя граница существования Варварской Европы более размыта. На территории Римской империи, которой были завоеваны кельтский и фрако-дакийский миры, христианство утвердилось в 4 в. н. э., вытесняя языческие культы. Параллельно шел более медленный процесс крещения германцев, завершившийся к 10 в. н. э. Скифы и сарматы стали жертвами эпохи Великого переселения народов, хотя их реликт – аланы, уцелел в горах Кавказа и создал богатую эпическую традицию, густо насыщенную мифологическими мотивами.

Дольше сохраняли языческую мифологию славяне и скандинавы. У последних она даже пережила подлинный расцвет в 5 – 11 вв. н. э. То были «запоздалые цветы» северного язычества. Тем не менее, к 12 веку крещение славян и скандинавов было в основном завершено. Последний бастион – литовское язычество пало в начале 15 века.

ПОНЯТИЕ «ВАРВАРЫ» ПО ДАННЫМ ГРЕЧЕСКОЙ И РИМСКОЙ ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

1. Формирование термина «варвар» на примере характеристики античных источников.

2. Первые случаи упоминания термина «варвар» в античной письменной традиции.

3. «Варвар»: этническая, лингвистическая и культурная составляющие понятия.

1. Формирование термина «варвар» на примере характеристики античных источников. В структурном отношении концепции "варварства" включают в себя следующие составляющие:

1. культурно- историческое («римское») понимание;
2. религиозное («средневековое») понимание;
3. стадийное понимание.

Культурно-историческим понятием «Варварская Европа» является потому, что она населялась народами, имевшими общее индоевропейское происхождение и на которые, к тому же, сильным отпечатком легло воздействие мощной греко-римской цивилизации. Религиозным понятием она является вследствие господства на ее территории языческих религий, также имевших единое происхождение. Наконец, можно рассматривать Варварскую Европу и со стадийной точки зрения, так как ее существование проходило в рамках затянувшегося героического века, преодоление которого для того или иного народа означало, одновременно, и выход из единого «варварского» культурного пространства. Территория этого пространства, разумеется, менялась за столь длительный период истории. В разное время она занимала

пространство современных Испании, Франции, Британских островов, Германии, Скандинавии, Центральной и Восточной Европы (до Волги).

Варварскую Европу, как и Европу наших дней, можно условно разделить на два больших региона. Первый охватывает ее запад, второй – центр и восток. Традиция подобного разграничения берет свое начало еще в греческих источниках, говоривших о кельтах и скифах (используя эти понятия более широко, чем мы). Западноевропейские варвары – это кельты и германцы, «варвары в чистом виде», находившиеся в тесном взаимодействии друг с другом. Кроме того, народы кельтской и германо-скандинавской групп занимают уникальное положение среди других европейских варваров по объему своего мифологического наследия. Причем это в равной мере касается как изобразительного искусства, так и литературных памятников. Аналогия между кельтами и германо-скандинавами в данном вопросе весьма примечательна. Континентальные кельты (в основном галлы) создали огромное количество изображений своих богов, но не оставили мифологических текстов. Зато островная традиция (преимущественно ирландская, но также и британская) сохранили великую мифоэпическую традицию, сопоставимую по объему с античной. Германским народам же (а точнее, их скандинавской ветви) принадлежит значительный массив языческого изобразительного искусства, концентрирующийся на материке – в Швеции, Дании, Норвегии. Зато мифология опять-таки сохранилась на острове – в Исландии. Таким образом, западноевропейские варвары выгодно выделяются по сравнению со своими восточными соседями, почти не имеющими письменно зафиксированных мифов.

Однако, при значительном сходстве ситуаций в области сохранения кельтской и скандинавской мифологий, соотношение иконографического и текстуального материала в обеих традициях неодинаково. Ирландские саги подверглись мощной переработке с позиций христианского учения. Поэтому, в деле реконструкции кельтского пантеона первостепенное значение имеют памятники языческого, континентального искусства. Напротив, скандинавские письменные источники сохранились в сравнительно целостном виде и позволяют руководствоваться ими при анализе артефактов (да и хронологический разрыв между ними не столь велик).

Именно кельты и германцы долгое время являлись основными соперниками античного мира, а позже составили костяк феодальной Европы. Многие их изначальные особенности определили ход развития средневекового общества.

Центральная и Восточная Европа более мозаичный регион. Ее территорию можно разделить на три меньшего размера области по культурно-историческим и языковым критериям. Первая была населена фракийцами и иллирийцами, вторая скифами и сарматами, третья балтами и славянами. Многие филологи-индоевропеисты, как уже отмечалось, относят эти народы к восточной ветви данной языковой семьи, выделенной еще А. Мейе. А. Н. Савченко включает в нее индо-иранцев, греков, армян, фригийцев, фракийцев, балтов и славян –

правда, без иллирийцев. По этому вопросу нет полной ясности. Однако, для упомянутых народов Восточной и Центральной Европы характерны общие тенденции социо-культурного развития, что отразилось и на мифологических представлениях. Характерно, что фрако-дакийцы, иллирийцы, скифы, сармато-аланы, балты, славяне практически не сохранили текстов, содержащих связное изложение преданий о богах и отношениях между ними. Взамен этого мы располагаем поздним фольклором и краткими летописными сведениями. Но главную роль в реконструкции мифологии региона играет изобразительное искусство. Изучение этого материала позволяет сделать вывод, что характерной чертой языческих (а в значительной мере и постязыческих) идеологий центрально- и восточноевропейских народов, при всей вариативности, является почитание в качестве очень важного религиозного объекта всадника на белом коне, «царя былого и грядущего», мессии.

2. Первые случаи упоминания термина «варвар» в античной письменной традиции. Данный период открывает новый этап в истории греческих городов Северного Причерноморья, что находит своё отражение не только в социально-экономической, но и политической сфере жизни греческих переселенцев. Начиная именно с VI в. до н.э. можно с уверенностью говорить о начале наиболее интенсивного периода греческой колонизации Северного Причерноморья, когда в течение века было основано несколько десятков греческих поселений, выросших в крупные города классического полисного типа, как например, Фанагория, Пантикапей, Горгиппия, Нимфей, Мирмекий.

Особенно благоприятными были условия для большого числа поселений на сравнительно небольшой территории Таманского полуострова, что было весьма выгодно с экономической точки зрения, поскольку эти земли известны своим плодородием, впоследствии именно эта часть Боспорского государства давала основную массу товарного хлеба для продажи его греческим государствам Средиземноморья, в частности, Афинам в IV в. до н.э.

На Тамани в изобилии имеется пресная вода, в морях и в реке Кубани водится большое количество рыбы, в том числе ценных пород. Животный мир также богат. Таким образом, азиатский Боспор в силу указанных условий был весьма с точки зрения удобным и выгодным местом для жизни новых переселенцев.

В условиях интенсивного процесса социального, экономического и политического развития полисов на территории Крымского и Таманского полуостровов и развивающихся взаимоотношений с варварскими племенами были заложены основы становления государственности. Закономерным итогом указанного процесса явилось появление Боспора в самом начале V в. до н.э., ставшего в один ряд с самыми известными эллинскими государствами.

О государственном устройстве державы Спартокидов известно очень мало. Существование гражданской общины подтверждается сохранившимися полисными этниконами Пантикапея, Нимфея, Феодосии, Фанагории, Кеп, Гермонассы и Горгиппии. За пределами же Боспора его жители, начиная с первой половины V в. до н.э. именовались «боспоритами».

Это свидетельствует о тесном внутривосточном единстве государства. Спартокиды сосредоточили в своих руках многие прерогативы полисного права: выдавали от своего имени проксении; осуществляли контроль над чеканкой монеты, над всеми портами государства, и прежде всего над портами Пантикапея и Феодосии; даровали право беспошлинности всех имуществ, право входа в гавань и выхода из нее, право беспошлинной торговли как отдельным лицам, так и целым государствам, причем не в одном каком-либо пункте, а во всем государстве.

Вполне закономерно, что установившийся по своей форме тиранический режим должен был создать свой, прямо противоположный по отношению к традиционным классическим полисным структурам, аппарат управления. На вершину иерархической лестницы стоял тиран с соправителями. В их распоряжении находилась огромная земельная собственность, военные силы, когда, начиная уже с первой половины V в. до н.э. на Боспоре существует наемное войско) и определенный штат чиновников.

Несомненно, что одним из главных достижений данного периода в истории греческих полисов северопричерноморского региона следует считать начало собственной чеканки монет и денежного обращения в межполисной и международной торговле.

Археологические материалы, относящиеся к данному времени в количественном отношении, как это будет представлено ниже, особых изменений не демонстрируют. По-прежнему, как и в предшествующий период, массовый археологический материал на территории греческих поселений и за её пределами представлен различными образцами керамики, как импортного происхождения, так и изготовленными в ремесленных мастерских Ольвии, Пантикапея и других греческих городов Северного Причерноморья. В меньшей степени, зачастую только единичными находками представлены изделия из меди, бронзы и драгоценных металлов, преимущественно в виде украшений импортного происхождения.

Стабильно продолжает поступать импортная керамика на территорию Березани, Ольвии и Пантикапея, большинство которой представлено амфорной тарой различных черноморских и средиземноморских центров.

Характерной чертой в данный период становится распространение античной керамики за пределы собственно территории и сельской округи греческих поселений на территорию не только степной, но и лесостепной зоны.

Например, на территории целого ряда крупных варварских городищ, располагавшихся на значительном расстоянии от крупных центров греческих переселенцев, таких как, Бельское, Пастерское и Немировское городище и в погребальных комплексах на территории степной зоны в результате археологических исследований были обнаружены десятки фрагментов расписной ионийской керамики, амфоры, покрытые лаком, тарелки и блюда, датированной началом VI в. до н.э., а в отдельных случаях нам известны фрагменты, датированные концом VII в. до н.э.

Данные находки, вне сомнения, подтверждают тезис об увеличении интенсивности греко-варварских контактов, которые носят пока односторонний характер, так как археологические материалы греческих колоний носят исключительно традиционный эллинский облик, не подверженный влиянию варварской культуры извне.

Помимо обширного археологического материала греческого и местного происхождения интерес представляют находки металлических серебряных изделий и керамики ближневосточного или переднеазиатского происхождения (вавилонского и ахеменидского) в широком смысле. Подобные находки позволяют по-новому представить картину греко-варварских контактов.

Когда требуется интерпретация и объяснение находок предметов греческого, ближневосточного и местного происхождения в одних археологических комплексах указанного хронологического периода, то не может быть одного ответа, поскольку очевидно, что пути и способы попадания импортных предметов к представителям кочевой знати могли быть самыми разными, начиная от традиционных торговых связей и заканчивая дарами за лояльность на границах, выкуп за пленников и военная добыча, полученная после успешных походов.

На протяжении длительного времени в условиях популярности эмпориальной теории в качестве эталона эмпория традиционно принималось одно из древнейших в Северном Причерноморье греческих поселений на острове Березань, возникшее в середине VII в. до н.э. и инкорпорированное позже Ольвийским полисом. Однако, теория о перерастании эмпориев в колонии оказалась ошибочной, поскольку эмпории в том виде в каком они представлялись отдельным исследователям, нигде больше на территории Северного Причерноморья обнаружены не были, а Березанское поселение в результате многолетних археологических исследований получило совершенно иную интерпретацию и трактовку.

Не находит на сегодняшний день подтверждения представления о существовании доколониционной торговли эллинов с населением скифских степей. Единичные находки архаической ионийской керамики, которые ранее принимали за свидетельства этой торговли, во-первых, крайне малочисленны, во-вторых, не восходят ко времени, кроме некоторых исключений, более раннему, чем середина VII в. до н.э., т.е. не старше древнейшего эллинского поселения на острове Березани. В-третьих, в настоящее время исследователями считается, что они могли попадать в причерноморские степи не только в результате торговли, но и другими путями, например, через скифов, вернувшихся с территории Малой Азии

На сегодняшний день с учётом существующих сведений нет возможности абсолютно определённо ответить на вопрос, каким образом родосско-ионийская расписная керамика, ахеменидское серебро и керамика местного варварского керамического комплекса могли оказаться в одном археологическом комплексе.

Возможно, какая-то часть инвентаря попала к кочевникам в качестве военной добычи как результат похода киммерийцев, либо скифов в Малой Азии, часть как результат торгово-обменных операций между греками и варварами. Нет сомнений только в том, что перед нами погребения представителя кочевой знати южнорусских степей.

Картографирование находок позволяет утверждать, что большая её часть попала на указанные территории посредством не речных, а сухопутных торговых коммуникаций.

3.«Варвар»: этническая, лингвистическая и культурная составляющие понятия. Наиболее ранней апойкией в Северном Причерноморье, как известно, является Березанское поселение, которое было основано в 647/6 г. до н.э.

Несмотря на то, что эта дата довольно часто подвергается сомнению на том основании, что она не подтверждается археологическими материалами, у нас нет серьезных причин сомневаться в ее корректности. Отсюда следует, что все наиболее ранние греческие вещи, находимые в хинтерланде, могли попасть туда тем или иным путем только из Березани. Речь, прежде всего, идет о хорошо известных находках из Немировского, Трахтемировского, Бельского городищ и поселения около Жаботина.

На Немировском городище, находящемся в лесостепном Побужье, найдены фрагменты расписной керамики и амфорной тары, которые количественно превосходят обломки греческой керамики, обнаруженные на синхронных скифских городищах. В соответствии с датировками М.Ю. Вахтиной, основная масса этой посуды относится к последней четверти VII – началу VI вв. до н.э. Исследовательница пишет о том, что коллекция греческой керамики из Немировского городища «оставляет впечатление какого-то раннего и сравнительно кратковременного импорта довольно большого для данного региона количества восточнгреческой художественной керамики вглубь варварской территории». По мнению Я.В. Доманского, Немировское городище выполняло функции посредника в распространении греческого импорта в варварской среде.

В результате многолетних исследований Бельского городища было найдено более 10000 фрагментов античной керамики, большинство которой, по словам исследователя этого памятника, представляют собой стенки сосудов, не поддающиеся определению. Часть сосудов представляет собой расписную ионийскую керамику, которую Б.Н. Шрамко датирует от второй четверти VII в. до н.э. и позднее. При этом странным является то, что до сих пор все эти находки не исследованы и практически не опубликованы. Читатель поэтому вынужден принимать на веру датировки Б.Н. Шрамко, которые далеко не всегда очевидны.

Большинство, если не все, исследователи практически не сомневаются в том, что вся эта керамика попала в районы, удаленные от берега моря, в результате торговых операций греческих купцов с аборигенным населением. При этом совершенно отчетливо прослеживается следующая, в общем-то

простая мысль: поскольку на раннем этапе колонизации импорт был скромным, то и греко-варварские торговые связи были нерегулярными, находились в стадии становления. В свое время, например, И.Б. Брашинский на основе очень небольшого количества фрагментов аттических расписных ваз, найденных в древнейших слоях причерноморских городов пришел к ряду весьма ответственных выводов о торговых связях Афин с Понтом. В частности, логика его рассуждений очень проста: чем меньше найдено фрагментов керамики, тем менее интенсивными были торговые связи. Поэтому малочисленность аттических ваз в первой половине VI в. до н.э. ведет И.Б. Брашинского к заключению о спорадичности и случайности торговых сношений между двумя регионами в это время.

Еще более показательными в этой связи являются одна работа, о которой мы погово-рим несколько подробнее. О ней можно даже сказать, что она олицетворяет собой определенную тенденцию в современной историографии по проблеме греческой колонизации и греко-варварских взаимоотношений в Северном Причерноморье.

Эта работа – статья А.С. Русяевой. Она посвящена причинам первоначального проникновения эллинов в лесостепные районы Украины, удаленные на сотни километров от морского побережья, возможности непосредственного пребывания греков в этих местах. Автор опирается в своих выводах, прежде всего, на находки греческой керамики. Причем особое место в рассуждениях А.С. Русяевой занимает керамика из Березани и Лесостепи, которую она датирует второй четвертью VII в. до н.э. Столь ранняя дата дает ей основание говорить о доколониционных плаваниях греков в Северное Причерноморье и об их проникновении вглубь территории. Принимая во внимание то обстоятельство, что количество этой посуды невелико, она делает вывод о том, что речь о торговом обмене между эллинами и варварами идти не может. Эти «спорадические визиты (или визит?)» могли носить только разведочный характер. Довольно любопытным и несколько неожиданным выглядит вывод автора о причинах проникновения греков в Лесостепь еще до основания первых апоек, заключающийся в поисках в этих местах драгоценных металлов. Другая причина традиционна (если не сказать — банальна) — торговля: «Таким образом, три главные причины: разведочные плавания в доколониционный период в поисках драгоценных металлов; рациональное целенаправленное изучение лесостепной зоны, как с целью ее возможной колонизации, так и установления торгового обмена с ее обитателями, проведение торговых операций с земледельческо-скотоводческими племенами во время расширенной колонизации Северного Причерноморья и значительным увеличением в этом регионе греческого населения – тесно взаимосвязаны между собой». Не менее традиционен и общий вывод А.С. Русяевой: «С увеличением греческих изделий в Лесостепи началась постепенная эллинизация быта его населения. Греческая посуда, в том числе расписная, бронзовая с рельефными украшениями и более дорогая из золота и серебра, поскольку ее количество и ассортимент со временем

возрастали, нравилась многим туземцам, способствовала в их среде развитию эстетических взглядов. Они ценили эти сосуды, используя их не только в быту, но и в культовых, а также погребальных обрядах...». Появление в быту туземцев греческих вещей имело «важное значение в развитии общей культуры местного населения, вырабатывали в его мировоззрении стремление к улучшению образа жизни, позволяли глубже познакомиться с более цивилизованным миром, вследствие чего возникала тяга ближе соседствовать с античными городами».

Более всего в гипотезе А.С. Русяевой обращает на себя внимание способ интерпретации археологического материала. Он весьма прост: если найдено несколько черепков греческой посуды в хинтерланде, то мы вправе говорить о непосредственном посещении эллинами этих мест. Этого умозаключения вполне достаточно для того, чтобы сделать вывод уже на более высоком уровне обобщения: греки прибыли в Лесостепь с разведочными целями, чтобы обнаружить месторождения золота и изучить территорию с целью ее колонизации и установления торгового обмена с туземцами. Венчают же эту логическую цепь умозаключения о воспитанном греками у туземцев «стремлении к улучшению образа жизни» и «тяге ближе соседствовать». Этим рассуждениям не мешает ни признаваемая автором скудость керамики, ни «неработанность абсолютной хронологии расписной керамики», которая ведет к неправильным датировкам А.С. Русяевой, ни возможная единичность визита эллинов, что само по себе отменяет все эти выводы, ни какие-либо другие препятствия. Главная задача состоит в том, что постараться нарисовать максимально грандиозную картину освоения греками широких пространств, весьма удаленных от их родины. Исследовательница, увлеченная масштабными выводами, не задумывается над самыми простыми вопросами, которые вполне могут опровергнуть все ее абстрактные рассуждения.

Например: каким образом греческие «разведчики» могли проникнуть в места, отстоящие от морского побережья на многие сотни километров? Ведь в доколониционный период здесь еще не было греческих апоек, которые могли бы послужить своего рода базой для отправки вглубь неизведанной территории. Следовательно, эллины должны были высадиться с кораблей в каком-то месте на побережье и отправиться на север. На чем? По реке на лодках? Однако сделать это крайне трудно, поскольку надо плыть против течения. На лошадях или пешком? В любом случае необходимо миновать земли, принадлежащие разным племенам. Как это было возможно без знания языков? Кроме того, в отсутствие централизованной власти нужно было либо иметь большую охрану, либо договориться о свободном проходе через эти земли. Брать с собой в такую смертельно опасную экспедицию в качестве платы за проход «парадную, а нередко высокохудожественную расписную посуду» было бы весьма нелепо. К тому же наше убеждение в том, что туземцы должны были быть счастливы получить такую керамику, может не совпадать с мнением самих туземцев. Этнографические параллели торговых экспедиций в Африке показывают, что стоимость такого прохода в течение всего лишь

нескольких дней составляет 20–25% от общей стоимости всего перевозимого груза. В таком случае у греческих разведчиков через пару недель должны были закончиться все «бусы», припасенные для туземцев. Наконец, что могла разведать крошечная группа людей на территории, измеряемой многими десятками тысяч квадратных километров?

Если же перейти к более принципиальным вопросам, то мы должны себя спросить: вправе ли мы утверждать, что метрополия (Милет или какая-либо другая) строила стратегические планы по освоению весьма удаленных не только от нее самой, но и от морского побережья территорий? Мы уже не говорим о том, что метрополия выводила колонии по внутренним причинам, не была своего рода империей, озабоченной захватами территорий, организацией экспедиций по поискам месторождений драгоценных металлов, сырья и т.п.

Для последнего у нас нет никаких оснований, кроме умозрительных спекуляций. К началу освоения северного побережья Понта практически все свободные земли в Средиземноморье, на которых можно было основывать апойкии, были заняты. Если та или иная метрополия пыталась основать свою апойкию в местах, куда уже были выведены колонии или где проживали местные племена, то это часто приводило к затяжным военным конфликтам. Достаточно будет вспомнить первое основание Абдер под предводительством клазоменца Тимесия (Hdt. 1.168) в середине VII в. до н.э. (около 654 г.), которое оказалось неудачным из-за агрессивности соседних фракийских племен.

Второе основание Абдер теосцами также не было легким: переселенцам пришлось в течение нескольких десятилетий воевать с фракийским племенем пеонов (Pind. Paе. 2. 59–70), прежде чем они окончательно обосновались на выбранном месте. Поэтому освоение берегов негостеприимного Черного моря стало неизбежной необходимостью для тех колонистов, которые «опоздали» с переселением в более благоприятные местности. Кстати, основание апойкии в наиболее западной части Средиземного моря (южное побережье Франции и северо-восточное побережье Испании), несмотря, казалось бы, на более благоприятный по сравнению с Северным Причерноморьем климат, также было вынужденной мерой, поскольку этот регион был очень удален от метрополии.

Таким образом, мы должны признать, что до сих пор у нас нет оснований в виде тех или иных археологических материалов, которые бы твердо свидетельствовали в пользу активного интереса к северному побережью Понта, который проявляли бы греки до времени выведения сюда первых апойкии. В любом случае, следует считать малообоснованными попытки интерпретировать в целом немногочисленные находки греческих вещей в хинтерланде в русле продуманной и целенаправленной политики греческих полисов, стремящихся к планомерному освоению, если не захвату, удаленных регионов ойкумены с целью эксплуатации их ресурсов, для налаживания торговых связей. Нельзя не согласиться со словами о том, что греческие торговые интересы вне самого греческого мира должны восприниматься с большой долей скептицизма.

Очевидно, что упрощенный подход к процессу освоения новых земель эллинами без попытки понять всю сложность и многогранность этого явления ведет к возникновению легковесных, но понятных и удобных предположений. Несколько таких предположений, выведенных одно из другого, создают иллюзию гипотезы, которая очень быстро становится «доказанной» теорией.

Выведение апойкий в Северное Причерноморье было составной частью греческой колонизации. Причинами этого универсального для Средиземноморья и Причерноморья явления были процессы, происходившие в метрополии, но отнюдь не на осваиваемых территориях. Не будем забывать: то, что мы называем греческой колонизацией, было, в действительности, вынужденной эмиграцией, а не колонизацией в первоначальном значении этого слова, т.е. целенаправленным и планомерным освоением каких-либо территорий в интересах метрополии. До начала основания апойкий на берегах Черного моря греки имели какие-то, довольно смутные сведения о здешних землях. Новый этап начался с выведением колоний в Пропонтиду, а затем на южный, западный и северный берега Понта. Следует подчеркнуть в этой связи хорошо известный факт: первые апойкии, в том числе и Березанское поселение, были основаны на островах или полуостровах. Этот факт свидетельствует, прежде всего, об опасениях переселенцев, плохо знающих или не знающих вообще демографическую и политическую ситуацию в данном регионе. Знания об осваиваемых территориях накапливались постепенно, по мере продвижения вдоль побережья. После появления поселения на Березани греки начали ближе знакомиться с окружающими землями. Однако потребовалось несколько десятилетий для того, чтобы здесь были основаны новые апойкии. В конце VII – начале VI вв. до н.э. на северном побережье Азовского моря появилось Таганрогское поселение.

Спустя примерно четверть века на Боспор Киммерийской были выведены несколько колоний (Пантикапей, Феодосия, Нимфей, Мирмекий, Кепы, Гермонасса и др.). Аналогичная ситуация зафиксирована, как хорошо известно, в Западном Средиземноморье, где спустя некоторое время после основания самой ранней апойкии Питекуссы, находящейся на острове, появились и другие выселки.

Если мы отрицаем доколониционную торговлю греков с варварскими племенами Северного Причерноморья и торговую или сырьевую направленность греческой колонизации, то теперь мы должны ответить на вопрос, который представляется весьма непростым: были ли в Северном Причерноморье греческие эмпории? При этом под термином «эмпорий» мы, в соответствии с дефиницией М. Хансена, подразумеваем общину, которая является эмпорием в противовес общине, которая имеет эмпорий.

Заметим попутно, что трудно не согласиться с датским исследователем в его наблюдении о различии в использовании интересующего нас термина специалистами: если историки, которые пишут о международной торговле, понимают его как институт полиса, то историки, которые исследуют греческую колонизацию, говорят об эмпории как о поселении, схожем с полисом.

В настоящее время многие специалисты негативно относятся к теории развитию полисов из эмпориев в том виде, в каком она существовала в течение долгого времени. Однако мало кто отрицает саму возможность существования специально основанных торговых поселений. Эта точка зрения находит твердую почву в источниках, правда, относящихся к эллинистическому и римскому времени. Что касается же эпохи архаики, то в отношении северного Понта данные письменной традиции, которая бы говорила об эмпориях в этом регионе, отсутствуют. В определенной степени исключением составляет Геродот, который, не являясь автором архаического времени, дает нам интересные и в тоже время запутанные сведения об эмпориях.

Пожалуй, наиболее сложным и дискуссионным является следующий известный пассаж «отца истории» (4.108): «Будины — племя большое и многочисленное; все они очень светлоглазые и рыжие. В их области выстроен деревянный город; название этого города — Гелон. Длина стены с каждой стороны — 30 стадиев; она высокая и целиком из дерева; и дома у них деревянные, и храмы. Там есть святилища эллинских богов, украшенные по-эллинически деревянными статуями, алтарями и храмами. И каждые три года они устраивают празднества в честь Диониса и впадают в вакхическое исступление. Ведь гелоны в древности были эллинами, которые покинули (*exanastantes*) торговые гавани и поселились у будинов. И говорят они на языке отчасти скифском, отчасти эллинском» (Пер. И.А. Шишовой с изменениями автора). Это сообщение исследователи нередко используют для доказательства наличия греческих эмпориев далеко в хинтерланде, которые были основаны для торговых операций в скифских землях. Так ли однозначно выглядит этот пассаж Геродота?

Прежде всего, обратим внимание на фразу о том, что гелоны в древности были эллинами из торговых гаваней (*emporion*). Первая сложность здесь состоит в понимании значения слова эмпорий. Очевидно, что речь идет о греческих поселениях, расположенных на берегу моря, Понта. Однако остается не совсем понятным, что подразумевал Геродот под этим словом — какие-то приморские апойкии или специально торговые поселения? Если основываться на выводах М. Хансена о том, что большинство греческих поселений, описанных в источниках классического времени в качестве эмпориев, были в действительности полисами, имевшими эмпорий, то можно полагать, что речь в нашем пассаже идет о причерноморских апойкиях, полисах. Следующая проблема состоит в понимании термина *exanistemi*, употребленного Геродотом: добровольно греки покинули свои приморские города или были изгнаны оттуда? Если они были изгнаны, то почему отправились в неизведанные земли, где их судьба не была бы легкой, а не, например, в другие греческие города? Если же принять первое объяснение, то не исключено, что эллины действительно были купцами, которые отправились в хинтерланд с торговыми целями.

Однако на этом трудности понимания текста Геродота не заканчиваются. В соответствии с его сообщением, гелоны жили в городе, в котором находились

эллинистические святилища со статуями, алтарями и храмами. Все было сооружено из дерева. Должны ли мы дословно понимать смысл выражения «Там есть святилища эллинских богов, украшенные по-эллинистически деревянными статуями, алтарями и храмами», или делать поправку на определенную смутность, которая присутствует в сообщениях Геродота об этих далеких землях? В первом варианте мы должны себе представить настоящие греческие храмы с алтарями и статуями богов, хотя и сделанные из дерева, но с соблюдением норм эллинской культовой архитектуры. В таком случае мы столкнулись бы с ситуацией совершенно уникальной для всей ойкумены — греческие деревянные храмы вглубине варварской территории, где отправляются дионисийские культы. Второй вариант не исключает того, что неопределенность и запутанность сведений греков об этом удаленном от морского побережья регионе, стала причиной появления сказания о загадочном граде Гелоне. Например, А.П. Медведев считает возможным видеть в рассказе о Гелоне плод «наивной греческой этимологии по принципу созвучия этнонимов Hellenes и Gelonoi, на что уже давно обращалось внимание».

В течение многих десятилетий специалисты пытаются привязать Гелон Геродота к тому или иному археологическому памятнику. В соответствии с наиболее распространенной точкой зрения за Гелон принимают Бельское городище. Основание для этого служит совпадение длины валов, окружающих городище (25995 м), с сообщением Геродота о том, что городская стена Гелона с каждой стороны равнялась 30 стадиям (25200 м при 210 м в стадии).

В последние два десятилетия при раскопках Бельского городища было найдено довольно значительное количество греческой керамики, по преимуществу амфор (около 10000 фрагментов, «в большинстве это обломки стенок, не поддающиеся точному определению»).[56] Несмотря на то, что за все время раскопок вскрыты уже более 5000 м², каких-либо других находок, более или менее определенно свидетельствующих о Бельском городище как Гелоне, не найдено. Таким образом, можно говорить, что идентификация Бельского городища с Гелоном Геродота является скорее предположением, чем доказанным фактом. К тому же А.П. Медведев недавно попытался подорвать и главный аргумент такой идентификации – совпадение длины валов городища и стен Гелона. По его мнению, Геродот почти всегда давал неточные цифры длин стен даже тех городов, где он бывал (например, Вавилона). На этом основании исследователь полагает, что Бельское городище не является Гелоном. Дополнительным аргументом к этому ему служит тот факт, что Бельское городище располагается в днепровском Левобережье, тогда как Гелон находился, по его мнению, в Левобережье Танаиса–Дона. Общий вывод А.П. Медведева состоит в том, что между Бельским городищем и Гелоном Геродота больше различий, чем сходства.

Даже этот быстрый взгляд на проблему Гелона дает достаточно оснований для того, чтобы сомневаться в возможности считать его греческим эмпорием в глубине скифских земель. В любом случае, данные относительно пребывания эллинов в хинтерланде или греческого импорта в варварских землях в

архаическую эпоху настолько скудны, что практически все выводы, которые делаются на их основе, являются предположительными и носят умозрительный характер. Сходная ситуация наблюдается и в других регионах греческого колониального мира, например, в Западном Средиземноморье. Основная масса исследователей, работающих здесь, некоторое время назад исходила из того, что основным двигателем освоения новых земель и контактов с туземным населением была торговля.

Все импортные предметы, находимые вне эллинских поселений, рассматривались исключительно через призму торговой экспансии греков. На этой основе рисовались широкие полотна освоения греками огромных пространств европейского континента. Однако более критический подход, который начинает преобладать в литературе сейчас, обнаруживает факты, которые противоречат устоявшимся представлениям. Так, оказывается, что импорт в хинтерланде не так обилен и практически растворяется среди местных изделий, в своей основной массе он сосредоточен вокруг греческих поселений. Другими словами, обменные операции эллинов и аборигенов носили ограниченный характер и были сосредоточены в непосредственной близости от апойкий. В удаленные же места поступали в основном дорогостоящие предметы, носившие престижный, статусный характер, имевшие отношение к местным элитам.

При этом у нас нет уверенности в том, что они попадали по назначению обязательно через посредство греческих купцов, путешествовавших вглубь страны: контакты, в том числе торговые, обычно осуществлялись на границе двух или более человеческих групп, т.е. опять же в непосредственной близости от греческих апойкий. Кроме того, чужеземные вещи могли попадать в хинтерланд не только посредством обмена (прежде всего межплеменного), но также в результате дипломатических даров, откупа, выкупа, военных трофеев.

Подводя итог сказанному выше, мы можем констатировать, что освоение северочерноморского побережья греческим переселенцами было связано с внутренними причинами в их метрополии и не имело отношения к торговой экспансии ионийских полисов. Торговые и прочие контакты с аборигенным населением в этом регионе стали налаживаться после определенного укрепления позиций колонистов, которые происходили в месте соприкосновения культурных ареалов. Именно здесь могли происходить определенные взаимовлияния. При этом греческие апойкии не осуществляли специально какую-либо торговую экспансию, поскольку все торговые и прочие предприятия, касающиеся туземного населения, осуществлялись на свой страх и риск частными торговцами. Не следует забывать и о том, что помимо мирных взаимоотношений двух миров периодически возникали и военные конфликты, которые также относятся к категории контактов между греками и варварами.

КОНЦЕПЦИИ ОБМЕНА В РАННИХ ОБЩЕСТВАХ: ПЕРЕХОД ОТ НАТУРАЛЬНЫХ ФОРМ К ТОВАРНЫМ: ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ

1.Использование монеты как средство обмена, платежа и стандарт ценности.

2.Общие тенденции в торгово-экономической сфере греко-римско-варварского мира.

3.Торговля и обмен по данным античной письменной традиции.

1.Использование монеты как средство обмена, платежа и стандарт ценности. В отношении нумизматических материалов следует обратиться к истории становления нумизматики и истории изучения античных монет в России из частных коллекций и монет, собранных как в результате археологических изысканий, так и благодаря стараниям увлечённых дилетантов-нумизматов.

Практически сразу же после присоединения Северного Причерноморья к Российской империи на этих землях появились как официальные участники экспедиций Академии наук под руководством В.Ф. Зуева (1781-1782) и П.С. Палласа (1793-1794), так и много русских и иностранных путешественников и колонистов, ставших первыми коллекционерами и издателями античных монет с территории Причерноморья. Князь Г.А. Потемкин своим указом 1784 г. предписал собирать в Крыму древние монеты и медали, в 1805 и 1822 гг. были изданы правительственные распоряжения, запрещающие вывоз античных монет за пределы Российской империи.

В дальнейшем поднять нумизматику на новый, европейский, научный уровень внес военный инженер, нумизмат и известный коллекционер древностей Александр Львович Бертъе-Делагард (1842-1920). Он одним из первых российских нумизматов понял и на пример боспорских монет показал важность и значение анализа именно массового материала для получения наиболее объективных результатов в нумизматическом исследовании.

Им была разработана методика определения монетно-весовых систем греческих городов Причерноморья с использованием современных ему методов метрологии в нумизматике. Он проследил изменения весовых норм и монетных систем древних городов Северного Причерноморья, впервые провел крупномасштабные исследования весов монет из всех, доступных ему коллекций и частных собраний.

Обращаясь к заявленному периоду, сразу отметим, что в денежном обращении греческих колоний Северного Причерноморья, как о том свидетельствуют данные нумизматики, принимали участие монеты нескольких десятков греческих городов из самых разных уголков обширного эллинского мира.

Можно принять как исходную позицию положение, согласно которому для греческих поселенцев в начальный период их появления в регионе не было

крайней необходимости в обращении иноземных монет, пока не появилась собственная чеканка, доказательством чему служат известные находки электровых и в меньшем количестве серебряных кизикинов VI в. до н.э. единичны.

Впрочем, как в Ольвии, так и на территории Боспора они представлены не только единичными отдельными находками, но и в кладах выполняя, таким образом, функцию единственной иностранной валюты в регионе. Данное обстоятельство, впрочем, носило кратковременный характер, так как в IV в. до н.э., как и во многих эллинистических государствах, на Боспоре в большом количестве появились золотые македонские статеры.

Основу обращения и обеспечения внутренней торговли большинства греческих колоний составляли серебряные и медные монеты Ольвии и Пантикапея, известные практически на всех поселениях греков в Северном Причерноморье, нередки их находки и на территориях, занятых скифами, сарматами, синдами и меотами.

В этот же период наметилась тенденция, в полной мере реализовавшаяся в эллинистическое время, когда наибольшее распространение получили монеты греческих городов Малой Азии, игравших важнейшую роль в торгово-экономических контактах греческих городов Северного Причерноморья с античными центрами городов бассейна Чёрного, Эгейского и Средиземного морей.

Сравнительно-сопоставительный анализ монетных находок Ольвии и Боспора с учётом метрологических данных на территории указанного региона демонстрирует то обстоятельство, что на территории Пантикапея и других городов, вошедших впоследствии в состав Боспорского царства практически нет монет Ольвии и Херсонеса.

Данный факт говорит об отсутствии экономической необходимости в использовании монет других греческих городов на территории Боспора, и единичные находки пантикапейских монет в Ольвии. Очевидно, что в силу различного времени и условий возникновения, степени удалённости друг от друга Ольвии и Пантикапея, представлявших различные районы Северного Причерноморья, не сформировались условия для начала интенсивного денежной торговли между двумя ведущими античными центрами Северного Причерноморья.

Одной из самых ранних и своего рода экзотических иноземных монет является лесбосский гемистатер из раскопок Пантикапея, датируемый серединой VI в. до н.э. Данная находка является единственной для рассматриваемого периода, что позволяет с уверенностью говорить о том, что он не мог участвовать в денежном обращении и попал в город случайно, привезённый торговцем из какого-либо причерноморского, либо малоазийского полиса как часть личных сбережений, либо части дорожной суммы, предназначенных для расчётов в других городах.

Одними из самых ранних известных на сегодняшний день кладов золотых и серебряных кизикинов VI в. до н.э. являются монетные клады, происходящие

из раскопок Пантикапея, Кеп, Патрея и Мирмекия. Самый ранний – Патрейский клад с кизикином, монетный тип которого датируется 600-550 гг. до н.э.

Отдельные находки золотых и серебряных монет VI в. до н.э., обнаруженные за пределами территорий греческих городов Северного Причерноморья условия, обстоятельства и время находок которых либо неизвестно, либо сомнительно, но следует указать для полноты картины, находки нескольких серебряных афинских и фиванских монет с территории Прикубанья, Боспора Ольвии, подтверждающих тезис о самом широком в географическом плане наборе центров монетной чеканки, представленные не только провинциальными полисами, но и крупными ремесленно-торговыми и политическими центрами.

С другой стороны, обнаруженные электровые и серебряные кизикины VI в. до н.э., обнаруженные в регионе, совсем не обязательно могли оказаться в Северном Причерноморье непосредственно в VI в. до н.э., поскольку большая их часть обнаружена в кладах, время сокрытия которых определяется не ранее середины IV в. до н.э., так как в указанных кладах они содержатся вместе с золотыми пантикапейскими монетами IV в. до н.э.

Исключением является мирмекийский клад кизикинов, в составе которого были золотые VI-IV вв. до н.э., представляя таким образом все, известные нам, хронологические группы.

Вообще находки в Северном Причерноморье в целом и на Боспоре и Ольвии в частности клады кизикинов, как уже отмечалось выше, редки, их сокрытие как нам представляется связано с военными событиями и разрушениями в рамках VI в. до н.э., и мало связаны с собственно причинами экономического характера.

Клады серебряных монет VI в. до н.э. единичны, известные нам представляют клады, состоящие каждый из нескольких серебряных пантикапейских мелких номиналов. Большая часть указанных выше кладов обнаружена либо при проведении строительных работ, либо в керамических сосудах, или условиях и обстоятельствах находок которых неизвестны или сомнительны. Уникальную находку содержит Патрейский клад, в составе которого среди пантикапейского серебра обнаружены несколько серебряных монеты монетного двора Самоса, датируемые концом VI в. до н.э.

В современной российской античной нумизматике Северного Причерноморья на первый план выходят вопросы, связанные с решением проблемы определения источника происхождения драгоценного металла, а именно золота и серебра, из которых чеканилась золотая и серебряная монета самых крупных независимых монетных дворов Северного Причерноморья: Ольвии, Пантикапея и Херсонеса.

В итоге анализа археологического материала первой половины VI в. до н.э. намечился ряд характерных тенденций:

Во-первых, на территории большинства греческих поселений, располагающихся на побережье, в керамическом комплексе по-прежнему

значительный процент составляет высокой стоимости привозная лаковая керамика качества.

Во-вторых, за их пределами увеличивается количество греческой керамики, обнаруженной не только в степной, но и лесостепной полосе, удалённой от побережья Северного Причерноморья на сотни километров, причём это далеко не единичные находки.

В отношении нумизматических материалов особую важность приобретают исследования в направлении определения источников драгоценных металлов для чеканки золотых, электровых и серебряных монет. Пока они только ещё начались, но уже можно с высокой степенью вероятности говорить о том, что источником золота служили месторождения на территории Фракии, а серебра – месторождения Балканского полуострова, Фракии и Малой Азии. Не случайно, поэтому практически на всём времени существования греческих полисов на территории Северного Причерноморья для внутреннего обращения в основном использовалась медная и серебряная монета мелких номиналов.

2. Общие тенденции в торгово-экономической сфере греко-римско-варварского мира. Степень изученности проблемы. Всю научную литературу, затрагивающую нашу проблематику, можно условно разделить на две большие группы:

К первой относятся труды историков, в которых представлены теории и концепции возникновения причин Великой греческой колонизации.

Ко второй группе принадлежат работы, в которых авторы рассматривают те или иные аспекты данного процесса в рамках его восточного направления, включавшего в себя интересующий нас регион Северного Причерноморья и ближней варварской периферии.

Начнем историографический обзор с первой группы, так как именно работами авторов этого направления были заложены теоретические и методологические основы анализа феномена греческой колонизации на основе, в первую очередь, данных эпиграфики античной письменной традиции.

До недавнего времени, вплоть до середины XX века в советской, как, впрочем, и в мировой историографии существовали две основные концепции греческой колонизации Средиземноморского вообще и причерноморского регионов, в частности.

В историографии они традиционно обозначаются как концепции «аграрной» и «торговой» направленности колонизации без детального рассмотрения специфики региона, на территории которого основывались греческие поселения, будь то бассейн Средиземного или Чёрного морей. Закономерно, что они явились продуктом оформления исключительно социально-экономического направления в историографии античности. Развёрнутая аргументация «аграрной» впервые теории была представлена в труде Юлиуса Белоха «Греческая история» и работе П. Гиро, а основоположником второй, «торговой» теорий явился Э. Мейер, причём обе указанные концепции по истории греческой колонизации в архаическую эпоху возникли независимо друг от друга практически в одно и то же время.

Несмотря на то, что есть определённое принципиальное сходство у исследователей в подходах к изучению процесса, но причины, движущие силы, модель и характер колониационного процесса трактовались ими абсолютно по-разному.

Так, например, Эдуард Мейер подробно обосновал тезис о колонизации как торговой экспансии крупных эллинских городов, опираясь во многом на данные античной письменной традиции, в которой греческие города предстают как процветающие центры с преобладанием торгово-ремесленного сектора в экономике. Конечно, идея о том, что торговые интересы были основной причиной греческой колонизации, высказывалась исследователями и до него, но именно Э. Мейер одним из первых ввёл в научный оборот завершённую, выстроенную с привлечением широкого круга источников, теорию «торговой» колонизации.

Прямо противоположную позицию заняли исследователи, сторонники и разработчики «аграрной» концепции колонизации, согласно идеям которых на раннем этапе колонизации торговые интересы не играли какой-нибудь существенной роли, поскольку промышленность, в современной интерпретации этого понятия, находилась еще в зачаточном состоянии.

Среди отечественных исследователей в указанный период следует отметить магистерскую диссертацию Ф.Ф. Соколова по истории Сицилии и ряд последующих работ монографического характера, в которых особое внимание автор уделил изучению эпиграфического материала античного периода и вопросам, связанным с основанием греческих колоний и колониационного процесса вообще.

К числу наиболее крупных из значительных работ по данной теме следует назвать монографию М.И. Ростовцева «Скифия и Боспор», в которой, в отличие от работ Ф.Ф. Соколова, было дано детальное и наиболее квалифицированное описание погребальных комплексов, установлена датировка погребений по предметам, обнаруженным в погребальном инвентаре, значительное внимание исследователь уделил вопросам взаимоотношений греков-поселенцев и представителей местного кочевого населения в лице скифских племён.

Именно благодаря работам М.И. Ростовцева и его последователей при изучении вопросов, связанных с Великой греческой колонизацией, на первый план, исходя из степени информативности, выходят археологические источники. В то же время значительная часть отечественных исследователей в дореволюционной русской историографии в применении к понтийскому региону отдавала предпочтение «торговой» теории, именно представление о торговом характере колониационного процесса получило наиболее аргументированное обоснование в трудах крупных отечественных учёных рубежа XIX-XX вв. В. В. Латышева, Э. Р. Штерна и др.

Главной заслугой исследователей данной группы следует назвать конструирование основных концепций, теорий и моделей анализа Великой греческой колонизации, заимствованные, вероятно, из опыта колониальной

экспансии европейских государств в период нового времени, ставшего основой и современной методологии.

К 50-60-м годам прошлого столетия выработались довольно устойчивые и более или менее общепринятые представления в этой области в советской историографии, которые, как тогда представлялось вполне обоснованным, решили основные вопросы и задачи концептуального характера в истории колониационного процесса в понтийском регионе.

В отечественной историографии советского периода на протяжении десятилетий доминирующее положение занимала теория торговой колонизации, согласно которой главной движущей силой колониационного процесса являлись интересы торгового характера, объективно обусловленные исключительно желанием эллинов найти новые рынки сбыта для продукции эргастериев, а также новые источники сырья и продовольствия для снабжения метрополий в самых разных уголках ойкумены.

Данные археологии и античной письменной традиции, по мнению одного из основоположников торгового направления греческой колонизации в условиях Северного Причерноморья А. И. Тюменева полностью подтверждают теорию, ведь согласно крупному советскому учёному «торговая колонизация идет вслед за земледельческой». В известной степени данное представление нашло отражение в той или иной степени в трудах практических всех крупнейших советских исследователей античного периода истории Северного Причерноморья 50-70-х годов прошлого столетия: профессора В. Д. Блаватского, В. Ф. Гайдукевича, Д. П. Каллистова и других советских ученых.

В то же время, несмотря на повсеместное увлечение «аграрной» концепцией колонизации в советской историографии, в 40-50-х годах в качестве альтернативной точки зрения широкое распространение получила теория так называемой «двусторонности» колониационного процесса.

Впервые основные положения теории были сформулированы А. А. Иессеном в работе «Греческая колонизация Северного Причерноморья» и полностью базирующаяся на признании торгового характера колонизации. На основании письменных и археологических источников VI-IV вв. до н.э. исследователь высказал идею и развил тезис о двусторонности колониационного процесса, основная методологическая посылка которого заключалась в отказе от одностороннего рассмотрения греческой колонизации только с точки зрения развития греческого общества. В полном соответствии со своими идеями А.А. Иессен завершил свое исследование категоричным постулатом: «колонизация явилась выражением двустороннего исторического процесса, она была обусловлена всем предшествующим развитием как самих греков, в первую очередь ионийцев, так и местного населения».

Несмотря на это, археологические открытия последующих десятилетий и прогресс указанного выше научного направления в антиковедении, а также, связанный с этим пересмотр отдельных теоретических положений привели к пересмотру ранее существовавших концепций в отношении заявленной проблемы, критическому анализу существующих концепций в советской

историографии была посвящена «Греческая колонизация Северного Причерноморья» В.В. Лапина. Всё вышесказанное постепенно привело к тому, что уточнение данных позволило, отбросив традиционные и во многом устаревшие взгляды, по-новому взглянуть на весь процесс колонизационного процесса и греко-варварских отношений, в том числе, и в отношении Северного Причерноморья.

Открытия последних десятилетий на территории побережья Северного Причерноморья, а также прилегающей степной и лесостепной зон со всей очевидностью говорят о том, что с подобной постановкой вопроса согласиться. В исследовании «Греческая колонизация VII – III вв. до н.э.» В.П. Яйленко, например, подробно рассматриваются последовательность и стадии древнегреческой колонизации в рамках всего процесса, независимо от региона и направления, а также даётся развёрнутая характеристика истории вопроса. На основе многочисленных источников, главным образом эпиграфических, автор обращает особое внимание на экономику колоний.

Таким образом, реконструируется в общих чертах весь процесс отправления колонистов и основания полиса. Помимо рассмотрения нового археологического и нумизматического материала российские антиковеды обращают своё внимание на современную трактовку данных античных письменных источников и литературной традиции как исторического источника чему посвящена монография А.И. Иванчика «Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII-VII вв. до н.э. в античной литературной традиции».

За последние десять лет довольно значительный интерес к проблемам эллинской колонизации вообще и Черного моря, в частности проявили зарубежные исследователи, например, Дж. Бордмэн и О. Мюррей. Кроме монографий, по данной проблематике издаются и серии сборников научных статей. К их числу относится, например серия *Colloquenda Pontica* под общей редакцией Г.Р. Цецхладзе. Первый сборник из данной серии был непосредственно посвящен некоторым проблемам колонизации, в частности, вопросу о колонизации Киммерийского Боспора и Колхиды, что нашло отражение в статье Г. А. Кошеленко и В. Д. Кузнецова. В данной статье проведён сравнительный анализ модели колонизационной практики обоих регионов, исходя из чего авторы отмечают, что на Боспоре, с одной стороны, были основаны многие города, на Колхиде, с другой – всего лишь три города.

Значительный по объёму, содержанию и качества теоретических положений наряду с вводом в научный оборот новых археологических и нумизматических материалов представлен в работах Ю.А. Виноградова, Н.Л. Поваляева и М.Г. Абрамзона.

Подводя итоги историографическому обзору в целом, отметим, что, несмотря на значительное количество работ как отечественной, так и зарубежной науке, существуют лакуны в различных аспектах данной темы.

3. Торговля и обмен по данным античной письменной традиции. Вопрос о времени, причинах и условиях первоначального появления эллинов на

побережье Чёрного моря был и остаётся объектом пристального внимания как отечественных, так и зарубежных исследователей на протяжении длительного времени, начиная с момента открытия первых археологических памятников античной эпохи на территории Юга современной России и территории Украины.

Данное обстоятельство вполне объяснимо, поскольку соответствующий материал, благодаря труду археологов, эпиграфистов, нумизматов и лингвистов с каждым годом увеличивается, несмотря на то, что в археологическом отношении общая площадь исследованной территории античных полисов зачастую не доходит и до 50%.

В процессе мощного и масштабного процесса колонизации, превосходившего как предшествовавшую греческой финикийскую, так и начавшуюся спустя почти пять столетий римскую колонизацию, представители десятков греческих, больших и малых полисов в течение VIII-V вв. до н.э. расселись в самых разных уголках Европы, Северной Африки, Малой Азии и Причерноморья, в бассейне Средиземного, Эгейского, Чёрного, Мраморного и Азовского морей.

Констатируем, что греки одни из первых в современной истории нашли способ кардинального и в то же время эффективного метода решения многочисленных проблем, как политического, так и социально-экономического характера. Закономерным последствием данного процесса стало то, что они самим фактом своего появления и основания поселения в совершенно чуждой им среде самым непосредственным образом изменили привычный уклад жизни сотен племён, обитавших на морском побережье и самым решительным образом расширившие географический, этнографический и научный кругозор задолго до похода Александра Македонского, что послужило импульсом, таким образом неисчерпаемый материал для литературных произведений, в которых появляется и надолго закрепляется образ варвара-чужака, являвшегося абсолютной противоположностью представлений о человеке гражданина античной цивилизации, заселили практически весь бассейн Средиземного, Черного морей и Азовского морей.

Древнейшие упоминания о территории Северного Причерноморья содержатся в клинописных хеттских, библейских и некоторых других восточных текстах. Информация, главным образом, представлена эпизодическими сведениями очевидцев о киммерийцах и скифах в связи с их походами в Малую Азию.

Отдельные сообщения о народах северо-причерноморских степей встречаются в поэмах Гомера, Гесиода и Аристея Проконнеского. Первые два автора лишь мельком и отрывочно касались этих областей своих произведениях, и достоверность их сообщений признается далеко не всеми исследователями. В поэме же «Аримаспейя» Аристей Проконесский подробно и красочно описал совершенное им путешествие от северного побережья Черного моря на Урал, страну крайне неблагоприятную в климатическом отношении.

В контексте сообщений древних авторов о знакомстве с регионом и народами Северного Причерноморья накануне колонизации вполне закономерно возникает вопрос о модели, типах и способах взаимоотношений между аборигенами и переселенцами. На сегодняшний день объективно не существует абсолютно единой устойчивой и признанной большинством исследователей общей модели колонизации, несмотря на более чем столетнюю историю изучения вопроса, а также единого методологического подхода в отношении греко-варварских контактов.

Во многом ситуация объясняет крайне неравномерным набором, уровнем и степенью информативности комплекса исторических источников в зависимости от хронологического периода, региона и стадии колонизационного процесса.

Вот что можно, например, почерпнуть из информации древних писателей о Понте Эвксинском. Например, отрывок Гесиода из «Теогонии». Гесиод (около 700г.) писал: “ *Τηθύς δ’ Ωκεανῶ ποταμούς τέκε δινήεντας / Νειλόν τ’ Αλφειόν τε καί Ηριδανόν βαθυδίνην / Στρομόναν Μαίανδρόν τε καί Ίστρον καλλιρέεθρον / Φασίν τε Ρησόν τ’ Αχελωόν τ’ αργυροδίνην / Νέσσόν τε Ροδίον θ’ Αλιάκμονά θ’ Επτάπορόν τε / Γρήνικόν τε καί Αίσηπον θειόν τε Σιμουντα / Πηγειόν τε καί Έρμον ευρρείτην τε Κάικον / Σαγγάριόν τε μεγαν Λάδωνα τε Παρθένιον τε / Εβήνον τε καί Άρδησκον θειόν τε Σκάμανδρον*” [Hes., Theo, 337-345].

В данном эпизоде нам представлена краткая характеристика Чёрного моря с весьма негативной оценкой его пригодности для мореплавания, более того, по мнению Гесиода он изобилует всякого рода опасностями, а климат суров и берега мало пригодны для обитания. Нам неизвестен источник, послуживший основой информации для Гесиода, но налицо формируется традиция, в которой постепенно смещается акцент в описании и характеристики региона с описания самого моря и его особенностей на характеристику побережья и народов, его населявших.

При этом сложно утверждать, что нет какой-то единой линии или тенденции в накоплении информации, увеличение степени её полноты, информативности и достоверности, когда по мере приближения к нашему времени количество доступных и новых источников растёт пропорционально. Нет, для одних периодов наибольшее количество информации получаем благодаря письменным источникам, для какого-то периода – наиболее информативны археологические и в меньшей степени нумизматические источники.

Тем не менее, отчётливо проявляется тенденция, когда на современном этапе изучения проблемы приоритетным считается комплексный подход в изучении проблемы, причём без выделения какой-либо одной доминанты, греческой, либо варварской, только двустороннее исследование с привлечением всех доступных видов источников с учётом постоянно пополняющейся базы археологических артефактов.

В разных частях античной ойкумены архаического периода жили многочисленные племена и народы, в формационном, либо стадийном аспекте принципиально различные. Типы взаимоотношений между греческими

переселенцами и автохтонным населением, как нам демонстрируют источники, были самыми разнообразными – от мирного сосуществования до кровопролитных войн, не прекращавшихся на протяжении длительного времени.

Принимая во внимание это обстоятельство, а также тот факт, что для столь раннего времени письменные источники крайне редки, противоречивы, скудны и лакунарны, исследователю приходится полагаться почти исключительно на данные археологии, становится понятным как трудно реконструировать процесс освоения эллинами новых земель, способы, методы и характер их взаимоотношений с местным населением.

О самом раннем этапе начала фигурирования в письменной традиции земель, территорий и народов, максимально удалённых от греческой цивилизации не только в географическом, но и социально-экономическом, политическом и культурном аспектах известно не так много, как хотелось бы, но существующие данные позволяют осветить различные аспекты заявленной проблемы накануне колонизации.

В этом плане вполне уместным будет представить факты и свидетельства источников, которые позволяют говорить о постепенном вхождении данного региона в сферу интересов древних греков, в первую очередь через памятники литературы и данные письменных источников в широком смысле ближневосточного происхождения, имея в виду хроники Ассирии и Вавилона.

Важным представляется рассмотрение вопроса о том, кем были населены территории, впоследствии ставшие главным объектом греческой колонизации в регионе, и какова степень информативности этих источников с учётом современного состояния изучения всех видов исторических источников.

Данные археологии, с одной стороны, убедительно говорят нам о том, что на указанной территории в степных и предгорных районах проживали племена кочевников, о которых в античной традиции сохранилась чрезвычайно скудная и противоречивая информация, представляющая интерес в контексте рассматриваемой проблемы, но в период, предшествующий самому фактически процессу колонизации, но, тем не менее.

Основа большей части суммарного знания древних эллинов географического, этнографического и в самом широком смысле культурологического характера основывалась на эмпирических данных, мифологии, и все они восходят к поэмам Гомера. Не вдаваясь подробно в дискуссию об авторстве и времени создания поэм, только укажем на VIII в. до н.э. как наиболее вероятное время создания поэм. Данная хронология убедительно и аргументировано подкреплена лингвистическими и археологическими данными, и прочно вошла в современный научный оборот.

Для нас это важно потому, что именно с этого времени собственно и начинается свой отсчёт становление античной традиции и начала не только процесса установления контактов с варварами, пусть редкие, но и вовлечения их, языка, образа жизни, культуры в сферу формирующегося научного знания.

Соответственно, хронологические рамки интересующего нас этапа греческой истории определяются, с одной стороны, датой гомеровских поэм (VIII в. до н.э.), с которых, собственно, и начинается развитие античной традиции (нижняя граница), а с другой – рубежом VII – VI вв. до н.э. (верхняя граница), когда с исторической арены сходят малоазийские отряды киммерийцев и скифов, а греческая колонизация Северного Причерноморья приобретает широкие масштабы, выходя за пределы побережья Северного Причерноморья.

Соответственно, они отражают состояние устной эпической традиции на момент ее письменной фиксации во второй половине VIII в. до н.э., когда греки либо вообще еще не имели непосредственных контактов с евразийскими кочевниками, либо эти контакты были крайне редки, они создают первоначальную научную основу для знаний греков о «северных» территориях, послуживших основой для формирования всего комплекса научных знаний греков о черноморском регионе вплоть до похода Александра Македонского.

Подобный подход весьма продуктивен, когда подкрепляется данными археологии, но, на сегодняшний день данные конструкции, весьма перспективные с позиции историко-лингвистической, не находят своего подтверждения у археологов вследствие недостаточности археологического и эпиграфического материалов.

Современные исследователи, анализируя этнографическую традицию описания народов в поэмах Гомера о «млекоедах–доителях кобылиц» и так называемых «абиях» гомеровской «Илиады», рассматривает данный пассаж в контексте тенденции формирования идеализации образа скифов-варваров-кочевников. В русле традиционного подхода совершенно справедливо отмечается, описание первого из упомянутых Гомером народов достаточно точно отражает реальный этнографический облик причерноморских кочевников, тогда как второй народ, названный «абии, справедливейшие из людей», выступает как идеальный образ, вроде гипербореев или эфиопов.

Именно так, считает исследователь, понимали гомеровский текст его читатели архаической и классической эпох – без тени сомнения отождествив первый народ со своими современниками скифами, они отнюдь не ассоциировали их с абиями, которых считали идеальным мифическим народом.

Объективно, кроме поэм Гомера у нас нет возможности подтвердить, либо опровергнуть данные, поскольку это единственный письменный источник архаической эпохи, доступный нам.

Далее автор, следуя высказанной идее отмечает, что в гомеровском тексте нет никаких следов идеализации номадов. Ее появление восходит лишь к началу эллинистической эпохи и связано с именем Эфора. Уже в данный период можно отметить становление и эволюцию образа скифа и его идеализации возникшая тогда тенденция к идеализации скифов привела к переосмыслению давно и хорошо известного гомеровского текста, который отнюдь не мог служить источником этой идеализации.

Очевидно, что наложение образа исторического на образ реальный у авторов античности было вполне традиционным приёмом, поскольку в их задачи не входило представить научный очерк жизни неизвестных или малоизвестных народов, а реализация собственных художественных замыслов и задач, в соответствии с чем и выстраивалась повествовательно-мифологизированная сюжетная линия произведения.

Что касается другого кочевого народа, киммерийцев, то в «Одиссее» их образ, однако, в отличие от кочевников – «доителей кобылиц» более ранней «Илиады», полностью лишен какой-либо исторической достоверности, как в силу их географической локализации, так и в описании образа жизни далёкого от традиционной картины жизни степняков-кочевников.

Следовательно, как пишет А.И. Иванчик, в момент написания «Одиссеи» ее автор не имел ни каких сведений о киммерийцах, кроме их имени, но, видимо, был достаточно хорошо знаком с образом жизни кочевников. Это обстоятельство, по мнению исследователя, во-первых, доказывает невозможность отождествления «доителей кобылиц» «Илиады» с киммерийцами «Одиссеи», а во-вторых, является важным аргументом в пользу европейской локализации первых.

Очевидно, пишет он, что греки получили сведения о евразийских номадах, которые использовал Гомер, уже во второй половине, возможно, даже и раньше, в середине VIII в. до н.э. не с востока, из Азии, так как киммерийцы появились на далеких северо-восточных границах Ассирии и Урарту только в конце VIII в. до н.э., а с севера, из Причерноморья. Данная информация письменной традиции находит своё подтверждение в археологических материалах, полученных в ходе археологических исследований памятников Северного Кавказа и южных районов Краснодарского края, правда, исключительно, по отношению к кочевническим культурам.

В русле традиционного подхода совершенно справедливо отмечается, описание первого из упомянутых Гомером народов достаточно точно отражает реальный этнографический облик причерноморских кочевников. Именно так, считает исследователь, понимали гомеровский текст его читатели архаической и классической эпох – без тени сомнения отождествив первый народ со своими современниками скифами, они отнюдь не ассоциировали их с абиями, которых считали идеальным мифическим народом.

Объективно, кроме поэм Гомера, у нас нет возможности подтвердить, либо опровергнуть данные, поскольку это единственный письменный источник архаической эпохи, доступный нам.

Очевидно, что наложение образа исторического на образ реальный у авторов античности было вполне традиционным приёмом, поскольку в их задачи не входило представить научный очерк жизни неизвестных или малоизвестных народов, а реализация собственных художественных замыслов и задач, исходя из чего и выстраивалась повествовательно-мифологизированная сюжетная линия произведения.

Вполне вероятно, что грекам не обязательно было быть знакомыми с хрониками царств Ассирии, Урарту, государств, которые непосредственно на себе испытали силу и мощь киммерийской скифской конницы и их лучников, что и нашло отражение в письменной традиции, а сведения об этих народов могли быть получены в ходе непосредственного знакомства с ними на тех территориях, где они сформировались, а именно в степях Северного Причерноморья уже в VIII-VII вв. до н.э.

Данная информация письменной традиции находит своё подтверждение в археологических материалах, полученных в ходе археологических исследований памятников Северного Кавказа и южных районов Краснодарского края, правда, исключительно, по отношению к кочевническим культурам.

Судя по тому, как представлены образы варварских кочевых племён в «Илиаде» Гомера, то нет сомнений, что перед нами описание именно скифов. Данное утверждение не вступает в противоречие с археологическими данными, полученными в ходе археологических исследований в Прикубанье и степной зоне предгорных районов Северного Кавказа. Реконструированная картина свидетельствует о том, что во второй половине VIII в. до н.э. в Приднепровье и Поднестровье уже существовала археологическая культура, интерпретируемая как первый этап раннескифской культуры. Материальная культура вполне соответствует тому образу варваров, что представлен в поэме Гомера.

К сожалению, на современном этапе развития археологии ни одну из археологических культур с территории современной России абсолютно уверенно идентифицировать с киммерийцами не представляется возможным.

Конечно, исследования подобного рода, занимающиеся анализом литературных источников в контексте решения исторических задач с учётом уровня квалификации автора, несомненно, важны, но они не дают ответа на главный образ: насколько был высок уровень информативности греков о районе Северного Причерноморья. Важно представить, исходя из содержания литературных произведений или письменных источников, периплов, периэгес, насколько совпадал или не совпадал с реальной ситуацией, и каков был характер формирующихся взаимоотношений, начиная с первых контактов греков с представителями варварских народов региона Причерноморья

Немаловажным при этом является следующее обстоятельство, что по мере расширения наших научных знаний и представлений о первоначальном состоянии античных поселений приходится переосмысливать старые датировки и представления о разного рода античных памятниках и даже целых археологических культурах. Ярким примером последнего является дискуссия вокруг вопроса, связанного с периодизацией скифской архаики.

Хронология скифской культуры была изначально поставлена в прямую зависимость от датировок предметов греческой архаики, что было обусловлено их совместным существованием в Причерноморье.

С накоплением нового материала появилась тенденция к удревнению раннескифской культуры, первый этап которой некоторые исследователи

относят к последней трети VIII в. до н.э., в то время как другие - к более позднему времени.

Так, например, И.Н. Медведская подчеркивает необходимость заново осмыслить основные принципы согласования письменных и археологических данных о ранних скифах и, как следствие – пересмотреть завышенные датировки раннескифских комплексов.

Анализ гомеровских поэм убедительно демонстрирует эволюцию и трансформацию названия, когда в своём архаичном и наиболее раннем виде Чёрное море ассоциировалось с царством мёртвых.

Кроме поэм Гомера в нашем распоряжении нет литературных источников, что вполне объясняется тем фактом, что подобного рода произведения создавались как отклик на важнейшие события внешней политики, когда решалась судьба народа, города или государства, ничего подобного в период финала архаики и начала классического периода (рубеж VIII-VII вв. до н.э.) не наблюдается, чем и объясняется существующий пробел вплоть до периода греко-персидских войн.

Возможно, представленная этно-географическая ситуация и была одной из причин, по которой освоение греками восточного направления в рамках общегреческого процесса греческой колонизации по сравнению с основным колонизационным потоком отстало почти на два века.

Впоследствии греки отказались от нее только около последней четверти VII в. до н.э. После этого колонизация понтийских берегов не замедлила начаться, и многочисленные колонии были здесь основаны почти одновременно в течение первой четверти VI в. до н.э. К сожалению, многие археологические реалии не отвечают содержанию литературных источников и вступают в противоречие с археолого-исторической реконструкцией.

Сведения источников об этих походах скифов, по мнению автора, отражают один из основных социальных институтов изначально скифо-сарматского, а позднее алано-осетинского общества – институт, который в осетинском нартском эпосе известен под названием *balc* («балц»). Этот термин обозначал и военный грабительский рейд, и мобильный отряд, состоящий из юношей на разных ступенях инициации и молодых мужчин – участников набега. Подобные институты хорошо известны и в других ранних индоевропейских обществах.

Другой характерный пример - давняя дискуссия по поводу удревнения даты основания древнегреческого города Херсонеса Таврического. Как известно, она явилась результатом появления нового раннего материала. Он, по мнению некоторых исследователей, достаточно массовый и датируется временем более ранним, чем 422/421 г., т.е. традиционной даты основания Херсонеса, что подтверждается современными археологическими данными, датируемыми первой половиной VI в. до н.э.

Таким образом, попытки современных российских скифологов пересмотреть классификацию и хронологию раннескифских, либо предскифских культур и культур киммерийского облика представляется одной

из важнейших проблем истории Северного Причерноморья, не только для скифологов, но и для антиковедов, в том числе и занимающихся начальной историей колонизации Причерноморья, т.е. VII в. до н.э., поскольку позволит ответить на вопросы о демографической ситуации и о характере греко-варварских отношений, на самом раннем этапе их знакомства.

Возможно, судя по письменным источникам, греки были достаточно основательно знакомы с регионом не только в природно-климатическом, культурно-историческом и этнографическом аспектах, но и в контексте внешней политики, что подтверждается содержанием следующего сообщения античного автора.

Много говорится и о находках, которые условно обозначены как предметы микенского круга, например, фибулы и отдельные типы посуды, обнаруженные на территории памятников степной зоны. Конечно, нет сомнений в том, что находки микенского времени важны, но только как констатация очевидного факта о широком распространении достижений античной культуры далеко за пределами Балканского полуострова, а к решению поставленной цели и задач в рамках нашего исследования они не играют важной роли, учитывая факт единичности их находок, а в отдельных случаях и сомнительность условий их обнаружения.

Кстати, можно с большой долей вероятности допустить, что ахейцы могли знать о существовании Черного моря в результате их общения с представителями хеттской империи в Западной Анатолии, где предполагается возможная локализация известной страны *Ahhiyawa* [24, С. 35], а микенцы, например, могли слышать от хеттов и древнехеттское сказание о царице города *Kanis*. О нем нам известно из хеттских клинописных таблиц, найденных в архивах древней хеттской столицы *Hattusas*.

Подобные дискуссии, связанные с пересмотром хронологии основания поселений, хронологии начала складывания археологических культур в предскифский и раннескифский период в степной и лесостепной зоне Северного Причерноморья, предгорных районах Северного Кавказа, важны. Их содержание и итоги позволяет уточнить вопросы датировки хронологии начального этапа колонизации региона в рамках комплексного подхода в изучении вопроса, поскольку в большинстве своём уточнение закономерно приводит к удревнению дат основания колоний и способствуют процессу объективной исторической реконструкции процесса колонизации в рамках указанного региона и хронологических границ.

Таким образом, данные литературной традиции свидетельствуют об интересе древних греков к рассматриваемому региону, но, к сожалению, в информативном аспекте данные нарративной и литературной традиции практически не дают нам ответа на главный вопрос в контексте поставленной проблемы, а только намечают основные направления.

Архаическая античная традиция, тем не менее, моделирует нам ряд образов и традиций в письменных источниках и литературных произведениях,

которые получают дальнейшую более полную и детализированную реализацию в рамках греческой и римской нарративной традиции.

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

1. Основные тенденции в развитии торгово-экономических и культурных связей между античными центрами и варварскими племенами.
2. Греко-варварские взаимоотношения. Монетная техника.
3. Римско-варварские контакты: характер и содержание.

1. Основные тенденции в развитии торгово-экономических и культурных связей между античными центрами и варварскими племенами. На основе комплексного анализа всех видов исторических источников можно до известной степени достоверности реконструировать картину торгово-экономических связей рассматриваемого региона с рядом древних государств и народов. В нашем распоряжении имеются три основных вида источников. Рассмотрим первый из них.

Крайне скудная и противоречивая Основная информация о Причерноморье содержится в трудах античных авторов, которые путешествовали по данной территории. Благодаря этим историко-географическим сведениям мы знакомимся с конкретно береговой линией, существовавшими здесь городами и поселениями, гаванями, островами и другими географическими объектами.

Геродот – древнегреческий историк, по праву называвшийся «отцом истории». Он первым написал значительный трактат «История», который сохранился до настоящего времени.

В своем труде Геродот описывает военно-исторические события древнего мира, начиная с войн лидийских царей против малоазийских греческих городов и заканчивая греко-персидскими войнами. В предисловии автор пишет: «Геродот из Галикарнасса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в неизвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом».

«История» состоит из девяти книг. Для нас наиболее значимы сведения из IV книги «Мельпомена», в которой приведены ценнейшие сведения о Скифии, ее побережье, реках, племенах, их истории, обычаях и нравах, взаимоотношениях с греческими колониями. Здесь же описываются земли, лежащие за её пределами. Так, например, большое внимание посвящается Ольвии (гавань борисфенитов). Река Борисфен является самой крупной после Истра. Она популярна благодаря простирающимся вдоль, широким пастбищам, большим количеством наилучшей рыбы, в устье это реки оседает несметное количество соли.

Начальная точка отсчета у историка–район современного Днепро-Бугского лимана: он перечисляет народности, которые здесь проживают.

Здесь же Геродот дает общую характеристику европейского и азиатского материков: «Азию населяют персы вплоть до южного моря, называемого Эритрейским. Выше персов, в направлении к северному ветру, живут мидяне, выше мидян – саспиры, выше саспиров – колхи; страна колхов доходит до Северного моря, в которое впадает река Фасис. Это четыре племени живут на пространстве от моря до моря».

Идёт описание двух полуостровов Азии: Северного – начало, которого берётся от реки Фасис и до троянского Сигея. По сведениям Геродота, здесь проживает тридцать народностей. Второй – начинается у Персидской земли, тянется до Красного моря и заканчивается у Аравийского залива. На данном полуострове, проживает три народности.

Далее Геродотом даётся характеристика Чёрного моря или Эвксинского Понта. Из всех морей представленное самое удивительное. По описанию историка его длина составляет 11 100 стадиев, ширина – 3300 стадиев. Устье в ширину 4 стадия, длина доходит до 120 стадиев, через нее был сооружен мост. Это устье или по другому пролив называют Боспором и он расстилается до Пропонтиды.

Таким образом, мы видим, что сведения Геродота об интересующем нас регионе обширны и информативны. Его труд является важным и ценным источником при изучении истории и географии Причерноморья.

Самым ранним римским географом, по праву считается Помпоний Мела. Его труд «Описательная география» («Хорография») создан около 43 г. до н.э. и является единственным сохранившимся трудом на латинском языке.

В начала своего повествования Помпоний Мела обозначает средиземноморский бассейн как единое море. Вход в него называю Проливом, в том месте, где море начинает сужаться, оно носит название Геллеспонт, а где расширяется – Пропонтида. Там, где вновь происходит сужение – Боспор Фракийский, где разливается – Понт Эквинский. Место соединения с болотом называется БоспорКиммерийский, а само болото – Меотида. По словам автора, вся суша делится представленными морями и реками Танаис и Нилом на три части: Африку, Европу и Азию.

В труде говорится о Восточном Причерноморье: в том месте, где заканчивается береговая линия от Боспора, создан острый угол Понта. Именно здесь располагаются Колхи, находится город с одноимённой рекой Фасис.

В области между Понтом и болотом до Боспора основаны греческие полисы такие как: Гермонасса, Кепы, Фанагория и Киммерий. Перечисляются народы, живущие на побережье от Боспора до Танаиса: меотийцы, таты, сирахи, фикоры, иksamаты [Помпоний Мела кн.11.п . 114].

Во второй книге «Землеописания» повествуется о скифах, перечисляются города Боспора, такие как Пантикапей, Фодосия, Херсонес и т.д. Далее автор плавно переходит от Северного к Северо-Западному Причерноморью и ведет свой рассказ об Ольвии и её реке Борисфен. По словам Помпония Мелы вода

этой реке самая приятная для питья, она орошает пастбища, в ней водится большая рыба без костей.

Сведения римского географа Помпония Мелы представляют собой большую ценность при изучении территории Причерноморья и прилегающих к нему районов.

Следующий автор, занимавшийся изучением античного мира – Псевдо Скилак. Его труд известен под названием «Перипл обитаемого моря Европы, Азии и Ливии и сколько и какие народы в каждой; затем еще области и заливы и реки; и какова протяженность плаваний; и семь населенных островов, и у какого материка каждый лежит». По мнению исследователей, составлен он был примерно в середине – третьей четверти IV в. до н.э.

В представленном труде идёт описание Фракии и прилежащие к ней территории, расстояния между ними. А в параграфе, посвященному Скифии и Таврам идёт перечисление греческих полисов: «За Скифией мыс материка населяют тавры; этот мыс выдается в море. В Таврике же эллины населяют такие полисы: эмпорий Херсонес; Бараний Лоб, мыс Таврики. После этого всего опять скифы, греческие же полисы там такие: Феодосия, Китея и Нимфея, Пантикапей, Мирмекий» [Псевдо Скилак п. 68]. Тут же автор описывает расстояние от Истра к Бараньему Лбу, от Бараньего Лба к Пантикапею, от Пантикапея к устью реки Меотиды.

Приведенные сведения Псевдо Скилака о Причерноморье интересны и крайне важны для решения целого ряда историко-географических и источниковедческих вопросов.

Не менее ценным трудом является «География» Страбона. Данное фундаментальное произведение состоит из 17 книг, при написании его использовалось большое количество источников, к сожалению, не дошедших до нас.

В VII книге автор сообщает об интересующем нас регионе. Здесь говорится о причинах наименования горы и части пролива Киммерийским. Это было связано с тем, что одно время киммерийцы властвовали на Боспоре. Далее даётся его описание «Вход в Меотиду называется Киммерийским Боспором; начинается он с довольно значительной ширины, именно около семидесяти стадиев, где и переправляются из окрестностей Пантикапея в ближайший азиатский город Фанагорию, а оканчивается гораздо более узким проливом. Этот проход отделяет Европу от Азии».

Страбон рассказывает о городах Северного Причерноморья. Так, например параграф посвящён Феодосии, Пантикапею, Херсонесу. Первый же город занимает плодородную равнину и имеет большую гавань, которая вмещает в себя до 100 кораблей. Изначально она являлась границей и отделяла земли боспорцев от тавров. Далее сообщается расстояние от представленного полиса до Пантикапея, оно равняется 530 стадий. Вся эта область хлебородна; в ней есть селения и город с прекрасной гаванью под названием Нимфей.

Что касается Херсонеса, то о нём сообщается следующее: перешейк отделяющий от моря озеро Сапра, образует Скифский или Таврический

Херсонес. На юге расположен большой мыс, который является частью целого Херсонеса. Здесь же образован полис с таким же названием. Далее располагается Древний Херсонес, который находится в развалинах. Большой Херсонес замыкает Малый.

В XI книге Страбон приводит сведения о Восточном Причерноморье. Обозначает границы Колхиды. Говоря о Диоскурии, автор сообщает, что она является началом перешейка между Каспийским морем и Понтом, а также торговым центром для соседних народов. В ней проживает около 70 народностей, разговаривающих на разных языках. Большинство их составляют сарматы, все они кавказцы.

Продолжая рассказывать о Колхиде, Страбон говорит о реке Фасис, на которой расположен одноимённый город. Данный полис имеет выгодное географическое расположение и является крупным торговым центром колхов.

В стране колхов производят не только продукты, но и необходимый инвентарь для кораблестроения. Помимо этого, изготавливают льняное полотно, лес, благодаря чему популярны в других странах.

Таким образом, мы видим, что сведения Страбона очень обширны и фундаментальны. Они несут информативный характер о территории Причерноморья и прилегающих к нему районов. Приведено много географических и описательных материалов, которые важны для изучения представленного региона.

Не менее важным является «Всеобщая история», труд древнегреческого историка Полибия. Сочинение состоит из 40 книг, но, к сожалению, сохранилось не в полном объёме, за исключением первых пяти. В источнике содержатся сведения о Средиземноморье в период с 220-146 гг. до н.э.

Для нас наиболее важными являются сведения, помещённые в 4 книге. В ней идёт описание Причерноморья: как и везде Чёрное море именуется Понтом. Местность, прилегающая к устью Понта, имеет господствующее положение. Таким образом, ни одно торговое судно не может выйти или войти на данную территорию без разрешения византийцев. В округность Понта входит примерно двадцать две тысячи стадий. В неё же входит два устья: Пропонтиды и Меотидского озера. Последнее устье именуется Боспором Киммерийским, а само устье Понта – Фракийским. Далее говорится о текущих рядом реках, которые образуют Понт. Помимо этого, историк приводит сведения о территориальных измерениях Причерноморья и его реках.

Полибий приводит сведения об экспортируемых и импортируемых товарах. Понт обладает множеством предметов, которые необходимы для человека и все это находится в руках византийцев. Прилегающие к Понту страны поставляют скот и большое количество рабов. К предметам роскоши, которые доставляют относятся мед, воск, солёная рыба. К экспортируемым товарам относятся оливковое масло, вина.

Не смотря на то, что Полибий жил позже, «Всеобщая история» носит информативный характер. В труде приводятся важные географические сведения, касающиеся территориальных измерений, о товарообороте.

Следующий труд, который заслуживает внимание – это «Естественная история» составленный древнеримским учёным и писателем Гай Плинием Секунд Старшим примерно в 77 г. до н.э. «История» представляет собой энциклопедию, состоящую из 37 книг. В своём труде римский автор делает важные источниковедческие ссылки на Артемидора, Исидора, Варрона и других римских учёных, при описании общегеографических сведений интересующего нас региона.

В IV книге более детально рассказывается о территории Причерноморья. Плиний Старший упоминает о том, что изначальное название Понта было Аксенский, что в переводе с древнегреческого обозначает «негостеприимный». Но позже было переименовано в Эвксинский («гостеприимный»). По сообщениям древнеримского учёного, Понт принимает подобие скифского луга, изогнув дугу берегов в два рога, которые в свою очередь углубляются в материк. Посередине представленной дуги он соединяется с входом в Меотийское озеро. Вход носит название Боспор Киммерийский [Плиний Старший кн.4 с., п.76].

В VI книге следует описание Азиатской части Боспора. Перечисляются города, находящиеся при входе в Боспор: Гермонаса, затем милетская колония Кепы, далее Стратоклия и Фанагория, почти опустелый Апатур и в самом конце пролива Киммерий, который раньше назывался Керберием. Далее следует описание побережья Чёрного моря, племён, обитавших вдоль него, прилегающих рек.

Представленный источник информативен, в нём приводятся новые сведения физической географии, этнологии, перечень городов расположенных в этой части ойкумены. Он даёт подробное описание интересующей нас части побережья.

Ещё один автор, занимавшийся изучением Причерноморья – Флавий Арриан – древнегреческий историк и географ. Его труд «Перипл Понта Евкинского», составлен во II в. до н.э. В нём идет описание плавания, которое начинается в Трапезунте и заканчивается в Диоскуриаде, с целью инспекционной проверки римских гарнизонов. Отчёт своего плавания он составил в виде письма императору. Оно делится на три части: в первой описывается плавание от Трапезунда до Диоскуриады, во второй от устья Понта до Трапезунда, и в третьей от Диоскуриады до Византии

В Перипле сначала идёт описание Восточного Причерноморья. Начинается оно с реки Фасис: «Вода этой реки гораздо легче воды всех рек, которые я знаю, и даже цвет ее различен; легкость же можно узнать по весу, да и кроме того можно заметить сие, когда она впадает в море, ибо всплывает над морскою водою, и не смешивается». Вода Фасиса имеет свойство очищаться, так, например, цвет её оловянный или свинцовый, но после того, как она постоит, становится чистой.

При входе в Фасис существует правило для мореплавателей – не привозить иной воды. По приданию при вхождении в реку, необходимо вылить

имеющуюся на корабле воду, те кто не выполняет данное правило подвергается несчастному плаванию.

Далее идёт описание самого полиса: по словам Аррина город имеет выгодное географическое и стратегическое положение. Он окружён широким двойным рвом, стены и башни сооружены из жженого кирпича, основание снабжено военными орудиями. Следующий полис, который посетил историк – Диоскуриада, которая была Милетским поселением. Здесь же описываются народности, проживавшие на данной территории.

В третьей части Арриан переходит к описанию Боспора и начинается он с географических и территориальных измерений. Перечисляются основные греческие полисы: Пантипей, Херсонес, Феодосия, Керкинитида.

Таким образом, в представленном труде приводятся важные и ценные сведения об интересующем нас регионе. В источнике показаны географические и территориальные измерения, описаны посещаемые им полисы и их особенности.

Ценные сведения античных авторов о международной торговле и торговых путях на северо-восточном и северо-западном направлении не позволяют реконструировать полноценную картину развития торгово-экономических связей полисов друг с другом, а также с периферийными районами варварского мира.

В результате чего основным источником, который даёт многочисленный и конкретный материал, являются археологические данные. Они включают в себя, главным образом, античные импортные и экспортные изделия, обнаруженные на территории Северо-Западного, Северного и Восточного Причерноморья, в результате проведения археологических работ, или найденные при случайных обстоятельствах.

Археологический материал, в первую очередь, материальные остатки товаров, которые являлись предметом торговых операций, считаются единственным источником для её реконструкции, так как имеют большое значение для исследования. При этом многие категории товаров редко фиксируются археологами, к ним относятся: ткани, материалы из дерева. При исследовании металлических предметов, порой не всегда удаётся определить место их изготовления. В результате чего, при изучении Причерноморской торговли исследование в первую очередь базируется на керамических материалах, которые являлись наиболее массовым товаром. Благодаря сосудам из керамики, в частности амфорам, мы можем проследить, что в них как импортировали, так и экспортировали зерно, оливковое масло и вина.

Исходя из того, что изначально, в первое время в полисах отсутствовало как таковое ремесленное производство, следовательно, поселенцы нуждались в импорте керамических изделий. Изначально и на протяжении всего VI-V вв. до н.э. в международной торговле господствовали центры Западной Малой Азии, а именно: Милет, Клазомены, Хиос, Самос, Родос. VI – начало V вв. до н.э. характеризуется ввозом художественной керамики родосско-ионийского, хиосского, самосского и др. стиля.

Начиная со второй половины VI в. до н.э. зарождается поставка чернолаковой и чернофгурной керамики из Афин. Существует мнение, что кроме керамических изделий поставлялась серебряная посуда, которая выступала в роли торгового обмена с варварской знатью.

На территории Ольвии и Боспора встречаются интересные находки амфор, к сожалению, в единичном экземпляре, поставлявшиеся, вероятно через афинскую знать. В научной литературе представленные амфоры известны под названием «амфоры с рюмкообразной ножкой».

В этих же центрах в V в. до н.э. – второй половине IV в. до н.э. зафиксированы поставки из Синопы. К ним относились: керамика, вина, оливковое масло, маслины, архитектурные терракоты.

На протяжении всего IV в. до н.э. в Черном море доминировал импорт из Гераклеи как в полисах, так и среди варваров. Помимо амфор поставлялась и хозяйственная посуда, кровельная черепица, пифосы и т.д. в это же время шёл импорт египетского фаянса – бусы, амулеты. Постепенно происходила ориентация на Северо-Западное Причерноморье IV – начало III в. до н.э., поставлялись большие толстостенные чаши «мортарии», «лутерии».

Пик поступления импорта приходился на III-II до н.э. и продолжался до первых веков н.э. В III-II вв. до н.э. импорт керамики шёл из Делоса, Пергамы, зарождается в Александрии.

Существенное важное значение для исследования имеют оставленные на керамических изделиях, таких как амфоры и черепицы – клейма или граффити, на основе которых можно определить место поставки того или иного товара. Большую ценность для определения хронологии имеет художественная расписная керамика, так как в настоящее время наиболее детально разработана её хронология. Существенную роль приобретают изделия из бронзы.

В свою очередь археологический материал – это важный источник для изучения проблем торгово-экономических связей между различными государствами и обмену между различными племенами и народами. Их можно разделить на предметы импорта и экспорта, которые включают в себя предметы роскоши.

Античная северопричерноморская торговля включала в себя международную внешнюю и внутреннюю, а также греко-варварский торговый обмен.

Так, например, прилегающие к Понту страны поставляли скот и большое количество рабов, расписную керамику, архитектурные украшения, терракоты. К предметам роскоши, которые доставлялись, относился мед, воск, солёная рыба. Импортировались также металлические изделия: сосуды из бронзы, драгоценных металлов, различных типов фибулы, предметы вооружения. Осуществлялась также поставка продуктов необходимых для повседневной жизни переселенцев. К таким товарам относились вино, оливково масло, которые включались в основной рацион пищи.

С течением времени, в импорте большое значение приобретает массовая продукция, в первую очередь вино. Это, вероятно, связано с тем, что

происходит увеличение роста населения, приобщение варваров к употреблению вина. Вино импортировалось в основном из Хиоса, Самоса, Лесбоса.

К экспортируемым товарам относились оливковое масло, вина. В торговле с местными племенами Причерноморские полисы поставляли как импортные товары, так и продукцию собственного производства: столовую и хозяйственную керамику, металлические изделия, в частности, высокохудожественные произведения торевтики, ювелирные изделия, редко встречаются предметы вооружения, оборонительные доспехи. Оптовая торговля с варварами начинается с VI в. до н.э. Вино поставлялось как в обычных амфорах, так и в остродонных, в мехах и бурдюках. В основном Хиосского происхождения, но встречается и Самоское – V в. до н.э. Широкий размах торговли приходится на IV в. до н.э. преимущественно вино, поставляет Хиос, Фасос, Менды, Херсонес.

Первая треть III в. до н.э. происходит снижение торговли, вероятно, из-за глубоких социально-экономических, политических и демографических сдвигов в степях Причерноморья.

К отдельной категории археологических источников относят предметы торгового инвентаря, к ним относят мерные гирьки, сосуды, весы. В свою очередь они помогают определить систему мер и весов, которой пользовались в представленном регионе в определенный хронологический период.

Установление возможных центров производства и поставки товаров позволяет определить страны и полисы, с которыми осуществлялась торговля в определённый хронологический период. Товарооборот мог совершаться как транзитом, так и через полисы и города-посредники, которые дислоцировались на основных / значимых торговых рынках. Товары импортировались и экспортировались на дальние расстояния. Их хронология позволяет определить периоды зарождения, расцвета и угасания торговых связей. Кроме того, они позволяют установить в какое время тот или иной товар был актуален и наиболее необходим в жизни как поселенцев так и варваров

2. Греко-варварские взаимоотношения. Монетная техника. При изучении денежного обращения в тот или иной хронологический период, важное значение отводится монетнымкладам, так как именно они выступают основным источником. Возникновение первых монет и начало собственной городской чеканки повлияло на дальнейшее развитие полисов и античной цивилизации в целом.

Показателем экономического уровня развития государства – является нумизматический материал. Монеты ориентировались как для удовлетворения внутреннего рынка, так и для международной торговли. К последней относились и торговые отношения с варварскими племенами, которые первоначально осуществлялись в форме натурального обмена.

Изначально для осуществления торгово-денежных операций, использовались так называемые протоденьги, которые впервые появились у варварских племён – скифов ориентировочно на рубеже VII-V вв. до н.э. Они

представляли собой преимущественно монеты-стрелки – изделие из бронзы в виде двухлопастных наконечников стрел, которые имели широкое распространение на территории Северного Причерноморья. Так как скифы были воинами, то лук и стрелы были неотъемлемым их атрибутом. В VI в. до н.э. на территории Ольвии и Керкинитиды появляются схожие монетные типы. Начиная с середины VI в. до н.э., в городах Боспора зарождается собственная серебряная чеканенная монета.

С возникновением и развитием полисов на территории Причерноморья в международной торговле использовали межполисную монету (Кизикские статеры, монеты Филиппа и Александра Македонских, Лисимаха), которая имела хождение только на внешнем рынке. Со временем начинается их фальсификация, торговцами и варварскими племенами. В результате чего ухудшается металл и вес монеты, происходит внешнее огрубление, выделяются стадии их деградации. Происходит искажение прототипа монеты практически до неузнаваемости. По степени искажения оригинала можно установить последовательность монетных серий и продолжительность времени их чекана. Искажения на подражаниях обосновывались нехваткой технических средств и неправильным истолкованием оригинальных надписей и изображений на монетном типе. Эти детали резчик штемпеля понимал по-своему, что в свою очередь ещё сильнее отдаляло подражание от оригинала.

С течением веков одна монетная система сменяла другую, это было связано с изменениями, которые протекали в греческом мире, так как с ним Причерноморье имело тесные экономические связи. Монеты выпускались разными номиналами и из разных металлов: бронза, медь, серебро, золото.

Весовая система складывалась из трёх основных единиц: самой крупной считался талант, средней мина и малой статер или драхма. Крупный и средний номинал использовался только в исчислении значительных сумм, например при оплате контрибуций, штрафов и т.д. В качестве средств денежного обращения использовали в основном статер, драхму, обол и кратные им единицы веса.

Малоразвитые полисы заимствовали монетные весовые системы наиболее развитых в экономическом плане государств, что в свою очередь, облегчало развитие торговых связей между соседями.

К основным весовым системам используемых на территории Причерноморья в указанный период относится: эгинская (статеры), аттическая (драхмы), персидская и родосская.

Обнаруженные монеты позволяют изучить экономические связи античных центров друг с другом. Изучая состав клада, можно конкретизировать характер денежного обращения на определённой территории в тот или иной хронологический период.

На основе обнаруженных кладов можно предположить о ситуации, происходящей в стране в данный промежуток времени, какие процессы протекают: кризис, упадок или расцвет государства.

Зарытые в землю клады всегда указывают на политическую и экономическую составляющую, так как это явление всегда показывает

негативные сдвиги в вышеуказанных сферах. Данный аспект можно интерпретировать и связать с тем или иным историческим событием: война, набеги варваров и т.д. На основе этого можно установить наиболее точную дату обращения монет. Наиболее часто в кладах встречаются пласты однородных монет, что даёт в свою очередь обильный материал для применения сопоставления штемпелей.

Городские монеты чеканились в основном из серебра и меди, технология во всех полисах практически одинаковая, ничем не отличавшаяся от других. Для изготовления монеты из металла отливали так называемые монетные кружки, на которые в последствие наносилось изображение посредством чеканки.

Важное значение имеет атрибуция монетного типа о месте и времени выпуска номинала. Легенды или надписи, помещённые на монете, помогают установить принадлежность монеты к полису.

Лицевая сторона монеты или аверс – отражает религиозно-государственную санкцию, следовательно, на неё помещалось изображение головы Божеств, почитаемых в данном полисе, портреты магистратов.

На оборотной стороне или реверсе – помещались атрибуты почитаемых в городе Богов и элементы монетного типа (значки, символы, надписи). На монетах изображалось сокращённое название города, имена магистратов, резчиков штемпелей. Появляются портретные изображения правителей, их титулатура, дополнительные изображения.

Помещённые изображения были тесно связаны с историей полиса. Они показывали экономическое, политическое, культурное и религиозное развитие античного центра. Изменение в той или иной сфере отражалось на монетах. Следовательно, основной задачей нумизматики, как науки является правильная интерпретация монетных типов, выявление различных изменений в монетной типологии, выяснений стоявших за ними исторических событий.

Резюмируя изложенный материал, констатируем то, что благодаря письменным, археологическим и нумизматическим источникам, мы можем изучить и проследить возникновение и начало товарно-денежного обращения на территории Античного Причерноморья.

Чаще всего данные археологического материала, выступают в качестве проверки в вопросах, относящимся к объективности интерпретации сведений письменных источников. Следовательно, из-за отсутствия изрядного количества указаний, а также неполноты и отрывочности сведений античных древнегреческих и древнеримских авторов, отличительную важность приобретают материалы археологических и нумизматических исследований.

С их помощью можно установить подъём и упадок товарооборота в различных полисах, проследить их экономическое и политическое развитие, эволюцию в археологическом и нумизматическом материале.

3. Римско-варварские контакты: характер и содержание. Во-первых, констатируем, что греческая колонизация Северного Причерноморья была органичной частью единого колониационного процесса, обусловленного

рядом тенденций в политическом и социально-экономическом развитии греческого общества.

Главное отличие, которое характерно для восточного, черноморского, направления греческой колонизации состоит в том, что оно в хронологическом аспекте вступает в свою наиболее интенсивную фазу колонизации несколько позже, чем западное и южное направления процесса, не в VIII в. до н.э., а с рубежа VII-VI вв. до н.э.

Во-вторых, природно-климатические и географические условия не являлись фактором, который способствовал замедлению, либо ускорению процесса колонизации, так как уже было сказано выше, условия северного побережья Чёрного моря сходны с условиями юга территории современной Франции, что обусловило специфику колонизационного процесса, так как ЮБК, в природно-климатическом и ландшафтном отношении наиболее близкий к условиям архаической Греции в ранний период масштабной колонизации не привлёк особого внимания греческих переселенцев, что подтверждает сказанное выше.

В-третьих, следует раз и навсегда отказаться от использования терминов «торговой» и «аграрной» концепций колонизации при анализе причин начала мощного колонизационного процесса, так как, если рассматривать причины в контексте каждого из направлений и анализировать ситуацию в метрополии на современном этапе состояния как российского, так и зарубежного антиковедения, то важнейшими причинами, послужившими началу процесса формирования коллектива будущих переселенцев-колонистов являлись причины исключительно политического характера.

Таким образом, именно вследствие характера ведущих причин, послуживших основанием той или иной колонии в на побережье Северного Причерноморья фактор греко-варварских отношений и модели их выстраивания являлся одним из наиболее актуальных для будущих поселенцев уже на раннем этапе основания колоний, а не аграрный или торговый характер будущего полиса. Не вызывает сомнений, что при решении проблем греко-варварских контактов важное значение имеет сравнение ситуаций, исходя из специфики социально-экономических, этнографических и природно-климатических характеристик в разных частях Средиземноморья и Причерноморья.

Торговые и прочие контакты с аборигенным населением в этом регионе стали налаживаться после определенного укрепления позиций колонистов, которые происходили в месте соприкосновения культурных ареалов. Именно здесь могли происходить определенные взаимовлияния.

При этом греческие апойкии не осуществляли специально какую-либо торговую экспансию, так как все торговые и прочие предприятия, касающиеся местного населения, осуществлялись, как было показано выше исключительно на свой страх и риск частными торговцами.

Кроме того, когда мы говорим о греко-варварских контактах как таковых вообще, то эволюция их включала в себя не только периоды мирного и даже

дружественного существования, но и периодически возникавшие и длившиеся на протяжении лет военные конфликты, которые в методологическом отношении также относятся к категории контактов между греками и варварами.

Письменные источники, вне всякого сомнения, свидетельствуют о достаточно хорошем знакомстве с регионом начиная с VIII в. до н.э., то есть ещё до начала интенсивной фазы собственно колонизации Северного Причерноморья и побережья Азовского моря.

Данные античной письменной традиции вкупе с археологическими материалами свидетельствуют в пользу того обстоятельства, что ещё в конце VIII в. до н.э. эллины имели возможность познакомиться с природными и географическими особенностями Северного Причерноморья и Приазовья, и выяснить и оценить, насколько это было в их возможностях этническую ситуацию в регионе, сыгравшего важнейшую роль в процессе – фактора, игравшего важную роль в процессе дальнейшего освоения не только побережья Чёрного моря, но и варварской периферии.

Археологический материал представлен широко, как в плане географии происхождения, так и в плане ассортимента, что свидетельствует в пользу тезиса об интенсивном развитии ремесленного производства, начиная с самого раннего момента основания колоний.

Находки остатков фундаментов, цокольных этажей, архитектурных деталей монументальных построек общественного назначения уже в самом начале функционирования полиса свидетельствуют о том, что основанное поселение изначально формировалось как классическая модель полиса, а не эмпорий или апойкия.

Нумизматические материалы выразительны и убедительны, стабильно, начиная с рубежа VII-VI вв. до н.э. представлены чеканкой крупных античных центров, игравшие ведущую роль в международной торговле, например, золотые, электровые и серебряные кизикины, что говорит об интересе со стороны представителей торгового сословия самых разных античных центров Средиземноморья, а появившаяся уже в рамках VI в. до н.э. собственная монетная чеканка в Ольвии и Пантикапее подтверждает сказанное.

Констатируем, что нет оснований говорить об особом характере греческой колонизации в регионе, за исключением некоторого отставания в контексте нижней границы начало колонизационного процесса.

Археологические исследования последних десятилетий убедительно доказали об отсутствии этапа земляночного строительства на протяжении первых нескольких десятилетий спустя основания поселения.

Также нет никакой необходимости определять тип северопонтийского поселения терминами типа апойкия или эмпорий вкупе с эмпориальным периодом, которые постепенно эволюционировали в структурно классический полис спустя десятилетия.

Таким образом, следует признать наиболее важным вывод о том, что у нас на сегодняшний день нет достаточных и аргументированных с позиций археологии данных, которые позволяют проводить разграничение в статусе и

модели между колониями северопричерноморского, западного и южного направлений греческой колонизации.

К еще более важным последствиям для судеб первобытной Европы привели возвышение и экспансия Рима. Огромная масса племен, сохранявших первобытнообщинный строй на стадии его разложения, была насильственно включена в условия государственной жизни. Другие племена, составлявшие ближнюю первобытную периферию, подвергались сильнейшему экономическому и политическому давлению. Третьи, более удаленные, испытывали влияние Рима и промежуточных варварских обществ.

Завоевание Римом племен, населявших Иберийский полуостров, север Балкан, Галлию, Британию и бассейн Дуная, означало распространение на завоеванных территориях развитых рабовладельческих отношений и сопровождалось целым рядом политических, экономических и культурных мероприятий, сознательно проводившихся римской администрацией и подрывавших все прежде существовавшие общественные отношения.

Границы провинций и судебных округов, намеренно проводившиеся без учета старых этнических и племенных делений, налогообложение, принудительное насаждение римского права и , создание крупного землевладения, эксплуатация и обезземеливание местного населения, превращение части его в арендаторов и наемников, распространение провинциальной римской культуры, стиравшей и подавлявшей местные особенности, развитие товарного производства, ремесла и торговли — таков их далеко не полный перечень. Не менее важным было основание на завоеванной территории городов античного типа. Они несли с собой античные формы собственности и классические формы рабовладения, способствовали процессам романизации, распространению латинского языка и римской культуры. Например, об иберийском племени турдестанцев Страбон писал, что они «совершенно переменили свой образ жизни на римский и даже забыли родной язык. Большинство их стало латинскими гражданами и приняло к себе римских колонистов, так что все они почти что обратились в римлян. И основанные теперь города... ясно обнаруживают перемену упомянутых форм гражданской жизни».

В таких условиях происходила быстрая трансформация и романизация местной аристократии, которую Рим, видя в ней опору в завоеванные провинциях, привлекает на свою сторону и наделяет имущественными и гражданскими привилегиями. Подобную политику, например, проводил Юлий Агрикола в Британии. «...Юношей из знатных семейств, — писал Тацит, — он стал обучать свободным наукам... и те, кому латинский язык совсем недавно внушал откровенную неприязнь, горячо взялись за изучение латинского красноречия. За этим последовало и желание одеться по-нашему, и многие облеклись в тогу. Так мало-помалу наши пороки соблазнили британцев, и они пристрастились к портикам, термам и изысканным пиршествам. И то, что было ступенью к дальнейшему порабощению, именовалось ими, неискушенными и простодушными, образованностью и просвещенностью».

Таким образом, самостоятельное развитие племен, включенных в состав римского государства, было бесповоротно прервано и направлено по другому руслу.

Значительные перемены происходили также у тех племен, которые в разное время составляли непосредственную первобытную периферию Рима (кельты, германцы, геты, даки, сарматы). У всех у них наблюдается значительный рост производительных сил, ускоренное разложение первобытнообщинных отношений и быстрая внутренняя дифференциация общества. Цезарь во всяком случае понимал значение римского влияния на варваров, когда писал про галлов, что «близость римских провинций и знакомство с заморскими товарами способствует развитию у них благосостояния и новых потребностей...» или отмечал, что самое храброе племя в Галлии – белги, «так как они живут дальше всех других от Провинции с ее культурной и просвещенной жизнью; кроме того, у них крайне редко бывают купцы, особенно с такими вещами, которые влекут за собою изнеженность духа...». Результаты римского воздействия на племена ближней первобытной периферии хорошо прослеживаются на примере германцев. До появления Цезаря на Рейне германское общество было сравнительно мало затронуто римским влиянием. Торговля, особенно при посредстве кельтов, велась уже давно, но в ограниченных размерах.

Ко времени Цезаря имущественная дифференциация в германском обществе не была еще глубокой и сводилась главным образом к различиям во владении движимым имуществом (скотом). Частная собственность на землю отсутствовала, а родо-племенная аристократия не обладала сколько-нибудь постоянной принудительной властью – дружины распались сразу же после набега. Между временем Цезаря и Тацита импорт римских товаров резко возрос, и, как свидетельствуют данные археологии, импортируемые товары становились большей частью индивидуальной собственностью. Цезарь писал про свебов, что «купцов они допускают к себе больше для продажи военной добычи, чем из желания получить какие-либо привозные товары». Но уже в правление Тиберия, когда была захвачена столица свебов, в ней были обнаружены «маркитанты и купцы из наших провинций, которых – каждого из своего края — занесли во вражескую страну свобода торговли, жажда наживы и, наконец, забвение родины». Следующий шаг был сделан ко времени Тацита, когда германские вожди стали принимать от римлян деньги, а ближайшие к Рейну и Дунаю племена оценили «золото и серебро для употребления в торговле».

В дальнейшем римский экспорт еще больше возрос. Одновременно под римским влиянием у германцев совершенствуется сельскохозяйственная техника и развиваются ремесла. За римские товары надо было платить. Можно допустить, что увеличение числа войн и набегов в Германии среди других причин вызывалось возросшим стремлением приобрести римские товары. В I–II вв. до и. э. в Германии повсеместно, от Ганновера до Польши и от Дании до Силезии, появляются погребения военной аристократии, содержащие предметы

римского импорта. Войны усугубляли общественную дифференциацию, усиливали и укрепляли власть вождей. Уже во времена Тацита дружины становились постоянными. Этому немало способствовали и римляне, которые, стремясь привлечь германскую знать на свою сторону, углубляли раскол, существовавший между родоплеменной аристократией и рядовыми общинниками. Рим поддерживал и навязывал дружественных ему вождей и обеспечивал их власть принудительно даже вопреки воле племени. Так на смену Арминиям рождались Сегесты.

По мере ослабления Рима он уже не столько подкупает, сколько откупается от варваров, однако и это служит дальнейшему укреплению позиций аристократической верхушки. Дион Кассий писал о политике Каракаллы в начале III в. н. э., что «многие из живущих у самого Океана, при впадении Альбья, послали к нему послов, прося дружбы, чтобы получить деньги. Так как он уже делал так раньше, многие приступали к нему с этим, угрожая войной; и он согласился со всеми ними. Если им что и говорилось против их желания, то при виде золотых они покорялись, так как он дарил им настоящие золотые. Напротив, римлянам он давал поддельные деньги, и серебряные, и золотые: он приготавливал первые из посеребренного свинца, вторые – из золоченой меди». Не менее значительным было и идеологическое воздействие. Достаточно сказать, что именно из Рима распространялось в варварской Европе христианство. Таким образом, римское влияние выразилось, в конечном счете, в заметном ускорении социального развития у племен ближней первобытной периферии.

Дальняя периферия в I тысячелетии до н. э. и особенно первой половине I тысячелетия н. э. также испытывает на себе воздействие классовых обществ Европы – прямое, благодаря торговле, или опосредствованное, через племена ближней периферии. Эти племена, уже затронутые соседством с рабовладельческим обществом, усиливают давление на своих северных и восточных соседей в погоне за добычей, рабами и пр., а также ведут с ним торговлю. В результате этрусские, греческие, кельтские, скифо-сарматские и римские товары и изделия, а с ними вместе технические достижения проникают в самые отдаленные уголки. Изделия средиземноморских мастерских достигали Англии, среднего Рейна и даже Дании на западе и Урала на востоке, северочерноморские образцы – крайнего Севера Восточной Европы и Западной Сибири.

Средняя и Северо-Восточная Европа, и лесная зона Восточной Европы в I тысячелетии до н. э., особенно в его конце, начинают развиваться ускоренными темпами. Важнейшими экономическими сдвигами здесь были распространение железа и развитие земледелия и скотоводства. И в этом не последнюю роль сыграли южные импульсы. Например, кельтское влияние сказывалось до Балтийского моря и южной Скандинавии, глубоко в Польше и в Западной Украине. Отдельные группы кельтских ремесленников основывали свои мастерские вне границ собственно кельтской среды, и местные жители перенимали кельтскую технику производства. В конце I тысячелетия до н. э. на

дальней периферии археологически прослеживаются первые признаки социальной и имущественной дифференциации. Показательно, что наиболее заметны они на линиях торговых путей или в районах соприкосновения с более продвинутыми племенами (кельтами, фракийцами, скифами) - в южной Прибалтике, на юге территории распространения лужицкой культуры, в Прикамье. Особенно заметно воздействие классовых обществ на дальнюю первобытную периферию проявляется в первых веках н. э. Хотя военная экспансия Рима сказалась на ней лишь косвенно, в виде ряда этнических перемещений внутри варварского мира, торгово-экономические связи достигают в это время своего зенита.

О размахе торговли янтарем жителей северной Германии и балтийского побережья с Римом сообщает Плиний Старший: «И поныне жив еще римской всадник, посланный туда для приобретения янтаря Юлианом, ведавшим устройством гладиаторских игр при принцепсе Нероне: он обошел местные торговые пункты и берега и привез такое огромное количество янтаря, что сетки, защищающие балкон от диких зверей, скреплены были янтарем, а вся арена и носилки для убитых гладиаторов и все прочее снаряжение, необходимое для игр, были сделаны из янтаря, чтобы создать разнообразие в самой пышности каждого отдельного дня этих игр». Скандинавские археологи обычно определяют первые четыре века и. э. как «римский железный век», потому что «все культурное развитие Северной Европы было в тот период подчинено господствующему влиянию римской культуры». Действительно, клады римских монет, многочисленные находки римских изделий и погребения с римским оружием в изобилии встречаются в это время в Скандинавии. Заметное влияние Рима, особенно его дунайских областей, прослеживается даже в Восточной Европе (черняховская культура). Об этом говорят значительный приток монет и изделий провинциальной римской¹ культуры, заимствование гончарного круга и т. д. и сопровождающий эти процессы рост социальной и имущественной дифференциации. Влияние античной цивилизации не прослеживается сколько-нибудь существенным образом только на крайнем севере Европы. Но какие-то импульсы доходили даже туда, и пушнина, добываемая охотниками этих отдаленных мест, путем поэтапного обмена попадала на рынки Рима.

ЭПОХА ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ: РИМСКО-ВАРВАРСКИЕ КОНТАКТЫ

1. Данные письменных источников и археологические свидетельства.
2. Дискуссия о хронологии процесса и причинах.
3. Итоги и последствия.

1. Данные письменных источников и археологические свидетельства.
В современной варварологии есть разделы, посвященные исследованию общих

проблем отношений между варварским миром и цивилизацией. В их контексте приобретает значение попытка восстановления отдельных черт взаимодействия древних цивилизаций Запада и Востока с соседней варварской периферией.

Близость некоторых элементов такого рода контактов выступает весьма рельефно и представляется, на наш взгляд, чем-то большим, нежели поверхностное сходство. В настоящее время центр и варварская окраина рассматриваются как тесно связанные между собой звенья единой паноякуменической системы, в которой взаимодействуют народы, находящиеся на разных уровнях исторического развития. Взаимодействие варварского мира и цивилизации включает военные, политические, дипломатические, торговые, религиозные и иные контакты и влияния, отражающие сложный, случайный, спонтанный, как правило, опосредованный характер реальных отношений, которые порождали эти контакты и влияния. Выявление отдельных связей, на наш взгляд, не должно заслонять тот факт, что варварский мир и цивилизация представляли собой одно целое, единую сложную систему, все параметры которой, функционируя по собственным законам, в конечном счете были взаимообусловлены.

Особенности взаимодействия определяются и спецификой традиций государственности - римской и китайской - а также типологическими отличиями оседлого и кочевнического варварских миров. Выявление того, что объединяет несопоставимые, на первый взгляд, части этой системы, способствовало бы лучшему пониманию природы такого явления, как Великое переселение народов. Существенно и то, что характерные особенности двух «моделей» контактных зон - европейской и азиатской - потенциально свидетельствуют о значительной степени их динамичности. Учитывая слабую разработанность проблемы и постановочный характер данной статьи, представляется целесообразным в ходе сравнительного анализа обозначить в первую очередь общие черты двух моделей контактов. Применительно к обоим регионам эти контакты осуществлялись в рамках масштабного процесса переселения племен. Традиционно Великое переселение народов рассматривается как уникальное явление европейской истории, как символическое обозначение перехода от Античности к Средневековью.

Однако, уходя от европоцентризма, следует заметить, что европейская «модель» (Барбарикум - Римская империя) Великого переселения трансформируется, периодически пересекаясь с азиатской «моделью» (кочевой племенной мир - Ханьская империя). Системное изучение древних цивилизаций и взаимодействующих с ними варварских миров, состоящих из нескольких этнических пространств, позволяет трактовать Великое переселение народов в широком смысле, как особый период мировой истории, когда на значительном историческом пространстве (уже не Древность, но еще не Средневековье), ограниченном конкретными хронологическими рамками (II-VII вв.) и определенной территорией (Европа, Азия, Африка), взаимодействие варварства и цивилизации достигло своей наиболее интенсивной фазы.

Результатом этого взаимодействия явилось зарождение новой цивилизации - средневековой.

Начать, пожалуй, следует с того, что отношение римской и китайской цивилизаций к варварскому миру изначально отчетливо выстраивалось по принципу противопоставления «мы - они». Ключевую роль выполняло и само понятие «варвары». Так, в античном мире семантика его раскрывалась в рамках антитезы «греки - варвары», «римляне - варвары». Три круга ассоциаций делали восприятие этого образа автоматическим. Первый - этнический. «Варвар» - это иностранец, чужеземец, человек, проживающий вне границ данного государства. Второй круг - этический. Он заключался в формуле: «варвар - это не римлянин». У греков тот считался варваром, кто не обладал пайдейей - греческим воспитанием и образованностью. И, наконец, третий круг - филологический. Незнание греческого и латинского языков - верный признак варварства. В самосознании китайцев на протяжении нескольких столетий формировалось противопоставление «хуася» (древние китайцы) «варварам». «Хуася» и «варвары» в представлениях древних китайцев составляли две неравноценные половины человечества.

Обращает на себя внимание и то, что особенности контактов и основных тенденций развития взаимоотношений варваров с цивилизацией выходят на более широкую проблему - специфику этнического пространства, в котором формируются эти контакты. Системный процесс взаимодействия варварской периферии и цивилизации на рубеже Античности и Средневековья обозначил уникальное этническое пространство. В данном случае под *этническим пространством* подразумевается вся совокупность племен и народов, связанных с тем или иным историческим явлением, а также с его образом в истории. Созданное Великим переселением этническое пространство отличалось многослойностью. Здесь представлены племена-аборигены и пришлые, инертные и динамичные, племена и народы, населявшие провинции Римской империи, «внутренние», «пограничные» и «вассальные» округа Китайской империи и их северной периферии.

Каждый из племенных миров, составлявших то или иное этническое пространство, имел свое достаточно выраженное своеобразие. Тем общим, что объединяло племена между собой, могла считаться причастность к особому, условно называемому «варварскому» пути развития. В канун Переселения варвары, обитавшие на землях от Рейна и Дуная до предгорий Алтая и степей Восточной Азии, еще не достигли того исторического рубежа, с которого начинается эпоха цивилизации. В ходе великих миграций этническое пространство варварской периферии было частично «поглощено» двумя мировыми державами - Римской и Китайской, - и населявшие его племена участвовали в становлении средневековых цивилизаций. Остальные, остановившись на пороге стадии цивилизации, пережили период затяжной стагнации. Некоторые из них оказались в историческом тупике, выбраться из которого им так и не удалось.

Мощный напор северной периферии - Барбарикума - испытали, выдержав не одну волну переселений, жители Римской империи. Специфическая особенность этого этнического пространства заключалась в готовности населявших Аппенинский полуостров многочисленных народов к военным и торговым контактам с Барбарикумом. Под влиянием варварских окраин римская государственность развивалась весьма стремительно и динамично. Следует отметить и возросшую «внутреннюю», в границах Римской державы, мобильность населения, связанную с захватом Римом огромной территории от берегов Рейна, от Альпийских гор до океанского побережья, включая области Пиренейского полуострова. Организация этих территорий в римские провинции и постепенная их романизация приводили к разрушению этнической замкнутости Галлии и Испании. Здесь этническое пространство размывалось социализирующей направленностью римской цивилизации.

Осколки исчезнувшего кельтского мира в целом оказались в стороне от активного участия в миграционных процессах II - VII вв. Известно, что кельты упорно сопротивлялись римлянам. Однако им не удалось устоять перед германцами. После ряда военных неудач, потеряв часть завоеванных земель, кельтское население концентрируется в Средней Европе - от Британии до Карпат. Не исключено, что некоторые кельтские племена оказались вовлеченными в походы, вторжения и грабительские экспедиции племен Барбарикума, особенно во II - IV вв. Длительные набеги скоттов на западные берега Британии, постепенное и методическое освоение ими большей части Каледонии - отнюдь не типичный пример миграционной активности кельтов в эпоху Переселения. (Гораздо показательнее другой вариант: постоянное мирное ...). Можно говорить о постоянном мирном сосуществовании кельтского и соседнего с ним фракийского мира.

Можно отметить также и то, что мир фракийских, иллирийских и греческих племен составлял во II-VII вв. значительную часть этнического пространства, члены которого оказались весьма инертными и не участвовали в миграционных процессах. Однако неоднократно районы обитания этих племен до и особенно в период Великого переселения являлись эпицентром многих миграций. Фракийцы, иллирийцы и греки долгое время находились между кельтским миром на западе, германским - на севере и скифо-сарматским - на востоке. Маркоманнские войны II в., готские вторжения на Балканы III в., борьба племен за Дакию после 270 г., Сарматские войны середины IV в. на Среднем Дунае сопровождалась расселением мигрирующих племен в иллирийском и фракийском мире. Через населенные иллирийцами и кельтами провинции Норик и Паннонию в течение четырех столетий в Италию двигались бурные полиэтничные миграционные потоки.

Еще раз обратим внимание и на то, что агрессивную, наступательную позицию варварской периферии разделяли не все населявшие ее племена. Инертным, безразличным к миграциям оставался мир балтских племен. Во II - IV вв. спокойная, размеренная жизнь этих племен, их замкнутый, непритязательный уклад были нарушены движениями готов к югу и

миграционной волной сарматских племен в район Среднего Подунавья. Внутренние стимулы к переселению у балтов отсутствовали. На незначительные передвижения их подталкивали лишь миграции соседних народов. Будучи инертными в противостоянии «варварский мир – римская цивилизация», балты сыграли значительную роль в стабилизации особого жизненного цикла отдельных регионов европейского Барбарикума. Косвенным образом они способствовали окончательному сплочению славян – лидеров миграционных процессов в VI - VII вв.

Подобно балтам, финно-угорские племена не проявляли особой миграционной активности вплоть до VI в. Занимая значительные территории от нынешних районов Западной Белоруссии до предгорий Урала, они не были однородными. Разные группы племен этого этнического пространства пересекались и взаимодействовали с лидерами миграционных процессов II - V вв. – германцами и гуннами. Некоторые племена входили в состав «государства Эрманариха», другие – сыграли значительную роль в процессе этногенеза западных гуннов. В то время, когда в Центральной Европе бушевали Маркоманнские войны (166-180 гг.), знаменовавшие начало первого этапа Переселения, в степях Южного Урала в ираноязычном и угро-финском этническом пространстве уже начал формироваться лидер следующего этапа Переселения – гунны.

Лидером варварского мира в контактах с римской и византийской цивилизациями выступал мир германских, тюркских, славянских и алано-сарматских племен. Германское этническое пространство рубежа Античности и Средневековья являлось одним из наиболее значительных. Уже в начале великих миграций германцы занимали обширные территории, большая часть которых отличалась экстремальными географическими и климатическими условиями: огромные леса, обилие рек, озёр, непригодность многих территорий для земледелия и животноводства.

Племена постоянно испытывали на себе военный и цивилизационный натиск римского мира, особенно усилившийся на рубеже тысячелетий. Как следствие, сформировался довольно высокий уровень мобильности древних германцев. Он отражал прежде всего адаптационные возможности и свойства данного этнического пространства. Помимо этого, мобильность германцев символизировала их особую социальную адаптацию. Не только витальные потребности стимулировали движение племен. Грабежи, покорение соседей, разбой в близлежащих римских провинциях, взятие городов, гибель императоров и видных римских военачальников – это также и акты самоутверждения, демонстрации мощи племен, их принадлежности к отмеченным традицией победителям и лидерам Барбарикума.

Как известно, «экспозиция» истории германского этнического пространства рубежа Античности и Средневековья весьма представительна. Здесь и обилие названий племен, различные формы проявления их активности, значительный географический размах передвижений, пульсирующий характер расселения, многовариантность договорных отношений с Римом и Византией.

За относительно короткий исторический период миграции германцев охватили основные регионы ойкумены: Европу, Азию, Северную Африку. Они способствовали возникновению основных «линий разломов», конфликтных зон в европейской «модели» Переселения.

Отметим также, что миграционный опыт германцев различен. Он представлен практически всеми известными типами миграций: переселение племен, движения отдельных дружин, «профессиональная» миграция (телохранители при императорских дворах), «деловая» миграция (германские ремесленники и купцы). Германское этническое пространство за многие века контактов с римской цивилизацией создало своеобразный «миграционный стандарт», который использовался и другими племенами. Он, к примеру, включал «сценарий» поведения варваров в стереотипных ситуациях (походы, вторжения, переговоры) и стандартный набор их претензий к империи.

Различная степень зависимости от римского мира порождала в германском этническом пространстве и различные импульсы консолидации. Их высшим проявлением стали «большие» племена. В ходе Переселения менялась не только горизонтальная динамика варварского мира, но и в целом его «картина» (вовлечение в переселение все новых и новых племен). Существенные перемены происходили и внутри него. Стремительно менялась этно-социальная вертикаль, внутренняя эволюция двигавшихся племен, их потестарное развитие. Начинал переселение один народ, заканчивал – совсем другой. Многим германским племенам довелось заплатить высокую цену за познание принимающего их римского мира.

Волны миграционных потоков привели в Европу ряд алаано-сарматских и тюркских племен. Ираноязычные алаано-сарматские племена сыграли значительную роль в становлении народов Восточной Европы, являлись одним из компонентов этногенетических процессов Юго-Восточной Европы и лишь косвенным образом воздействовали на аналогичные процессы в западноевропейском регионе.

Совершенно очевидно, что в миграционных процессах водные бассейны играли столь же большую роль, как и в жизни крупнейших цивилизаций. Во II - VII вв. направление передвижения значительного большинства племен, образующих алаано-сарматское этническое пространство, определялось не только наличием в данном районе очага цивилизации, но и наличием водных ресурсов. Зачастую эти два фактора совпадали. Танаис, безусловно, играл такую же роль в истории Восточной Европы, как Рейн для Западной или Истр для Юго-Восточной. Вокруг Меотиды концентрировался и консолидировался ираноязычный племенной мир, так же как, например, греческий – вокруг Эгейского моря или итало-лигурийский в Западном Средиземноморье.

2. Дискуссия о хронологии процесса и причинах. Во II - VII вв. по обширным пространствам Великого пояса степей, тянувшегося от Паннонии до Забайкалья, были сосредоточены различные кочевые племена. Они создали особое этническое пространство. Территории, над которыми устанавливался

контроль того или иного кочевого сообщества и с которыми эти кочевники себя идентифицировали, представляли собой своеобразный ареал кочевания племен.

В отличие от других варварских миров граница этого ареала не определяла границу кочевого этнического пространства. Границей был круг людей, составляющий данное кочевое сообщество, принадлежность к которому определялась веками отшлифованными нормами родства. Кочевой варварский мир - рассеянная пространственная структура. Евразийский степной коридор - лишь одна из важнейших межконтинентальных артерий, по которой в Европу шли миграции различных гуннских племен, а впоследствии аваров и булгар.

На рубеже Античности и Средневековья уже сформировалось представление о том, что волны враждебных римской цивилизации кочевников постоянно выплескивали Меотида и Танаис. Подобные идеи вторжения «варваров» с востока господствовали в историографии вплоть до эпохи Возрождения. Кочевой племенной мир тюркского этнического пространства в значительной степени овладел различными средствами адаптации к встречающимся на его пути оседлоземледельческим племенам. Это и периодические набеги, и регулярные грабежи, а также навязанный «вассалитет» и данничество.

Среди тюркских племен уже сложилось представление о гораздо большей престижности военных грабительских походов и завоеваний, в сравнении с мирным трудом, что накладывало отпечаток на жизнь этих варваров-кочевников, служило основой для формирования у них различных культов войны, воина-всадника, героизированных предков. Для реализации экспансии создавались «племенные» конфедерации, вождества. Экспансия, направленная против крупной цивилизации (в контексте Переселения) - Византийской, создавала новые средства адаптации - кочевую «империю». Сокрушительный эффект степных кочевых «империй» Европа ощущала на себе в течение нескольких столетий. Во II-VII вв. преимущество варваров-кочевников во многом определялось наличием у них верховых животных, в то время имевших особенно важное военно-стратегическое значение. Нарастающая интенсивность «кочевого марша» тюркских миграций на запад, условно определяемых как «миграция миграций», в значительной степени «увязла» на Нижнем и Среднем Дунае благодаря начавшимся славянским переселениям.

Славянское этническое пространство формировалось под воздействием разнообразных факторов. Этот обширный племенной мир также не являлся изолированной частью Барбарикума. Славяне этого времени отличались особой интенсивностью межэтнических контактов. Письменная традиция фиксирует как факты столкновения племен, так и мирного их соседства, в том числе с балтами, сарматами, германцами, фракийцами, иллирийцами, с некоторыми тюркскими племенами.

Славянские племена менялись, смешиваясь с другими народами, воспринимая их культуру, но, не утрачивая при этом свою этническую принадлежность. Пройдя через Великое переселение народов, они делились, объединялись, создавая многочисленные племенные образования с новыми

названиями. Отличительная особенность славянского племенного пространства - его относительная отдаленность от римского мира. Можно полагать, что миграционные процессы у славянских племен являлись своего рода адаптацией к предшествующим миграциям других племен и их результатам. Приближаясь к границам римской цивилизации, славянские племена на первых порах не стремились, однако, к взаимодействию и развернутым контактам с этим миром. Последующая активность славян в отношении империи была во многом спровоцирована самой империей, а также появлением аваров. Славянские племена, начав продвижение на юг и завершив расселение на Балканском полуострове в VI-VII вв., сливались с фракийцами, иллирийцами и кельтами. Они растворили в своей среде тюркоязычных булгар, вступали в контакты с эфиротами, греками и положили начало южнославянским этносам.

Таким образом, структура этнического пространства варварских окраин включает не только ближнюю, но и дальнюю периферию цивилизации. Выделяется мир сравнительно «окультуренных» племен, уже подвергшихся влиянию цивилизации. Он является своеобразным ядром варварской периферии, определяя характер взаимоотношений как с центром-цивилизацией, так и с той частью племен, которая населяла более отдаленные районы. Во II - VII вв. на северных окраинах римской и китайской цивилизаций сформировались два таких центра – мир германских племен на Западе и этническое пространство кочевых варварских племен в Азии. Тогда же возникает и фиксируется заметная роль ядра дальней периферии - славянского мира.

Есть и другая черта, общая для характеристики варварских миров в плане их взаимодействия с цивилизацией, — миграционная активность. Даже миграции в пределах варварской периферии отражали предрасположенность племен к контактам. Они же выступали фактором, стимулирующим эти контакты: военные, торговые, дипломатические и т.д. В Европе уже за три столетия до начала Переселения проявился беспокойный и динамичный характер германского этнического пространства.

Мобильность племенного мира Барбарикума стимулировалась римским влиянием, заражая миграционным «вирусом» все большее число германских племен. Одной из причин, спровоцировавшей передвижения племен в европейском Барбарикуме, являлась территориальная экспансия Римского государства. Римляне неоднократно вторгались в районы, занимаемые германскими племенами, стремясь превратить их в очередную римскую провинцию. Этот натиск, осуществляемый в плотно заселенных различными племенами областях, вызвал волну передвижений, которая прокатилась с запада на восток и с севера на юг. Первое пробуждение миграционных процессов приходится на II в. до н. э. и связано с экспансией к югу кимвров и тевтонов. В I в. до н. э. последовали попытки свевов закрепиться в Восточной Галлии. Германские племена представляли собой уже достаточно серьезную и мобильную силу, способную как к эпизодическим проникновениям на римскую территорию путем участия дружин в военных набегах, так и к продвижению на

новые территории всем племенем или значительной частью племени с целью завоевания новых земель.

Сходные процессы наблюдались и в азиатском регионе. После образования сильного древнекитайского государства Цинь его правители, понимая опасность присутствия на севере кочевий варварских племен, ставили целью оттеснить их от границ империи. Циньская империя занимала удобные стратегические позиции для наступления на соседние племена. Среди кочевых племен своей численностью и мобильностью выделялись племена сюнну. К III в. до н.э. основной зоной их кочевий стали уже Центральная Монголия и степное Забайкалье. Вожди из племени сюнну неоднократно возглавляли мощный племенной союз варваров-кочевников, а сами сюнну становились лидером кочевого мира. В общении с северными кочевниками в основном преобладала тенденция их изгнания и вытеснения. Китайское государство ставило своей главной целью сдерживать вторжения обитателей Северной Степи. После ряда сражений китайские войска нанесли варварам-кочевникам серьезное поражение, вытеснив их за реку Хуанхэ, которая на долгое время превратилась в пограничную, став рубежом между китайской цивилизацией и варварским миром кочевых племен.

Подобно китайским войскам, римляне неоднократно вторгаются и ведут военные действия в пределах племенных территорий варваров-германцев. После триумфа Цезаря все большее число этих племен попадает в зону военных конфликтов с Римской империей. При этом повседневная жизнь варваров, даже без потери ими независимости, лишается внутренней стабильности. Далекое не все германцы после силовых контактов с империей отказывались от автономии и самостоятельности. Гарантировать же автономию племени и обеспечить ему внутреннее спокойствие могла только сильная поддержка извне. Варвары имели больше шансов сохранить стабильность мирной жизни и быть надежно защищенными от внешней угрозы, находясь в составе крупного племенного объединения.

Первые военные союзы варваров-германцев (свевов Ариовиста, херусков Арминия, свево-маркоманнов Маробода) были непрочными и недолговечными. Они формировались на исконно германских землях с целью сопротивления Риму. Объединительные процессы проходили отнюдь небесконфликтно. Образование первых военных союзов – это проявление начавшегося процесса противостояния и одновременного сближения римского и варварского миров. Поражение римской армии в Тевтобургском лесу в начале I в. н. э. исчерпало энергию территориальной экспансии римского мира и спровоцировало пробудившуюся миграционную активность варваров-германцев. Они выиграли в своем сопротивлении римской цивилизации и вышли на «старт» массовых миграций.

В конце I в. в Европе окончательно определилась одна из первых в истории человечества технически оснащенных границ. Она отделяла население Римской империи от этнически разноликого Барбарикума и проходила по Рейну, Дунаю и лимесу, который соединял эти две реки. Эта граница и далее на

протяжении многих сотен лет разделяла два сильно различающихся и противостоящих друг другу мира: мир римской цивилизации, уже вступивший в свою акматическую фазу, и мир только еще пробуждающихся к активной исторической жизни германских племен. Велико было желание «отгородиться» от северных варваров и в Древнем Китае. Угроза набегов сунну и других кочевых племен представлялась настолько серьезной, что для обороны от них была построена Великая стена. Она соединила существовавшие ранее пограничные укрепления в единую оборонительную линию, протянувшуюся от Ляодуна до Ганьсу. Великая китайская стена способствовала также и упорядочению торговых контактов между китайским государством и варварским миром кочевых племен. Кочевники-сунну не только воевали с Китаем. Не менее чем в добыче от набегов на китайские земли, они были заинтересованы в торговле.

Не случайно весьма важным для них пунктом многих мирных договоров с империей было требование расширить торговлю и облегчить ее условия. Римская империя также пыталась сдерживать варваров-германцев не только путем военного усиления границ. Расширяется сеть торговых дорог, растет число пунктов для проведения разрешенных торговых операций. Многие племена получают свободу посреднической торговли.

Таким образом, развивая традиционные торгово-экономические связи и создавая новые, Рим надеялся удержать чрезмерный азарт, жажду нового и склонность к авантюрам германских вождей. Однако такая политика давала противоположные результаты. Чем больше Римская империя втягивала германские племена в сферу своего влияния, тем более опасного соперника она сама себе создавала.

После маркоманнского «взрыва» II в. контакты германцев с Римом расширились и интенсифицировались по всем наметившимся ранее направлениям. Письменная традиция подтверждает, что основной формой взаимоотношений оставались войны и военные столкновения, главным образом в районе Реции, Норика и Паннонии. Взаимоотношения регулировались условиями мирных договоров, выполнение которых жестко контролировалось военными властями Рима. Еще больше усилилось значение границы. Всем племенам запрещалось селиться в приграничной полосе вдоль левого берега Дуная. Торговля проходила на границе в определенные дни, в специально отведенных для торговых операций местах – не на римской территории, а только в пределах Барбарикума. Римские купцы проникали в глубь варварской земли. Немалая часть доходов от торговли концентрировалась в руках германской знати, что в одних случаях сдерживало стремление к грабежам и вторжениям, а в других – стимулировало новые рейды в империю в поисках добычи. В отличие от Рима в Древнем Китае такой компонент взаимоотношений с варварским миром, как торговля, являлся куда более значимым, а порой и ключевым. Китайская империя, налаживая оживленную торговлю с западом (Кушанское и Парфянское царства, Римская империя),

подчиняла и истребляла различные племена, в том числе и сюнну, обитавших у северных и северо-западных границ Ханьской империи.

Именно через эти районы варварских кочевий проходил торговый путь на запад, известный как «великий шелковый путь». Преследуя цель обезопасить передвижения торговых караванов, Ханьская империя в 119 г. до н.э. нанесла сюнну сильнейшее поражение и вытеснила их за пределы «великого шелкового пути». Сюнну отступили на север, неоднократно возобновляя набеги и подчиняя своему влиянию эти регионы. Борьба за «великий шелковый путь» длилась столетиями.

После Маркоманнских войн Рим впервые стал в широких масштабах селить варваров на своих опустевших от войн и эпидемий землях. Начинаются необратимые процессы как в самой империи, так и в варварском мире в целом, в том числе у германцев. Государственный механизм империи уже не мог полноценно функционировать без варваров-германцев. Так же и в племенном мире именно благодаря империи все более рельефно выступало то общее, что объединяло и разграничивало племена. После Маркоманнских войн большинство варваров-германцев окончательно потеряло свою независимость. Столь мучительный для них процесс длился несколько столетий и у различных племен имел свои специфические особенности. Разрушительным воздействиям в наибольшей степени подверглись германские племена, жившие в зоне активных контактов с империей, непосредственно возле ее границ. Но и на более отдаленные племена Барбарикума римлянам удавалось распространять свое влияние, хотя и более гибкими методами. Одним давалось римское гражданство, другим - освобождение от натуральных поставок в пользу Рима, третьим римляне сами обязывались поставлять продовольствие и субсидии. Все это затрудняло процесс консолидации варваров, стимулировало соперничество между племенами и в конечном счете явилось источником многих взрывоопасных ситуаций.

Как известно, Маркоманнская война символизирует начало масштабного военного противостояния варварского мира и римской цивилизации. В азиатском регионе ей, пожалуй, соответствует серия массивных вторжений сюнну в Китай в эпоху первого этапа правления Старшей династии Хань (202 г. до н.э.-25 г. н.э.). Союз кочевых племен, возглавляемых сюнну, представлял серьезную опасность для Ханьского Китая. Обратим внимание на то, что огромный размах завоеваний китайцев во II в. до н.э. сопровождался захватом в плен и продажей в рабство кочевников, входивших в племенной союз сюнну. Это спровоцировало набеги кочевых племен на северные границы Ханьской империи.

Постоянные грабежи сюнну, их переходы через Хуанхэ и вторжения в Ордос (земли империи к югу от Великой стены) также сопровождалось уводом в плен китайского населения. Сюнну проникали далеко в глубь Китая, оседая целыми поселениями в пределах Ханьской империи. Так, например, в 177 г. до н.э. китайский император Вэнь-ди заключил с ними мирный договор по формуле «мира и родства». «Держава» сюнну признавалась равной китайской.

Сюнну было разрешено поселиться в районе Ордоса, к югу от Великой стены, где издавна обитали кочевники и где заниматься земледелием было делом рискованным. Согласно заключенным с сюнну договорам (197, 177, 166, 162, 158 гг. до н.э.) империя платила им дань, а также посылала в жены их вождям (шаньюям) китайских принцесс. Отряды кочевых племен грабили различные области Китая, но, как бы ни усиливались набеги, империя ограничивалась обороной. И лишь в правление императора У-ди (140-87 гг. до н.э.) была предпринята попытка занять активную наступательную позицию - изгнать варваров за пределы Великой стены. В 127 г. до н.э. сюнну были вытеснены из Ордоса, по берегам Хуанхэ были построены крепости и укрепления. От кочевников стремились освободить и северные границы империи. В 119 г. до н.э. империя нанесла сюнну сокрушительный удар, что заставило их отступить на север. На отвоеванной территории империя построила мощную линию укреплений, были созданы военные и гражданские земельные поселения. Впоследствии эта полоса укреплений стала мощным плацдармом для успешных завоевательных походов Ханьской империи.

Однако сюнну спустя некоторое время активизировали свои действия на северо-западных границах Ханьской империи, и к началу I в. н.э. им удалось подчинить своему влиянию западные области Китая, отрезав торговые пути, в том числе «великий шелковый путь», который уже со II в. до н.э. связывал Китай с далекими странами, в частности с Парфянским и Кушанским царствами, а также с Римской империей. Ханьский Китай вынужден был на какое-то время перейти к оборонительной тактике. В отличие от Римской империи, которая, победив в Маркоманнской войне, выиграла противостояние с варварским миром, Китайская империя в первых войнах с сюнну его проиграла.

По мнению античных авторов, к началу III в. германские племена оставались наиболее активной частью варварского мира европейского региона. В их передвижении появились две характерные черты. Первая связана с племенами восточных германцев. Именно они задают тон, являясь своеобразным камертоном миграционной активности. Восточные германцы позже других вступили в активный контакт с империей. Однако в силу того, что империя была уже измотана предшествующими конфликтами, а свежие силы восточных германцев наносили ей удары на весьма отдаленных от Италии рубежах, этот натиск оказался более эффективным, чем вторжения западных варваров-франков.

Второе отличие состояло в том, что на протяжении III в. германские вторжения в Римскую империю осуществлялись в двух направлениях: рейнско-дунайский лимес и балкано-малоазийские провинции. Центральноевропейский регион был в это время зоной активных военных действий главным образом сарматских племен. Письменная традиция свидетельствует о весьма активном процессе перегруппировки сил, с непрерывными передвижениями племен. В III в. аламанны и франки переселились на Декуматские поля. Часть готов заняла Дакию — стратегически важный плацдарм варварских вторжений. В районе

Реции усилилась позиция ютунгов. На Верхнем Дунае появляются бургунды и вандалы. В конце первого этапа Переселения народов центром варварского мира, «серединой варварской земли» стала Среднедунайская низменность. Отсюда постоянно шли миграционные импульсы. Начиная со II в., одни племена сменяют другие: квады, маркоманны, бургунды, аламанны, сарматы, гепиды, готы. Империя намеревалась организовать здесь провинции Маркоманнию и Сарматию.

Китайская империя периода правления последних императоров Старшей династии Хань, так же, как и Римская, сдерживая напор соседних варварских племен, сравнительно быстро определила наиболее опасные районы их вторжений. Особо выделяется один из них – бассейн реки Тарима, который ханьцы называли Западным краем. Это сравнительно небольшое пространство надолго превратилось, по сути, в периферию Ханьской империи. Расположенные на нем мелкие государственные образования, признав вассалитет империи, терпели лишения как от военных походов ханьцев, так и от набегов соседних варварских племен. На рубеже тысячелетий племенам сюнну, которые воспользовались ослаблением империи, удалось вытеснить ханьцев с Западного края. Лишь правители Младшей династии Хань (25-220 гг.) в результате успешных походов ханьских полководцев окончательно вытеснили кочевников из этого региона.

Трансконтинентальная торговая магистраль больше известная как «Великий шелковый путь» вновь перешел под контроль империи вплоть до середины II в. Не снижалась активность варваров-кочевников и у северных пределов Китая. Долгое время естественный рубеж, отделявший китайскую цивилизацию от мира кочевых племен, проходил вдоль пустыни Гоби. Ван Ман, один из последних правителей Старшей династии Хань, формировал военные подразделения из рабов для отражения набегов варваров на северные границы.

Ситуация изменилась в худшую для Китая сторону, когда в I в. н.э. эти набег стали тревожить уже внутренние области Ханьской империи. Жители приграничных регионов начали переселяться внутрь империи, а северная граница оказалась в руках племен сюнну. Эти племена на протяжении нескольких столетий являлись лидером мира кочевых племен. Их взаимоотношения с Китайским государством зачастую определяли общую тенденцию развития и степень военного напряжения в Восточной Азии. Разгромленные в результате неудачных войн с Ханьской империей, лишившись своих исконных кочевий, сюнну в середине I в. н.э. разделились на две части - северную и южную. Южная группа сюнну попала под влияние Ханьской империи, откочевав в северные районы Шаньси и Внутренней Монголии. Северные сюнну после многочисленных поражений, нанесенных ханьскими войсками, ушли в 93 г. в Джунгарию.

Следует отметить, что районы Восточной Азии к северу от Ханьской империи представляли собой плотно заселенное различными кочевыми племенами пространство. Здесь кроме сюнну обитали набиравшие силу

сяньбийские племена. Вдоль ханьской границы в Маньчжурии кочевали ухуани. Степи между Ордосом и озером Лобнор занимали тангуты. На западе этого обширного кочевого пространства выделялись усунь, на севере – енисейские динлины, а также их соседи хагасы.

Миграция сюнну в западном направлении проходила в условиях военных конфликтов с Ханьской империей, племенами сяньби и ухуаней. Сяньби неоднократно вторгались в восточные земли сюнну, подвергая их разгрому и сея панику. Ханьские военачальники совершали глубокие рейды в тылы кочующих сюнну. Исконные земли сюнну постепенно занимали воинственные племена сяньби и динлин. С середины II в. в лидеры кочевого мира Восточной Азии выходят сяньбийские племена. Северные сюнну, которые продолжали здесь кочевать, частично приняли наименование сяньби и вошли в состав сяньбийского племенного союза, а частично ушли на запад к озеру Балхаш. С этого времени началась ассимиляция сюнну с другими центральноазиатскими племенами. Эти смешанные племена достигли степей Южного Урала и древнего Устьюрта. Севернее Аральского моря во II в. н.э. о них упоминает античная письменная традиция, называя уже гуннами.

Со второй половине IV в. гунны – это уже смешанные, преимущественно тюрко-угорские и ираноязычные племена. Гунны переходят Волгу и обрушиваются на Предкавказье. Они стремительно проходят путь от Танаиса на Балканы и дальше к югу от Дуная до стен Константинополя. Вскоре они проследовали на запад в Потисье и на венгерскую равнину, а затем от Орлеана на Луаре до городов Аквилеи и Милана в Италии. К концу IV в. равнина между Тисой и Дунаем стала преимущественно гуннской территорией. Гунны создали обширный военно-племенной союз, куда вошли и другие варвары: примеотийские готы, гепиды, герулы, аланы, славянские племена. Степень зависимости этих племен от гуннов определить довольно сложно. Возможно, они, находясь под управлением своих предводителей, сопровождали гуннов в качестве военного подкрепления, выделяя в случае необходимости военные отряды. Как часть этого союза и под его именем многие из упомянутых выше племен уже с конца IV в. в качестве вспомогательных войск оказывали услуги и Западной, и Восточной империи. Таким образом, появление в Европе азиатских кочевников, вошедших в азиатскую историю под именем «сюнну», а в европейскую – «гуннов», – одно из последствий взаимодействия китайской (Ханьской) империи и кочевого варварского мира, располагавшегося вблизи ее северных границ.

Концентрация оседлых варварских племен у границ Римской империи также породила конфронтацию. С одной стороны, она подпитывалась растущей потребностью в земле, а также наличием по соседству соперников, с которыми одновременно могли быть тесные родственные, дружественные или культовые связи. С другой – растущая напряженность в варварском мире европейского региона, возможно, создавалась искусственно. Она стимулировалась переходом племен на римскую территорию. С усилением межплеменных противоречий росло число племен, попадавших в зависимость

от империи. Конечно, рядовые варвары-германцы продолжали обрабатывать землю, пасти скот, изготавливать керамику и орудия труда. Они поклонялись своим богам, следуя родовым традициям и обычаям предков, но племенная жизнь теперь была организована уже на иной основе. И миграционные волны несли эти племена к неминуемой катастрофе переселения на римские земли. К этому надо добавить, что по мере нарастания римских успехов среди некоторых германских племен усиливались проримские настроения - особенно среди амбициозных племенных вождей.

Наиболее дальновидные римские правители со своей стороны всячески поощряли эту тенденцию. Измена в пользу империи хорошо вознаграждалась. Родовая аристократия кочевых племен проявляла себя не только на полях сражений и в военных походах, она была склонна к интригам и заговорам против своих предводителей. Ханьцам удавалось неоднократно организовывать заговоры среди знати варваров-кочевников. В европейском регионе проримские настроения готов привели к расколу племени на две части. Одна, возглавляемая Фритигерном, выступала за мирные отношения с империей и стремилась к переселению в ее пределы. Другая, признавая авторитет Атанариха, весьма враждебно относилась к Риму и не спешила обрести свой дом на римской земле. В Восточной Азии борьба антикитайской «военной» и прокитайской «мирной» партий также привела к расколу племени сюнну. Таким образом, для двух лидеров варварского мира - готов и сюнну - проимперские настроения оказались трагичными, ибо привели к утрате племенного единства.

Древние авторы отмечают, что с конца III в. в варварском мире европейского региона лидирующие позиции стали занимать готы, франки и аламанны. Их отряды, ранее пересекавшие границу ради добычи, теперь приходят в Рим в качестве федератов, готовых служить за определенное вознаграждение. Федераты – «герои» эпохи Великого переселения народов. Они стремительно втягиваются во внутриимперские интриги, в борьбу вокруг власти и за власть. С середины IV в. представители германской племенной элиты стали занимать военные посты. Западная Римская империя включала знатных варваров в офицерское и высшее командное звено армии. Эти римские полководцы германского, большей частью франко-аламаннского происхождения вошли в социальную структуру римского общества и представляли его военную элиту.

В Восточной Римской империи подобная практика не сложилась. Император Феодосий (378-395) делал попытки вводить варваров в состав ранневизантийской армии, но это вызвало резкое неприятие. Китайская империя для обороны от кочевников также нуждалась и прибегала к помощи самих кочевников, включая их в сферу своих интересов. Южные сюнну, отступавшие под напором сяньби, селились на землях империи к югу от Великой стены и, подобно римским «федератам», защищали ее границы. Вожди сюнну получали высокие посты в китайской армии и были наделены громкими китайскими титулами. В борьбе против варваров Китайская империя, так же как и Римская, прибегала к политике сталкивания одного племени с другим, в

частности использовала сяньбийцев против сюнну, провоцируя длительные войны между ними. В III-IV вв. в Восточной Азии севернее Китайской империи стали стремительно обозначаться черты процесса, который исследователи называют Великим переселением народов.

Переселение южных сюнну в Китайскую империю, так же как готов в Римскую, открыло новый этап взаимодействия варварского мира и цивилизации. Кочевые племена с севера постепенно заселяли Среднекитайскую равнину - исконно китайские земли. Огромные территории бассейна реки Хуанхэ были отторгнуты степными племенами. Внутренние войны, анархия и хаос погрузили империю в эпоху Троецарствия. Один из вождей сюнну провозгласил себя шаньюем всех «федератов», а его сын низложил последнего императора династии Западная Цзынь (265-316).

Китайская империя, раздираемая междоусобной борьбой, оказалась незащищенной перед нашествием и других варварских племен. Северо-западные области империи подверглись вторжению давних врагов ханьцев - племен тибетской группы. Сяньбийские племена тоба захватили Северный Китай, который был буквально наводнен кочевниками, что привело к временному ослаблению их напора на Западе.

3.Итоги и последствия. В ходе противостояния Риму жизнь Барбарикума, германских племен, в частности, менялась. Рим сыграл роль своеобразного генератора социальной эрозии, имущественного неравенства, этно-потестарной (несмотря на высокий уровень мобильности германцев) консолидации племен. Приток награбленной добычи усилил социальную дифференциацию, накопление богатств в руках знати, оформление наследственной власти конунга. Древнегерманская знать претерпела значительную эволюцию. Степень знатности определялась уже не только происхождением, но и заслугами. Ввиду войн и переселений возникла текучесть состава знати. Часть родовой верхушки погибла во внутренних и внешних конфликтах. На основе дружинных отношений постепенно сформировалась и окрепла военная знать.

Военные трофеи и принятая практика поднесения «даров» способствовали тому, что в Восточной Азии у верховных правителей кочевых племен и родовой знати также скапливались значительные ценности. Но варвары-кочевники не только воевали с империей. В промежутках между войнами велась активная дипломатическая деятельность. Шаньюи были издавна связаны родственными отношениями с китайской императорской фамилией, получая в жены китайских принцесс. Их старшие сыновья зачастую воспитывались при ханьском дворе. Варвары перенимали у ханьцев немало ценных в цивилизационном отношении нововведений.

В европейском регионе накануне Адрианопольского сражения (378 г.) баланс сил нарушился окончательно, качнувшись в сторону варварского мира. При этом перевес сил определялся не только военно-политическими факторами. Долгое время Римская империя вовлекала германские племена в сферу своих интересов. Образовался и в течение значительного, по меркам

древнего мира, срока функционировал единый геополитический организм, единая система. Ее составляли два взаимодействующих, подпитывающих и одновременно разрушающих друг друга компонента: высокоразвитая античная цивилизация и первобытная «варварская» периферия.

До середины IV в. основные функции жизнедеятельности этой системы контролировались римлянами. Период между Маркоманнскими войнами и Адрианопольским сражением представлял собой время сближения, само- и взаимопознания двух антиподов – Романии и Барбарикума. В канун Адрианопольского сражения выявилась необратимость внутренних изменений римско-варварского геополитического организма. Сходные процессы происходили и в Восточной Азии вплоть до периода Южных и Северных династий (386-581).

В дальнейшем противостояние варваризованного Севера и китайского Юга завершилось воссоединением страны и победой китайцев. В европейском регионе «варварские королевства» противостояли прежде всего таким же «варварским королевствам», чередой образования и распада которых ознаменован весь V век. Миграционная активность, мобильность и слишком сильная «включенность в Рим» из фактора этнополитической консолидации германцев постепенно превращается в причину нестабильности и кратковременности существования варварских «королевств». Франки – не самые динамичные мигранты, не самые прилежные федераты империи, создали основы для мощного государства, которое позднее смогло на равных противостоять Византии.

По мере превращения переселения варваров в массовое явление Римская империя теряла над этим процессом контроль. Массовые переселения заканчивались для нее внутривосточными кризисами и острыми конфликтами с переселенцами. И хотя большинство племен могло длительное время занимать римскую территорию, только будучи в статусе федератов, по существу варвары-переселенцы создавали здесь полунезависимые образования. С конца IV в., стремясь осесть в империи, они требовали не только земель для поселения, но и права сохранения после переселения собственной внутренней организации и управления. В период между Адрианопольским сражением и падением Западной Римской империи произошел наиболее яркий и противоречивый всплеск миграционной активности варваров европейского Барбарикума.

Естественным образом гуннское присутствие в европейском регионе активизировало варварское миграционное пространство как в начале массового переселения племен в империю в 376 г., так и незадолго до окончательного крушения Западной Римской империи в 476 г. Характер участия самих германцев в миграционных процессах изменился. Пройдя этап стихийных, лавинообразных передвижений, переселений, поисков «желанной земли», многие племена осели и начали территориальную экспансию. Они заняли стратегически важные области, ключевые позиции в политической жизни империи. Гунны оказались тем катализатором, который ускорил эти процессы.

Особенно выразительно воздействие гуннов на судьбы племен Верхнего и Среднего Подунавья. Из-под обломков рухнувшей «державы» Аттилы выбрались консолидированные этно-политические образования (гепиды, герулы, готы). Расположенные на границе двух Империй, в географическом районе, который вызывал споры и вражду между Византией и Западом, эти варвары-германцы соперничали из-за контроля над определенными районами. Создавался постоянный фон нестабильности, распрей и «смуты», что самих варваров держало в напряжении и вскоре снова привело к очередному взрыву миграционной активности. Племена пришли в движение, которое одних привело в Константинополь, а других снова в Западную Европу, но на этот раз уже без сопровождения гуннов.

В процессе взаимодействия с цивилизацией, как правило, проявлялись разные формы мобильности варварских племен. Это и передвижения с целью грабежа или с целью расселения, передвижения, связанные с выполнением обязанностей федератов, переселения, спровоцированные военными маневрами империи или миграцией других племен, и, наконец, передвижения как экспансия, расширение границ уже имеющихся владений.

Массовое переселение варваров из Барбарикума в Римскую империю во II-VII вв. осознается как непреложный факт их включения в огромную державу, обретения большинством племен определенной социальной ниши в римской государственной системе и создания варварских «королевств» различного типа. В V в. империя «управляла» процессом формирования на своих землях первых варварских «королевств», что создавало впечатление о возрастающей «управляемости» варварскими миграциями со стороны Рима. Германцы становятся федератами, продвигаются в отведенные им земли, перемещаются в пределах империи, выполняя функции федератов, и даже вступают в вооруженные столкновения друг с другом, если этого требовал долг перед империей.

Германская знать домогается от императоров знаков власти и признания. Открывается широкий простор для проявления личного мужества в защите интересов империи. Война рассматривается как работа, которая дает возможность сделать карьеру. Появляется новый тип лидеров – конунгов и вождей, которые ведут свои племена к созданию на землях Западной Римской империи германских «королевств». С другой стороны, «врастая в Рим», германцы все более целенаправленно воздействуют на механизмы имперской власти. Они добиваются разрешения заселять вполне конкретные, нередко лучшие земли, например, Западный Иллирик, северное побережье Африки, Юго-Западную Галлию, Италию. Переселение превращается в расселение. Варвар-германец как инструмент сохранения Римского государства, как щит от других варваров, в ходе миграций сам начинает использовать империю для создания собственной государственности.

Однако некоторые предводители варваров-германцев понимали тупиковость данного пути. Парадокс заключается в том, что эта амбициозная идея реализовалась в азиатской «модели» Переселения, где варварам-

кочевникам суждено было воплотить в жизнь слова готского конунга Атаульфа: «В юности у меня было желание уничтожить самое имя Рима, предать забвению все римское, создать Готскую империю, чтобы за основание Готии вместо Романьи, меня славили всенародно, как некогда славили Цезаря и Августа... Теперь я искренне желаю одного, чтобы признательность будущих поколений оценила по достоинству заслуги чужеземца, употребившего меч готов не на разрушение Римской империи, а на укрепление ее». Племена сянбийцев, начавшие во II в. расселяться на Великой равнине, усилились и в начале IV в. сформировали собственную державу.

Шло активное расселение различных народностей на территории бывшего центра формирования китайского этноса - Среднекитайской равнине, «плавильной печи» этносов. Своеобразное «варварское государство», противостоящее китайским государственным образованиям, добровольно пошло по пути его стремительной китаизации, вплоть до отказа от родного языка и веры, принятия китайских имен, культуры, китайской государственности и религии. В результате более чем двухсотлетнего сосуществования столь различных этносов, элементы кочевой культуры севера в конечном итоге фактически слились с культурной традицией Среднекитайской равнины. Фактически все это способствовало новому витку развития китайской цивилизации.

Таким образом, во взаимоотношениях варварского мира с цивилизацией преобладающими являлись внешнеполитические и экономические интересы. Однако в «иерархии» контактов торговые вряд ли преобладали, ибо для варварского мира война являлась более естественным состоянием. Взаимодействие и контакты развивались на фоне массовых передвижений племен, в обстановке военного соперничества между ними. Событийный ряд варварских вторжений, которые фиксирует письменная традиция как на Западе, так и в Азии, подтверждает развитие не только «горизонтальной» динамики миграционных процессов, но и их экстенсивного характера.

Растет число племен, охваченных «вирусом» переселения, и распространяется этот процесс в Европе с запада на восток, в Азии - с востока на запад. Обе волны миграционных импульсов встречаются в Северном Причерноморье и затем, сливаясь в один поток, устремляются в Римскую империю. Сопоставление различных форм контактов варварского мира с цивилизациями Запада и Востока уже в первом приближении дает возможность выявить ряд общих тенденций. В противостоянии цивилизации и варварского мира неизбежно формировался центр такого противостояния в варварском мире.

В контексте миграционных процессов этим центром являлось то или иное племя-лидер. С другой стороны, выделение лидирующих племен корректировалось и межплеменными противоречиями. Отсюда неизбежна постоянная сменяемость лидирующих племен. Можно отметить, что отношение цивилизации к варварскому миру как в Европе, так и в Восточной Азии было основано на балансе сдерживания и использования варваров. Подобная тактика,

являясь стратегически оправданной как для Рима, так и для Китая, приводила к провоцирующему эффекту в варварском мире. Длительные контакты, и военные, и экономические, вели к этно-потестарным изменениям в самом варварском мире. Следует обратить внимание и на то, что по мере расширения этих контактов в варварском мире формируется неприятие самой цивилизации и каких-либо отношений с ней. Таким образом, те изменения, которые происходили в варварском мире, и собственно многовековая трансформация этого мира не являются изолированными и самодостаточными. Они связаны, зависимы, порой подчинены ходу развития сопредельной цивилизации.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ МИНИМУМ

Аверс – лицевая сторона монеты. Лицо монеты определяют изображения (портреты правителя или гербы) или легенды, которые указывают на эмитента. Обычно они дополняют друг друга и расположены на одной стороне. Если они разделены, то аверсом считается сторона с «государственной» легендой.

Аурихалк (латунь) – более дорогой, чем бронза, сплав меди и цинка (56–67% меди).

Биллонная монета – монета, чистый вес серебра в которой составляет менее 50%, а бóльшую часть – лигатура.

Гурт – боковая сторона монетного кружка, расположенная между плоскостями лицевой и оборотной стороны.

Девальвация – сокращение золотого содержания денежной единицы.

Деноминация – уменьшение номинала вновь выпускаемых денежных знаков.

Донативы – дарственные монеты, медальоны, выпущенные в ограниченном количестве, исключавшем обращение на рынке, с целью награды, превосходящие по своей весовой норме обычные денежные единицы и по своему значению равные нашим наградным медалям.

Индикации – золотые пластинки, оттискивавшиеся с монет и служившие украшениями.

Клад – комплекс монет, характерный для определенной территории и времени своим составом, способом укрытия и т.п. Это более или менее крупная сумма денег, находившаяся в обращении на местном рынке, но по тем или иным причинам попавшая в землю.

Коммеморативные монеты – мемориальные монеты, посвященные памятным событиям и участвовавшие в денежном обращении.

Конторниаты – медальоны или монеты с глубокой бороздой вокруг поля, служившие наградой за победы в спортивных состязаниях.

Легенда – надпись на монете. Обычно она располагается по кругу или горизонтально в одну или несколько строк, реже вертикально и крестообразно.

Лигатура – 1) примесь недрагоценного металла в золотом или серебряном сплаве; 2) соединение, слияние двух букв в один знак.

Медальон – монеты, выпущенные в ограниченном количестве, исключавшем обращение этих монет на рынке, превосходящие по весовой норме обычные денежные единицы. Золотые медальоны известны со времени правления Августа, серебряные — со времени Домициана, медные — со времени Траяна.

Монета – слиток металла определенной формы, веса и достоинства, с клеймом, удостоверяющим его вес и чистоту, служащий узаконенным средством денежного обращения.

Монетная регалия – привилегия обладателя монетного права извлекать из чеканки доход.

Монетная система – сложившиеся в процессе обмена и обращения денег определенные весовые нормы и на основании этих норм монетные единицы и их сочетания.

Монетная стопа – количество монет из определенной весовой единицы металла (фунта, марки и т.д.).

Монетная техника – совокупность материальных средств и процессов, служащих для изготовления монет.

Монетное право – право чеканки, одно из суверенных прав государства. Могло быть пожаловано в виде привилегии, поручено, продано, сдано в аренду, заложено, узурпировано.

Монетный тип – устойчивая композиция элементов изображений, включая легенды, на лицевых и оборотных сторонах монет.

Номинал – достоинство монеты. В нумизматической литературе часто означает монету определенного достоинства.

Обрез – горизонтальная черта, отделяющая нижнюю часть монеты от основного поля.

Поле монеты – поверхность лицевой или оборотной стороны, не занятая изображениями и легендами.

Порча монеты – уменьшение массы драгоценного металла в составе монеты за счет понижения ее веса и пробы.

Проба монеты – отношение массы драгоценного металла к общей массе монеты.

Ревальвация – повышение золотого содержания денежной единицы.

Реверс – оборотная сторона монеты.

Ремедиум – предел допустимого отклонения фактического веса монеты от законной нормы.

Счетная денежная единица – денежная единица, используемая при счете, но не имеющая вещественного воплощения в монете (в раннем средневековье – либра, солид).

Счетная система – соотношение номиналов в одной монетной системе.

Тессеры – бронзовые или свинцовые жетоны, которые служили входными билетами на общественные зрелища, в цирк, в театр.

Электр – соединение золота и серебра, встречавшееся в виде природного сплава.

Эмиссия – совокупность монет одного монетного типа, выпущенных по поручению обладателя права чеканки монет.

Эмитент – обладатель права чеканки, выпускавший монету от своего имени.

Юстировка – сокращение веса монетной заготовки перед чеканкой до требуемого.

Nummi incusi (вдавленные монеты) – монеты, имевшие на оборотной стороне то же изображение, что и на лицевой, но в вогнутом виде.

Nummi scyphati (вогнутые монеты) – монеты из числа варварских подражаний, имеющие вогнуто-выпуклую форму, подобную некоторым византийским монетам X–XI вв.

Nummi serrati или dentati (зубчатые монеты) – монеты, имеющие на краях (гурте) зазубрины.

Nummi subaerati – монеты с ядром из недрагоценного металла и покрытые с обеих сторон тонким слоем драгоценного металла.

Quadratum incusum – углубленный, неправильной формы отпечаток, оставленный верхним штемпелем на свободной от изображения оборотной стороне древнегреческих архаических монет.

Учебное текстовое электронное издание

Безруков Андрей Викторович

АНТИЧНЫЙ МИР И ВАРВАРСКАЯ ПЕРИФЕРИЯ

Учебное пособие

0,89 Мб

1 электрон. опт. диск

г. Магнитогорск, 2019 год
ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова»
Адрес: 455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск,
пр. Ленина 38

ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»
Кафедра всеобщей истории
Центр электронных образовательных ресурсов и
дистанционных образовательных технологий
e-mail: ceor_dot@mail.ru